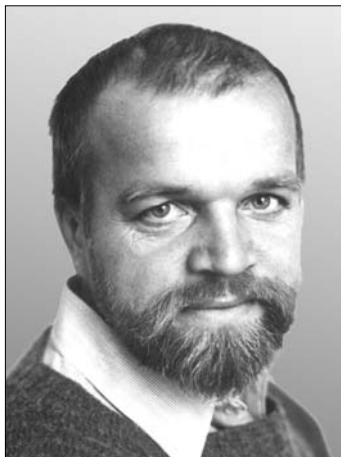

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

ТАНЕЦ ПОБЕДИТЕЛЯ*

РОМАН-БИОГРАФИЯ

Глава пятнадцатая

ТРЕТЬЯ ВОЙНА. И ПЕРВЫЙ ТРИУМФ

*“Операция, которую я
до сих пор люблю...”*

Однажды в споре историков я услышал такую фразу: “Зрелость Жукова при Халхин-Голе необъяснима”. В развитие этого тезиса снова всплыла версия о том, что якобы и Жукова вместе с “красными маршалами” в конце 1920-х годов или в начале 1930-х обучили искусству вождения войск германские специалисты.

Конечно, это очередные выдумки. Для чего? Да всё для того же, чтобы убедить население, что простой русский юноша из калужской деревни, выходец из бедняцкой семьи, не мог достичь таких высот благодаря лишь врождённым способностям, упорству и рвению, то есть таланту и характеру.

* Журнальный вариант. Главы из книги о Маршале Георгии Константиновиче Жукове. Полный текст готовится издательством “Молодая гвардия” в серии “Жизнь замечательных людей”. Первые главы романа-биографии были опубликованы в №6 за 2014 год.

МИХЕЕНКОВ Сергей Егорович родился в 1955 г. в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Служил в армии на Чукотке. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. К. Э. Циолковского и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Работал журналистом, учителем, научным сотрудником краеведческого музея, занимался издательской деятельностью. Автор пятнадцати книг прозы. Повести и рассказы публиковались в журналах “Наш современник”, “Молодая гвардия”, “Юность”, “Ясная поляна”, “Воин России”. Лауреат премий им. Н. А. Островского и А. Хомякова. Живёт в г. Тарусе на Оке.

В разговоре, записанном Константином Симоновым, о своей неожиданной командировке на Восток Жуков рассказывал: “На Халхин-Гол я поехал так — мне уже потом рассказали, как всё это получилось. Когда мы потерпели там первые неудачи в мае-июне, Сталин, обсуждая этот вопрос с Ворошиловым в присутствии Тимошенко и Пономаренко, тогдашнего секретаря ЦК Белоруссии, спросил Ворошилова: “Кто там, на Халхин-Голе, командует войсками?” — “Комбриг Фекленко”. “Ну, а кто этот Фекленко? Что он из себя представляет?” — спросил Сталин. Ворошилов сказал, что не может сейчас точно ответить на этот вопрос, лично не знает Фекленко и не знает, что тот из себя представляет. Сталин недовольно сказал: “Что же это такое? Люди воюют, а ты не представляешь себе, кто у тебя там воюет, кто командует войсками? Надо туда назначить кого-то другого, чтобы исправил положение и был способен действовать инициативно. Чтобы мог не только исправить положение, но и при случае надавать японцам”. Тимошенко сказал: “У меня есть одна кандидатура — командир кавалерийского корпуса Жуков”.

“Жуков... Жуков... — сказал Сталин. — Что-то я помню эту фамилию”. Тогда Ворошилов напомнил ему: “Это тот самый Жуков, который в 37-м прислал вам и мне телеграмму о том, что его несправедливо привлекают к партийной ответственности”. “Ну, и чем дело кончилось?” — спросил Сталин. Ворошилов сказал, что ничем: выяснилось, что для привлечения к партийной ответственности оснований не было.

Тимошенко охарактеризовал меня с хорошей стороны, сказал, что я человек решительный, справлюсь. Пономаренко тоже подтвердил, что для выполнения поставленной задачи это хорошая кандидатура.

Я в это время был заместителем командующего войсками Белорусского военного округа, был в округе в полевой поездке. Меня вызвали к телефону и сообщили: завтра надо быть в Москве. Я позвонил Сусайкову. Он был в то время членом Военного совета Белорусского округа. Тридцать девятый год всё-таки, думаю, что значит этот вызов? Спрашиваю: “Ты стороной не знаешь, почему вызывают?” Отвечает: “Не знаю. Знаю одно: утром ты должен быть в приемной Ворошилова”. — “Ну, что ж, есть!”

Поехал в Москву, получил приказание: лететь на Халхин-Гол, и на следующий день вылететь”.

Прежде чем отправиться к новому месту службы, Жуков навестил московскую родню. Сразу из Генштаба поехал в Брюсов переулок к двоюродному брату Михаилу Михайловичу Пилихину. Родные хоть и не ждали его, да ещё в столь поздний час, но встретили, как всегда, радушно.

Пока Клавдия Ильинична накрывала на стол, а брат бегал в ночной магазин за водкой, Жуков написал жене письмо. Узнав о его вызове в Москву, Александра Диевна разрыдалась — испугалась, что мужа арестуют. Насмотрелась на аресты в гарнизоне. На то, как офицерские жёны и дети в один момент остаются без мужей и отцов, без крыши над головой и средств к существованию... Он с трудом успокоил её, уговорил, чтобы до его весточки из Москвы сидела дома и ничего не предпринимала самостоятельно, ни с кем не обсуждала его отъезд и вообще поменьше разговаривала, даже с самым надёжными подругами. Знал её характер — сгоряча могла наговорить много лишнего.

“21.30. 24.5.39. Из Москвы в Смоленск.

Милый Шурик!

Сегодня был у наркома. Принял исключительно хорошо. Еду в продолжительную командировку. Нарком сказал: заряжать надо примерно на 3 месяца. К тебе у меня просьба такая: во-первых, не поддавайся хныканью, держись стойко и с достоинством, постарайся с честью перенести неприятную разлуку. Учти, родная, что мне предстоит очень тяжёлая работа, и я, как член партии, командир РККА, должен её выполнить с честью и образцово. Ты ж меня знаешь, что я плохо выполнять службу не приучен, но для этого мне нужно быть спокойным за тебя и за дочурок. Я тебя прошу это спокойствие мне создать. Напряги все свои силы, но этого добейся, иначе ты не можешь считать себя моим другом жизни. Что касается меня, то будь спокойна на 100 процентов.

Ты меня крепко напоследок обидела своими слезами. Ну, что ж, понимаю, тебе тоже тяжело.

Целую тебя крепко, крепко. Целую моих милых дочурок. Ваш Жорж”.

Жуков понял — его посылают на войну. Сомнений не было. Но воевать придётся не кавалерией. Так что по поводу шашки Ворошилов его не обманул. А вначале сердце дрогнуло, когда услышал, что — без шашки...

Нарком вкратце назвал группировку: пехота, артиллерия, авиация, танки и мотомехчасти. Кавалерии совсем мало, несколько эскадронов. По данным разведки, кавалерия была на той стороне, у противника — несколько полков баргутов. Баргуты — древнее племя, когда-то обитавшее в Забайкалье, а теперь живущее во Внутренней Монголии, хорошие воины, прирождённые наездники. В их жилах смешались три крови — монгольская, бурятская и тунгусская. Основной же силой, с которой предстояло драться, были японцы.

Что же предшествовало срочной командировке Жукова на Восток?

В 1937 году Англия начала искать пути дружбы с Германией, даже ценой своих интересов во Франции. 21 мая посол Германии в Англии фон Риббентроп пригласил в посольство для приватной беседы Черчилля, в то время рядового члена парламента. Отстранённый от активной политики, Черчилль основное время проводил в своём имении Чартвилл. Занимался живописью и писал очередную книгу. Одним словом, скучал без дела. Но немцы прекрасно понимали политический вес, влияние в парламенте Великобритании, да и военный потенциал этого человека. Риббентроп заявил, что Гитлер склонен к тому, чтобы гарантировать целостность Британской империи со всеми её колониями. Черчилль в свойственной ему манере даже лаконичные монологи превращает в афоризмы ответил, что “эту задачу уже несколько столетий выполняет британский флот”. Разговор затянулся. В конце концов, Риббентроп подошёл к карте, сказал, что рейх нуждается в жизненном пространстве, и жестом очертил то “жизненное пространство”, в котором “нуждается рейх”: всю Польшу, всю Украину, всю Белоруссию и Прибалтику. Черчилль ответил, что хотя англичане “находятся в плохих отношениях с Советской Россией и ненавидят коммунизм так же, как Гитлер, они всё же не ненавидят её настолько”.

— В таком случае, — сказал Риббентроп, — война неизбежна.

Правительство Чемберлена ещё какое-то время пыталось лавировать. Вернее, англичане вкупе с французами, оттягивая неизбежное, потихоньку скармливали молодому хищнику, одетому в униформу цвета фельдграу, Восточную Европу. В сентябре 1938 года по Мюнхенскомуговору, подписанному Англией, Францией, Германией и Италией, германские войска вошли в Судетскую область Чехословакии. Жадные до неосторожности поляки тут же потребовали свою долю от распадающейся Чехословакии — спорную Тихинскую область. При этом Польша пыталась пойти и дальше: обдумывала “возможность присоединения Варшавы к Антикоминтерновскому пакту”, с условием, что Германия уступит ей Украину с выходом к Чёрному морю. Застарелая болезненная мечта Речи Посполитой не давала покоя и толкала поляков на роковые ошибки. Германия же продолжала давить на Англию и Францию, требуя новых уступок и земель. На очереди была проблема “Данцигского коридора”, которую Европе, ступившей на путь компромисса, необходимо было решать в пользу Германии. Более того, в британских газетах появились статьи с заголовками вроде “Если немцы так могущественны, не должны ли мы пойти вместе с ними?”* Сбылось пророчество Черчилля, произнесённое им в речи в палате общин: “У вас был выбор между войной и бесчестьем. Вы выбрали бесчестье, теперь вы получите войну”.

И война началась.

В апреле 1939 года Гитлер отдал приказ о подготовке операции “Вайс” — вторжение в Польшу. Вермахт атаковал польские пограничные заставы 1 сентября. Общее командование блицкригом в Польше осуществлял

* Эта фраза принадлежит тогдашнему главному редактору лондонской газеты “Таймс” Джеффри Доусону.

генерал-полковник фон Браухич, армиями и танковыми группами командовали генералы Гудериан, фон Клюге, Лист, фон Рунштедт и фон Кюхлер.

Германские и словацкие дивизии стягивались к польской границе. В состоянии повышенной боевой готовности были приведены и части Красной армии, дислоцированные в западных особых военных округах — Белорусском и Киевском.

Жуков отбыл в противоположную сторону, за тысячи километров от вулкана, где уже созрела лава новой мировой войны. Его задачей было усмирение японцев и их союзников в Маньчжурии. Здесь Япония энергично создавала мощный плацдарм для нападения на СССР, Монголию и Китай.

Летом 1938 года у озера Хасан состоялась проба сил. Японцы атаковали небольшими силами, и их хорошенько оттрепали.

Осенью 1938 года японский Генштаб разработал план полномасштабной войны против МНР и СССР: оккупация Монгольской Народной Республики и советского Приморья. В случае успеха, “если проба сил у Халхин-Гола покажет, что Япония в состоянии победить СССР, то в действие вступал план, согласно которому японский Генштаб планировал перерезать Транссибирскую магистраль, отторгнуть Дальний Восток от остальной части Советского Союза”. Публикации последних лет проливают более ясный свет на замысел этой операции: по свидетельству одного из бывших офицеров японского Генерального штаба, “основной стратегический замысел японского командования по этому плану заключался в том, чтобы сосредоточить в Восточной Маньчжурии главные военные силы и направить их против советского Дальнего Востока. Квантунская армия должна была захватить Уссурийск, Владивосток, а затем Хабаровск и Благовещенск”.

Начальник штаба Квантунской армии генерал Итагаки говорил, что Монголия очень важна “с точки зрения японо-маньчжурского влияния сегодняшнего дня, ибо она является флангом обороны Транссибирской железной дороги, соединяющей советские территории на Дальнем Востоке и в Европе. Если Внешняя Монголия будет объединена с Японией и Маньчжоу-Го, то советские территории на Дальнем Востоке окажутся в очень тяжелом положении и можно будет уничтожить влияние Советского Союза на Дальнем Востоке без особенных военных усилий. Поэтому целью армии должно быть распространение японо-маньчжурского господства на Внешнюю Монголию любыми средствами”.

Замысел японцев был таков: овладеть Монголией, прорваться к Байкалу, перехватить коммуникации, связывающие Дальний Восток с центром, и придушить его в постепенной блокаде. На создание таких колоссальных “котлов” не осмелятся даже немцы в самый пик их военного могущества и успехов на Восточном и Западном фронтах.

Японцы зарились на жирный кусок: руды, железо, уголь, скот, пастбища, лес, железная дорога, территория, равная Германии, Англии и Франции вместе взятым...

Однако большими силами наступать японцы не решались. Конфликт сразу бы перерос в большую войну. Большая война уже вот-вот должна была вспыхнуть на Западе. Стоило немного подождать. Но до этого основательно укрепиться на своих передовых плацдармах, чтобы быть готовыми к нападению.

Поле битвы выбирали японцы. И выбрали его весьма удачно, выгодно расположив свои войска.

Что же представлял собой этот ландшафт, ставший после летне-осенних боёв 1939 года историческим?

Холмистая открытая местность пустыни Номонган. Пески с редкой растительностью. Балки, долины, сопки. И всю эту местность разрезала река Халхин-Гол. Ширина её 100–130 метров, глубина — до трёх метров. Берега крутые, местами заболоченные, а потому труднопроходимые для боевой техники. С востока тянется гряда сопки. Они возвышаются над местностью, главенствуют над окрестными холмами. В реку Халхин-Гол среди балок и песчаных котлованов впадает речка Хайластын-Гол. Именно она, эта небольшая речушка, разделит на две части район предстоящих боевых дейст-

вий. Для советских войск и союзнических монгольских эта речка была помехой: она рассекала фланги, препятствовала взаимодействию частей правого и левого крыла.

Выбирая место для атаки, японцы рассчитывали на то, что в случае неудачи можно будет легко отступить, “не теряя лица”, то есть вывести свои войска из-под удара.

Как отмечают историки, “с формальной точки зрения подобный инцидент выглядел бы как столкновение Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го (марионеточного государственного образования, созданного японцами после оккупации Маньчжурии). Фактически же за их спинами стояли Советский Союз и Япония. В январе 1936 года правительство Монголии обратилось к СССР с просьбой о военной помощи, а 12 марта 1936 в Улан-Баторе был подписан протокол, в соответствии с которым в Монголии были размещены советские войска — 57-й особый стрелковый корпус”.

Кстати, этот корпус формировал из войск группы усиления Монгольской народной армии и частей, дислоцированных в Забайкалье, комдив Иван Степанович Конев. Он был отозван из Белорусского военного округа в августе 1937 года и направлен в Читу. Конев за период с конца августа по начало сентября привёл корпус в Улан-Батор. Это был беспримерный марш-бросок крупного войскового соединения из Кяхты вглубь Монголии. 30 тысяч войск, 280 бронемашин, 265 танков, 107 самолётов различных типов. Части Квантунской армии в то время ничем подобным не располагали. Когда мотомехчасти 57-го особого корпуса закончили сосредоточение в районе города Саин-Шанда, в четырёхстах километрах к югу от Улан-Батора, разведка доложила, что подразделения Квантунской армии не двинулись с места. Все важнейшие коммуникации и перевалы были уже в руках коневцев. Конев за этот марш-маневр получил звание комкор и орден Красного Знамени.

И вот наступало время Жукова. Что чувствовал он накануне сражения, когда готовил войска к первому своему делу? Понимал ли он, осматривая в бинокль песчаные холмы и вереницу японских окопов на склоне Байн-Цагана, что перед ним лежит его Тулон?

Из рассказа Жукова Симонову: “Первоначальное приказание было такое: “Разобраться в обстановке, доложить о принятых мерах, доложить свои предложения”.

Я приехал, в обстановке разобрался, доложил о принятых мерах и о моих предложениях. Получил в один день одну за другой две шифровки: первая — что с выводами и предложениями согласны. И вторая: что назначаю вместо Фекленко командующим стоящего в Монголии особого корпуса”.

Прибыв в расположение 57-го корпуса, Жуков застал штаб и войска в полурасхлябанном состоянии.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “К утру 5 июня мы прибыли в Тамцак-Булак, в штаб 57-го особого корпуса, где и встретились с командиром корпуса Н. В. Фекленко, полковым комиссаром М. С. Никишевым — комиссаром корпуса, комбригом А. М. Куцевым — начальником штаба и другими.

Докладывая обстановку, А. М. Куцев сразу же оговорился, что она ещё недостаточно изучена.

Из доклада было ясно, что командование корпуса истинной обстановки не знает. Я спросил Н. В. Фекленко, как он считает, можно ли за 120 километров от поля боя управлять войсками.

— Сидим мы здесь, конечно, далековато, — ответил он, — но у нас район событий не подготовлен в оперативном отношении. Впереди нет ни одного километра телефонно-телеграфных линий, нет подготовленного командного пункта, посадочных площадок.

— А что делается для того, чтобы всё это было?

— Думаем послать за лесоматериалами и приступить к оборудованию КП.

Оказалось, что никто из командования корпуса, кроме полкового комиссара М. С. Никишева, в районе событий не был. Я предложил комкору немедленно поехать на передовую и там тщательно разобраться в обстановке.

Сославшись на то, что его могут в любую минуту вызвать к аппарату из Москвы, он предложил поехать со мной М. С. Никишеву.

В пути комиссар подробно рассказал о состоянии корпуса, его боеспособности, о штабе, об отдельных командирах и политических работниках. М. С. Никишев произвел на меня очень хорошее впечатление. Он знал своё дело, знал людей, их недостатки и достоинства.

Детальное ознакомление с местностью в районе событий, беседы с командирами и комиссарами частей наших войск и монгольской армии, а также со штабными работниками дали возможность яснее понять характер и масштаб развернувшихся событий и определить боеспособность противника. Были отмечены недостатки в действиях наших и монгольских войск. Одним из главных недочётов оказалось отсутствие тщательной разведки противника.

Всё говорило о том, что это не пограничный конфликт, что японцы не отказались от своих агрессивных целей в отношении Советского Дальнего Востока и МНР и что надо ждать в ближайшее время действий более широкого масштаба.

Оценивая обстановку в целом, мы пришли к выводу, что теми силами, которыми располагал наш 57-й особый корпус в МНР, пресечь японскую военную авантюру будет невозможно, особенно если начнутся одновременно активные действия в других районах и с других направлений.

Возвратившись на командный пункт и посоветовавшись с командованием корпуса, мы послали донесение наркому обороны. В нём кратко излагался план действий советско-монгольских войск: прочно удерживать плацдарм на правом берегу Халхин-Гола и одновременно подготовить контрудар из глубины. На следующий день был получен ответ. Нарком был полностью согласен с нашей оценкой обстановки и намеченными действиями. В этот же день был получен приказ наркома об освобождении комкора Н. В. Фекленко от командования 57-м особым корпусом и назначении меня командиром этого корпуса.

Понимая всю сложность обстановки, я обратился к наркому обороны с просьбой усилить наши авиационные части, а также выдвинуть к району боевых действий не менее трёх стрелковых дивизий и одной танковой бригады и значительно укрепить артиллерию, без чего, по нашему мнению, нельзя было добиться победы”.

Пока небо контролировала японская авиация. Одиночные истребители безнаказанно летали над территорией дислокации 57-го корпуса, гонялись за машинами, расстреливали их с воздуха. Росло количество убитых и раненых. Это плохо действовало на общее настроение войск, которым в ближайшие дни предстояло вступить в бой.

Генштаб на предложение усилить группировку отреагировал мгновенно. Из Москвы и военных округов были направлены самолёты, укомплектованные лучшими экипажами. Главную ударную силу составляли асы-истребители — 21 Герой Советского Союза. Почти все прошли Испанию, имели большой опыт боёв. Командовал авиацией в небе над Халхин-Голом Герой Советского Союза “испанец” Яков Смушкевич. Обладая огромным боевым опытом и организаторскими способностями, Смушкевич быстро наладил воздушное патрулирование. Советские лётчики, по сути дела, накрыли непробиваемым куполом район действий наших войск, их сосредоточение и развёртывание.

Здесь непосредственно в бою были испытаны и отлично показали свои технические и огневые качества модернизированные “И-16” и сверхманёвренные истребители-бипланы “Чайка” (И-153). Начались воздушные схватки. Японские лётчики, владевшие небом, конечно же, не хотели его уступать.

Двадцать второго июня с аэродромов противостоящих сторон взлетели 95 советских и 120 японских истребителей. Началась битва за небо. Позже Константин Симонов, наблюдавший события на Халхин-Голе глазами репортёра, напишет, что таких грандиозных воздушных боёв не видел даже во время Великой Отечественной. Бой истребителей длился три с половиной часа. Самолёты по несколько раз садились для дозаправки и пополнения боекомплекта. Результат: сбито 32 японских самолёта, наши потери — 11.

Двадцать четвёртого июня японцы, уязвлённые неудачей двухдневной давности, залатали пробоины на крыльях своих истребителей “Накадзима”

Ki-27 и повторили налёт. И снова были избиты. Некоторые горящие машины падали прямо в реку.

В воздушных схватках с 22 по 28 июня японцы потеряли 90 самолётов. Наши потери — 38 машин. В июле напряжение в воздухе заметно ослабло.

На земле среди песчаных барханов и сопок война шла с переменным успехом. Стороны готовились к решающим боям. Накапливали силы, подтягивали войска, укрепляли оборону, подвозили боеприпасы. Усиленно действовала разведка.

Местность в районе боёв была открытая. Все передвижения войск — как на ладони. Разведывательный самолёт поднимался в воздух, набирал высоту и — вот они, колонны противника: наноси на карту направление их движения, примерный численный состав, вооружение, типы танков и орудий...

В начале июля 1939 года 57-й корпус был преобразован в 1-ю армейскую группу. Несколькими днями раньше в Чите для обеспечения воюющей армейской группы сформировали Фронтową группу. Первую возглавил командир Жуков. Вторую — командарм 2-го ранга Штерн. Одновременно в районе боевых действий находился заместитель наркома обороны командарм 1-го ранга Кулик. Он выполнял ту роль, которую вскоре будут выполнять на фронтах представители Ставки.

Хроника решающих боёв на песчаных, продутых монгольскими ветрами берегах реки Халхин-Гол такова:

второго июля японцы и баргутская кавалерия начали очередное наступление, противник форсировал реку и на западном берегу овладел господствующей высотой Баин-Цаган;

в тот же день Жуков отдал приказ своему резерву (танковой бригаде и монгольскому бронедивизиону) контратаковать противника;

четвёртого июля японская ударная группировка, оказавшись в полуокружении, понесла огромные потери;

пятого июля “Баин-Цаганское побоище” стихло, и японские войска начали отход;

восьмого июля ночью японцы вновь атаковали и потеснили наши подразделения, находившиеся за рекой на плацдарме;

одиннадцатого июля Жуков подписал жёсткий приказ, после которого ряд командиров, уклонившихся от боя, и бойцов-“самострелов” были преданы суду военного трибунала;

в тот же день была проведена атака прорвавшихся японцев частями 11-й танковой бригады, во время которой погиб её командир комбриг Яковлев;

тринадцатого июля в наиболее напряжённые дни Жуков подписал приказ: “Тов. красноармейцы, командиры и политработники соединений и частей корпуса! На нас, сынов славного 170-миллионного народа, выпала высокая честь защиты трудовых масс МНР от презренных захватчиков, на нас возложена почётная задача разгрома самураев, попирающих мирный труд свободного народа МНР. Призываю вас к отваге, мужеству, смелости, храбрости и героизму! Смерть презренным трусам и изменникам! Суровая рука революционного закона и впредь будет беспощадно сметать с лица земли трусов и изменников. Честь и слава храбрым и смелым воинам нашей славной РККА! Приказ довести до каждого бойца”;

с тринадцатого на двадцать второе июля на фронте наступила пауза, обе противоборствующие группировки использовали её для проведения перегруппировки и отдыха, готовясь к решающему удару;

двадцать третьего июля японские войска провели артподготовку и атаковали плацдарм на правом берегу, но после двухдневных боёв вынуждены были отступить на исходные позиции;

снова начались воздушные бои, в ходе которых с 21 по 26 июля японские лётчики потеряли 67 самолётов, наши — 20;

тридцать первого июля из Москвы пришёл указ о присвоении командиру 1-й армейской группы очередного воинского звания комкор;

в августе шли усиленные консультации в рамках треугольника нарком Ворошилов—Штерн—Жуков по поводу предстоящего наступления, группи-

ровка накапливает силы, боеприпасы, продовольствие, горючее, усиленно работает разведка и штабы;

в штабе 1-й армейской группы подготовлен план операции по разгрому 6-й армии японцев в районе реки Халхин-Гол;

двадцатого августа в 6 часов 15 минут началась мощная артподготовка и авианалёт на заранее разведанные цели, после чего войска Жукова двумя ударными группировками атаковали фланги 6-й японской армии и оборону в центре;

двадцать первого и двадцать второго августа японцы, придя в себя, начали контратаковать, на что Жуков отреагировал введением в дело резервной 9-й мотоброневой бригады;

двадцать третьего августа, в самый пик напряжения, Жуков ввёл в бой свой последний резерв — 212-ю авиадесантную бригаду и две роты пограничников;

двадцать четвертого и двадцать пятого августа лётчики комкора Смушкевича успешно действовали бомбардировочной и истребительной авиацией: эскадрильи скоростных бомбардировщиков совершили 218 групповых вылетов и сбросили на склады, колонны живой силы и техники, на позиции 6-й японской армии и её тылы 96 тонн бомб, а истребителями в воздушных боях было сбито 70 японских самолётов;

двадцать шестого августа ударные группировки правого и левого крыла армейской группы Жукова сомкнулись позади боевых порядков 6-й японской армии и начали энергично формировать “котёл”;

в этот день Квантунская армия несколько раз предпринимала попытки деблокировать окружённых в районе Халхин-Гола — из Хайлара перебрасывались части 14-й пехотной бригады японцев и вводились в бой на узком участке, но 80-й стрелковый полк, прочно врывшийся на северо-восточной кромке “Больших Песков”, отбил все атаки извне;

двадцать девятого и тридцатого августа бои продолжались на северном участке фронта в районе реки Хайластын-Гол, а к утру тридцать первого августа на территории Монголии не было ни одного вооружённого солдата Квантунской армии — только пленные и мёртвые;

четвёртого сентября два батальона японцев атаковали высоту Эрис-Улын-Обо на правом крыле фронта, но были жёстко отбиты, потеряв убитыми и пленными до 350 человек;

восьмого сентября усиленный батальон японцев снова атаковал правый фланг 1-й армейской группы, и снова был отбит с большими для него потерями.

Вот и всё. Солдаты 1-й армейской группы собирали по оврагам и воронкам в окрестностях Халхин-Гола и Баин-Цагана пленных и трофеи. В штабе Жукова подсчитывали свои потери. А тем временем Япония, разуверившись в силе своего оружия, спешила обезопасить себя иными, политическими средствами — через своего посла в Москве “обратилась к правительству СССР с просьбой о прекращении военных действий на монгольско-маньчжурской границе”.

Сталин ликовал. Ему очень нужна была именно эта и именно такая, сокрушительная, победа. Победителей ждали награды.

Через несколько дней после того, как смолкли последние залпы, а солдаты трёх армий — Красной, Монольской Народно-революционной и Квантунской — похоронили своих погибших боевых товарищей, политики подписали “соглашение между Советским Союзом, МНР и Японией о прекращении военных действий в районе реки Халхин-Гол”, которое вступило в силу на следующий день.

Соглашение было подписано 15 сентября 1939 года. В это время далеко на Западе, в Польше, шла война. Германские танковые клинья при поддержке эскадрилий пикирующих бомбардировщиков кромсали польскую армию. Уже была окружена Варшава, шли бои на Побережье. Завершилось окружение польских войск, которые не смогли противостоять германскому блицкригу, в гигантском “котле” между Вислой и Бугом. Солдаты и офицеры Войска Польского, оказавшись в безвыходном положении, сдавались тысячами.

Англия и Франция объявили войну Германии.

Семнадцатого сентября Красная армия перешла польскую границу севернее и южнее Припятских болот. Официальным предлогом было “обеспечение безопасности украинцев, белорусов и евреев, проживающих в восточных областях Польши” в обстоятельствах “полного распада государства”.

Главные события происходили на Западе. Именно там вскипала история. И она ещё призовет Жукова туда, на свои поля раздора. Но пока Жуков занимался последствиями малой войны за тысячи километров от Буга и Сана.

В первые дни наступившей тишины стороны, как уже было сказано, хоронили своих убитых.

Произошёл такой эпизод, который добавляет весьма важный штрих к характеристике Жукова.

Вначале вчерашние неприятели приняли решение об обмене пленными. Потом японцы попросили советскую сторону разрешить им собрать тела убитых своих солдат на территории, которая теперь им не принадлежала. Обычай предписывал: тело погибшего воина должно быть сожжено, а урна с прахом передана его семье. Советскую сторону смутила неожиданная просьба японцев. Побаивались и того, что это одна из уловок разведки Квантунской армии, что, возможно, сражение на берегах Халхин-Гола только начало войны. Переговоры стали затягиваться. Тогда японцы тонко упрекнули советскую сторону в атеизме и снова пояснили — “законы буддизма требуют, чтобы родные могли поклониться праху своих мертвецов”. Переговорщики советской стороны попросили паузу, после которой объявили японской стороне, что согласие командующего войсками армейской группы комбрига Жукова получено и что их санитары могут приступить к сбору тел. Японские офицеры восприняли это решение с глубоким удовлетворением, и дальнейшие переговоры проходили под впечатлением великодушия победителей.

Много лет спустя бывший переводчик японской делегации майор Ньюмура в своих мемуарах рассказал о реакции офицеров и солдат Квантунской армии, когда они узнали о положительном решении советской стороны по поводу просьбы о погребении павших: Жуков признал высшую ценность религии, значит, он в первую очередь воин, и только потом “настоящий коммунист”.

Но ещё сильнее японцев впечатлил разгром их 6-й армии. Танковая атака под Баин-Цаганом. Налёты эскадрилий скоростных бомбардировщиков и губительный огонь советских истребителей. Стойкость пехоты РККА. И мощь артиллерии.

Когда германские войска перейдут границы СССР и в поисках союзников во всю заработает дипломатия Третьего рейха, посол Германии в Японии Отт в ответ на напоминание японской стороне о союзнических обязательствах услышит от принца Коноэ буквально следующее: “Японии потребуется ещё два года, чтобы достигнуть уровня техники, вооружения и механизации, которые показала Красная армия в боях в районе Халхин-Гола”.

Но и через два года японцы не осмелятся напасть на СССР.

О тех событиях, о военных замыслах японцев маршал спустя годы говорил: “Думаю, что с их стороны это была серьёзная разведка боем. Серьёзное прощупывание. Японцам было важно тогда прощупать, в состоянии ли мы с ними воевать. И исход боёв на Халхин-Голе впоследствии определил их более или менее сдержанное поведение в начале нашей войны с немцами. Но если бы на Халхин-Голе их дела пошли удачно, они бы развернули дальнейшее наступление. В их далеко идущие планы входил захват восточной части Монголии и выход к Байкалу и к Чите, к тоннелям, на перехват Сибирской магистрали”.

Когда дело было сделано, Жуков заскучал по семье. Вспомнил, что сказал брату и его жене, прощаясь с ними перед тем, как уехать на аэродром, где его и других офицеров ждал борт до Читы: “Или вернусь с подарками, или... не поминайте меня лихом”. Клавдия Ильинична тогда ответила: “Лучше уж с подарками”.

Подарки дарить он любил.

Из письма Жукова двоюродному брату М. М. Пилихину от 31 октября 1939 года: “Миша, шлю тебе привет, очевидно, я буду через месяц-полтора

в Москве, тогда обо всём поговорим, а сейчас скажу пару слов. Провёл войну, кажется, неплохо. Сам здоров, сейчас налаживаю дела, так как за войну кое-что подразболталось. Посылаю тебе подарок, который я получил от наркома: костюм... если будет тебе коротковат, попробуй его переделать. Жму руку, Георгий. Поцелуй за меня Клавдию Ильиничну и Риточку”.

Посылка для Пилихиных в Москву была отправлена с оказией.

Бывший адъютант Жукова М. Ф. Воротников вспоминал: “В первых числах ноября 1939 года, находясь в Улан-Баторе, Георгий Константинович командировал меня в Москву с наградными материалами... Провожая, Жуков наказал: “Зайдите сразу к моему двоюродному брату, Михаилу Пилихину, передайте вот этот чемодан и письмо. Живёт он недалеко от Центрального телеграфа, в Брюсовском переулке, 21. Скажите, что непременно приеду с подарками, как обещал. А вот эту записку отдайте директору Центрального Военторга”.

А записка для директора Центрального Военторга свидетельствует о необычайной скромности и одновременно заботливости Жукова о семье: герой Халхин-Гола просил отпустить ему через адъютанта за наличный расчёт несколько отрезков ситца для пошива платьев девочкам двух и одиннадцати лет. Да солёной кильки в банках.

Эра Георгиевна Жукова вспоминала, что “в конце лета отец написал, чтобы мы собирались к нему в Монголию, так как обстановка стабилизировалась. Сборы были суматошными, всем миром обсуждали, что взять с собой. Тем более, что папа в письмах предупреждал, что в Монголии трудности с овощами и фруктами. А ведь у мамы были мы: сестре шёл всего третий год”.

Глава шестнадцатая

КИЕВСКИЙ ОСОБЫЙ

“Обогнать отходящие колонны румынских войск и выйти к реке Прут”.

В “Личном листке по учёту кадров” дату окончания службы в Монголии Жуков собственноручно пометил апрелем 1940 года.

Когда весной 1939 года Жуков уезжал из Брюсова переулка на аэродром, на вопрос брата, куда же всё-таки его направляют, уклончиво ответил: “Еду туда, где будет либо грудь в крестах, либо голова в кустах...” Вернулся со звёздами.

В начале июня вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР “Об установлении воинских званий высшего командного состава Красной армии” — вводились генеральские звания. Жукову были присвоено воинское звание генерал армии. Командарм 2-го ранга Конев получил звание генерал-лейтенант. Генералами армии стали К. А. Мерецков и И. В. Тюленев.

Жуков перескочил через несколько ступеней и, не износив ромбов ни командарма 2-го ранга, ни 1-го, получил в петлицы сразу пять звёзд генерала армии. Так Сталин и Наркомат обороны оценили его победу на Халхин-Голе.

Назначение на Киевский Особый военный округ (КОВО) Жуков получил в Кремле из первых уст.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “С И. В. Сталиным мне раньше не приходилось встречаться, и на приём к нему шёл, сильно волнуясь.

Кроме И. В. Сталина, в кабинете были М. И. Калинин, В. М. Молотов и другие члены Политбюро.

Поздоровавшись, И. В. Сталин, закуривая трубку, сразу же спросил:

— Как вы оцениваете японскую армию?

— Японский солдат, который дрался с нами на Халхин-Голе, хорошо подготовлен, особенно для ближнего боя, — ответил я. — Дисциплинирован, исполнительен и упорен в бою, особенно в оборонительном. Младший командный состав подготовлен очень хорошо и дерётся с фанатическим упорством.

Как правило, младшие командиры в плен не сдаются и не останавливаются перед “харакири”. Офицерский состав, особенно старший и высший, подготовлен слабо, малоинициативен и склонен действовать по шаблону”.

Жуков также доложил о состоянии боевой техники и вооружения, привёл сравнительные характеристики наших и японских танков и самолётов. Отметил хорошую боевую работу лётчиков под командованием Смушкевича. Сталин спросил:

— Как действовали наши войска?

— Наши кадровые войска дрались хорошо. Особенно хорошо дрались 36-я мотодивизия под командованием Петрова и 57-я дивизия под командованием Галанина, прибывшая из Забайкалья.

Жуков вынужден был доложить и о тех недостатках, которые обнаружили в ходе боёв. Сказал о нестойкости 82-й стрелковой дивизии, развернутой накануне монгольских событий и укомплектованной в основном приписным составом, необученным и несколоченным. Отметил умелые действия танковых бригад, особенно II-й комбрига Яковлева. И отметил, что танки БТ-5 и БТ-7 слишком огнеопасны, что были случаи, когда машины загорались вне боя, на марше. Причина пожаров — несовершенство конструкции моторов и ходовой части. Одновременно отметил эффективность танковых атак, при умелом управлении — их мощь и манёвренность: “Считаю, что нам нужно резко увеличить в составе вооружённых сил бронетанковые и механизированные войска”.

Сталин спросил об артиллерии. Жуков ответил, что “артиллерия наша во всех отношениях превосходила японскую, особенно в стрельбе”.

“Я пристально наблюдал за И. В. Сталиным, — вспоминал впоследствии маршал, — и мне казалось, что он с интересом слушает меня”.

Сталин слушал с интересом. Кто знает, что думал диктатор, глядя на своего будущего первого маршала? Расстреляв героев гражданской войны и таким образом избавившись от опасности заговора и удара в спину, он был поставлен судьбой и обстоятельствами перед необходимостью замены мятежных маршалов новыми. Пока генералами. Но будущих маршалов он в них уже видел.

В конце марта того же 1940 года из ленинградской тюрьмы “Кресты” вышел Рокоссовский. За него хлопотал Тимошенко. Сталин уступил. Рокоссовского с семьёй сразу же отправили в Сочи — поправить здоровье, успокоиться и подготовиться к службе и новому назначению.

Сталин выслушал Жукова и сказал:

— Теперь у вас есть боевой опыт. Принимайте Киевский округ и свой опыт используйте в подготовке войск.

Жуков, выдержав паузу, спросил:

— Как понимать крайне пассивный характер войны на Западе? Как в дальнейшем там будут развиваться события?

Сталин усмехнулся. Вопрос генерала армии ему понравился. Он снова набил трубку и раскурил её.

— Французское правительство во главе с Деладьё и английское во главе с Чемберленом не хотят серьёзно влезать в войну с Гитлером. — Сталин говорил неторопливо, словно рассуждая; к этой манере длинных монологов Жуков привыкнет, когда ему придётся часто общаться с хозяином кремлёвского кабинета. — Они всё ещё надеются подбить Гитлера на войну с Советским Союзом. Но из этого ничего не выйдет. Им придётся самим расплачиваться за свою недалёковидную политику.

Сталин всё ещё верил в надёжность пакта, заключённого год назад с Германией*.

Возвратившись в гостиницу “Москва”, Жуков долго не мог уснуть, размышляя о беседе с вождём. Об этой первой их встрече маршал написал в мемуарах: “Внешность И. В. Сталина, его негромкий голос, конкретность

* Имеется в виду Пакт о ненападении, вошедший историю по названию “Пакт Молотова-Риббентропа”, который был заключён между СССР и Германией 23 августа 1939 года.

и глубина суждений, осведомлённость в военных вопросах, внимание, с которым он слушал доклад, произвели на меня большое впечатление”.

До отъезда в Киев Жуков с семьёй жил в одном из номеров гостиницы “Москва”. Это была самая комфортабельная гостиница, построенная в 1930-е годы архитектором А. В. Щусевым в стиле “сталинского ампира”.

В те дни Жуков был оглушён. Почести, доверие, внимание, новое назначение... Его всё поражало и впечатляло. И Золотая Звезда Героя на груди, и обилие звёзд в генеральских петлицах, и “негромкий голос” Сталина, когда тот обращался к нему, и величавая роскошь гостиницы как символ новой народной империи, и счастливые глаза жены и дочерей — всё это окрыляло его, делало сильным, но он ещё не осознавал своей силы.

В своих воспоминаниях Жуков ни словом не обмолвился о том, с какой целью Сталин посылал его в Киев. А между тем армии самого мощного военного округа должны были обеспечить реализацию одного из пунктов “Пакта Молотова-Риббентропа”, касающегося возвращения Бессарабии и Северной Буковины.

Ночью 27 июня 1940 года нарком иностранных дел СССР Молотов пригласил к себе румынского посланника Давидеску и вручил ему ультиматум: в течение суток заявить о согласии на передачу Советскому Союзу районов Бессарабии и Северной Буковины.

История спорных территорий такова. В январе 1918 года, воспользовавшись гражданской войной в России и ослаблением Русской армии, Румыния послала свои войска за Дунай и Прут и захватила земли до Днестра. Румыны с боем заняли Кишинёв. Захват земель не был признан Советской Россией. По последней переписи, проведённой в 1897 году, в Бессарабии и Северной Буковине состав коренного населения был таким: молдаване — 47,6 процента; украинцы — 19,6; евреи — 11,8; русские — 8; болгары — 5,3; немцы — 3,1; гагаузы — 2,9 процента.

Сталин собирал растерянные в годы смуты земли бывшей Российской империи, строя свою — советскую.

Правительству Румынии долгое время удавалось лавировать между интересами Англии, Франции, Германии, Италии и удерживать за собой оккупированные области. В 1939 году согласно подписанному пакту спорные территории отходили к СССР. 1 июня 1940 года немцы заявили о своём вмешательстве в случае нападения СССР на Румынию и в то же время усилили поставки в Румынию трофейного польского оружия. Румыны, чувствуя, что старый спор вот-вот может разрешиться не в их пользу, попросили помощи Германии. Но немцы “остались верны” германо-советским соглашениям. Говорят, Гитлер обронил: “Румынию лучше иметь противником, чем союзником”. Видимо, имея в виду, что противник из Румынии слабый, и румынская нефть в виде бензина и масел польётся в баки и моторы самолётов и танков вермахта сразу, когда этого потребуют обстоятельства большой войны. Союзник же всегда склонен выторговывать условия своего союза.

Двадцать восьмого июня 1940 года войска Жукова взяли под свой контроль мосты и переправы через реки Черемош, Прут и Днестр, переправились и колоннами двинулись дальше в южном, юго-западном и западном направлениях. Начался Прутский поход советских войск. Жуков провёл его стремительно, в несколько суток.

Получив указание из Москвы действовать по “мирному” варианту, войска Жукова начали операцию. Вперёд двинулась лишь часть группировки. Румынские пограничники и войска снимались с позиций и отходили в тыл, а части Южного фронта занимали оставленную территорию. Разминировались мосты. Советские войска вступили в Хотин, Кишинёв, Бельцы, Бендеры, Аккерман.

Двадцать девятого июня 204-я воздушно-десантная бригада в количестве 1372 человека десантировалась в районе города Болграда с приказом занять города Рени и Кагул. Вечером того же дня советские войска вышли к реке Прут, перехватили коммуникации и установили погранпосты с целью проверки румынских войск и изъятия у них награбленного имущества,

которое принадлежало местному населению. В освобождённом советскими войсками Кишинёве состоялся митинг: перед 100-тысячным собранием горожан выступили Хрущёв и Тимошенко, а также председатель Бессарабского Временного революционного комитета Бурлаченко. Советские газеты сообщали, что народ встречал Красную армию с ликованием.

Тридцатого июня десантники 204-й воздушно-десантной бригады вошли в город Рени, где завязалась короткая перестрелка с румынскими пограничниками. В этот же день 44 самолёта десантировали в районе Измаила части 201-й воздушно-десантной бригады. К исходу дня авангарды Южного фронта вышли к реке Прут на новую советско-румынскую границу.

Первого июля ночью с румынской территории был открыт огонь. Один красноармеец получил ранение. Войска Красной армии не отвечали. Утром с рассветом части 204-й воздушно-десантной бригады заняли Кагул и пресекли грабёж местного населения отходящими частями румынской армии. К исходу дня новая граница по рекам Прут и Дунай полностью контролировалась войсками Южного фронта.

Второго июля румыны потребовали от советской стороны возвращения оружия и боеприпасов, захваченных на территории Бессарабии и Северной Буковины. В 22.00 с румынской стороны было произведено шесть одиночных выстрелов из винтовки. Ответный огонь не последовал. Красноармейцы и пограничники строго исполняли приказ Жукова огня не открывать. На заявление советских пограничников о произошедшем инциденте делегаты румынской стороны ответили, что “румынские солдаты чистят оружие и от неосторожности происходят выстрелы”.

Третьего июля — шестой и последний день похода — из Румынии депортированы 134 бывших солдата румынской армии, мобилизованных в районах, отошедших к СССР. Граница через реки Дунай и Прут окончательно закрыта. По нарушителям пограничники открывают огонь. В Кишинёве состоялся парад войск Южного фронта и демонстрация по поводу присоединения Бессарабии к СССР.

Четвёртого июля румынские войска числом до двух рот вышли на правый берег Прута и начали окапываться напротив погранпоста. В ответ на этот демонстративный манёвр Жуков приказал выкатить на прямую наводку несколько орудий под прикрытием бронемашин. Через несколько часов румынские солдаты покинули свои позиции и ушли в глубь своей территории. В этот же день в город Кагул вошли части 25-й стрелковой дивизии. 204-я воздушно-десантная бригада отведена в Болград, там погрузилась в вагоны и по железной дороге перебросена в Бендеры.

Пятого июля начальник штаба Южного фронта генерал Ватутин передал ответ румынскому генералу Красна, что оружие у румынских солдат насильственно не изымалось, а “брошенное разбежавшимися солдатами румынской армии” советские воины собирать не обязаны. Войска Южного фронта приказом Жукова переведены “в состояние обычной готовности мирного времени”.

Седьмого июля расформировано полевое управление Южного фронта. Из Одессы в Аккерман прибыли первые грузовые суда с продовольствием для жителей Бессарабии.

Восьмого июля пограничные отряды НКВД — 120 погранзастав — заступили в наряды по новой линии демаркации между СССР и Румынией. Войска расформированного Южного фронта начали возвращаться к местам постоянной дислокации.

Девятого июля Гитлер объявил Румынию государством, находящимся под защитой Германии.

Второго августа VII сессия Верховного Совета СССР приняла Закон “Об образовании союзной Молдавской Советской Социалистической Республики” в составе СССР. В состав Молдавской ССР включены шесть из девяти уездов бывшей Бессарабской губернии, входившей в состав Российской империи, — Бельцкий, Бендерский, Кагульский, Кишинёвский с городом Кишинёв, Оргеевский, Сорокский, — а также Григориопольский, Дубоссарский, Каменский, Рыбницкий, Слободзейский, Тираспольский с городом

Тирасполь районы бывшей Молдавской АССР, в 1918 году оккупированной румынской армией. Аккерманский, Измаильский и Хотинский уезды Бессарабии отошли к Украинской ССР. Войска, дислоцированные в новых лагерях на присоединённых территориях, получили указание Политуправления Красной армии разъяснить всему личному составу, что *“благодаря мудрой сталинской внешней политике мы избавили от кровопролитной войны трудящихся Бессарабии и Северной Буковины и решили вопрос о возвращении Бессарабии в могучую семью Советского Союза мирным путем”*. Войскам приказывалось *“сохранять бдительность и вести активную политработу среди местного населения”*.

Восьмого октября маршал Антонеску обратился к Гитлеру с просьбой о вводе германских войск в Румынию *“для защиты нефтеносного района Плоешти и обучения румынских войск”*. Через четыре дня корпус вермахта взял под контроль все нефтяные месторождения Румынии. Риббентроп в своём письме Сталину объяснил действия Германии заботой о недопущении венгеро-румынского конфликта из-за спорных территорий и утверждал, что *“германо-итальянские гарантии Румынии вовсе не направлены против СССР”*.

Шестнадцатого октября правительство маршала Антонеску дало согласие на присоединение Румынии к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии.

После того как немецкие солдаты вошли в Румынию, *“еврейские беженцы массово хлынули в СССР, все они оседали в новообразованной Молдавской ССР и Аккерманской области УССР”*.

Сталин был очень доволен своим генералом. Тем, что не ошибся в Жукове, доверив ему *“блицкриг”* в Бессарабии. Тем, что земли советской империи прирастают некогда утраченными областями. Тем, что Красная армия занимает более выгодные позиции и районы для возможных боевых действий в ближайшее время. Войска в Бессарабии теперь надёжно обеспечивали южный фланг — выстраивалась во всех отношениях удобная линия обороны по Карпатам и устью Дуная. К тому же теперь рядом находились нефтяные промыслы Плоешти. Больше половины горюче-смазочных материалов для танков, авиации и транспорта Германия получала именно отсюда. Насколько массированных налётов бомбардировочной авиации — и... Сталина согревало и это — возможность контролировать Гитлера, пусть косвенно, посредством возможного влияния на поставки румынской нефти.

Любопытный факт: многие будущие главные маршалы и генералы большой войны были уже здесь. Командующие фронтами, армиями, корпусами и дивизиями.

Рокоссовский командовал 5-м кавалерийским корпусом, который был срочно переброшен в КОВО и после Прутекого похода был дислоцирован в Славуте и окрестностях.

Ватутин руководил штабом округа, а во время похода — штабом Южного фронта.

Катуков командовал танковой дивизией, дислоцированной в районе Шепетовки.

Черняховский — танковой бригадой в Белоруссии.

Конев ещё служил в Забайкалье, но в Наркомате обороны ему уже был заготовлен приказ о назначении в Северо-Кавказский военный округ, где совсем скоро он приступит к формированию 19-й армии. Летом и осенью 1941 года 19-й армии придётся стоять на самых опасных участках фронта, прикрывая смоленское, а потом и московское направления.

Баграмян служил в штабе 12-й армии КОВО. Вскоре он будет переведён в штаб округа и возглавит оперативный отдел.

Итоги шестидневного похода Жукова не радовали. А большая война, уже год сотрясавшая Европу, подступала к рубежам СССР. Войска надо было готовить к самой трудной войне. Она уже тогда, осенью 1940-го, многим казалась неминуемой.

Глава семнадцатая

ГЕНШТАБ

“Если не получится из меня хороший начальник Генштаба, буду проситься обратно в строй...”

Хорошим генштабистом Жуков так и не стал. Кажется, он и сам в какой-то момент понял, что попал не в свою стихию. Но школу Генштаба пройти ему всё же довелось. И она, эта суровая и напряжённая школа рядом с Верховным главнокомандующим, стала для него одной из необходимых ступеней роста.

В Генштаб Жукова пригласили в феврале 1941 года.

Осенью и в начале зимы в КОВО кипела работа. Жуков накручивал командный состав, торопил, всячески подгонял. В его руках был самый крупный военный округ. Да и географически он лежал на пути всех неприятелей, которые когда-либо вторгались в пределы России. В декабре Жуков отбыл на совещание высшего командного состава РККА. В Москву поехал с докладом. Текст выступления ему помог подготовить начальник штаба 12-й армии и бывший однокашник полковник Баграмян.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Совещание состоялось в конце декабря 1940 года. В его работе приняли участие командующие округами и армиями, члены военных советов и начальники штабов округов и армий, начальники всех военных академий, профессора и доктора военных наук, генерал-инспектора родов войск, начальники центральных управлений и руководящий состав Генерального штаба. На совещании всё время присутствовали члены Политбюро А. А. Жданов, Г. М. Маленков и другие...”

Мой доклад “Характер современной наступательной операции” был также встречен хорошо. Участники совещания сделали ряд ценных дополнений и критических замечаний.

Все принявшие участие в прениях и выступивший с заключительным словом нарком обороны были единодушны в том, что, если война против Советского Союза будет развязана фашистской Германией, нам придётся иметь дело с самой сильной армией Запада. На совещании подчеркивалась её оснащённость бронетанковыми, моторизованными войсками и сильной авиацией, отмечался большой опыт организации и ведения современной войны.

Мы предвидели, что война с Германией может быть тяжёлой и длительной, но вместе с тем считали, что страна наша уже имеет всё необходимое для продолжительной войны и борьбы до полной победы. Тогда мы не думали, что нашим вооружённым силам придётся так неудачно вступить в войну, в первых же сражениях потерпеть тяжёлое поражение и вынужденно отходить вглубь страны.

Все выступавшие считали необходимым и в дальнейшем продолжать формировать танковые и механизированные соединения типа дивизия—корпус, с тем, чтобы иметь равное соотношение в силах с немецкой армией. Много говорилось о реорганизации, перевооружении ВВС, противоздушной и противотанковой обороны войск, а также о необходимости перевода артиллерии на механическую тягу, чтобы повысить её подвижность и проходимость вне дорог.

После совещания на другой же день должна была состояться большая военная игра, но нас неожиданно вызвали к И. В. Сталину.

И. В. Сталин встретил нас довольно сухо, поздоровался еле заметным кивком и предложил сесть за стол. Это уже был не тот Сталин, которого я видел после возвращения с Халхин-Гола. Кроме И. В. Сталина в его кабинете присутствовали члены Политбюро.

Начал И. В. Сталин с того, что он не спал всю ночь, читая проект заключительного выступления С. К. Тимошенко на совещании высшего состава, чтобы дать ему свои поправки. Но С. К. Тимошенко поторопился закрыть совещание.

— Товарищ Сталин, — попробовал возразить Тимошенко, — я послал вам план совещания и проект своего выступления и полагал, что вы знали, о чём я буду говорить при подведении итогов.

— Я не обязан читать всё, что мне посылают, — вспыхнул И. В. Сталин. С. К. Тимошенко замолчал.

— Ну, как мы будем поправлять Тимошенко? — обращаясь к членам Политбюро, спросил И. В. Сталин.

— Надо обязать Тимошенко серьёзнее разобраться с вашими замечаниями по тезисам и, учтя их, через несколько дней представить в Политбюро проект директивы войскам, — сказал В. М. Молотов.

К этому мнению присоединились все присутствовавшие члены Политбюро.

И. В. Сталин сделал замечание С. К. Тимошенко за то, что тот закрыл совещание, не узнав его мнения о заключительном выступлении наркома.

— Когда начнется у вас военная игра? — спросил он.

— Завтра утром, — ответил С. К. Тимошенко.

— Хорошо, проводите ее, но не распускайте командующих. Кто играет за “синюю” сторону, кто за “красную”?

— За “синюю” (западную) играет генерал армии Жуков, за “красную” (восточную) — генерал-полковник Павлов.

Из Кремля все мы возвращались в подавленном настроении. Нам было непонятно недовольство И. В. Сталина. Тем более что на совещании, как я уже говорил, всё время присутствовали А. А. Жданов и Г. М. Маленков, которые, несомненно, обо всем информировали И. В. Сталина.

С утра следующего дня началась большая оперативно-стратегическая военная игра. За основу стратегической обстановки были взяты предполагаемые события, которые в случае нападения Германии на Советский Союз могли развернуться на западной границе.

Руководство игрой осуществлялось наркомом обороны С. К. Тимошенко и начальником Генерального штаба К. А. Мерецковым; они “подыгрывали” за юго-западное стратегическое направление. “Синяя” сторона (немцы) условно была нападающей, “красная” (Красная армия) — обороняющейся.

Военно-стратегическая игра в основном преследовала цель проверить реальность и целесообразность основных положений плана прикрытий и действия войск в начальном периоде войны.

Надо отдать должное Генеральному штабу: во всех подготовленных для игры материалах были отражены последние действия немецко-фашистских войск в Европе.

На западном стратегическом направлении игра охватывала фронт от Восточной Пруссии до Полесья. Состав фронтов: западная (“синяя”) сторона — свыше 60 дивизий, восточная (“красная”) — свыше 50 дивизий. Действия сухопутных войск поддерживались мощными воздушными силами.

Игра изобиловала драматическими моментами для восточной стороны. Они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после 22 июня 1941 года, когда на Советский Союз напала фашистская Германия...

По окончании игры нарком обороны приказал Д. Г. Павлову и мне произвести частичный разбор, отметить недостатки и положительные моменты в действиях участников.

Общий разбор И. В. Сталин предложил провести в Кремле, куда пригласили руководство Наркомата обороны, Генерального штаба, командующих войсками округов и их начальников штабов. Кроме И. В. Сталина, присутствовали члены Политбюро.

Ход игры докладывал начальник Генерального штаба генерал армии К. А. Мерецков. После двух-трёх резких реплик Сталина он начал повторяться и сбиваться. Доклад у К. А. Мерецкова явно не ладился. В оценках событий и решений сторон у него уже не было логики. Когда он привёл данные о соотношении сил сторон и преимуществе “синих” в начале игры, особенно в танках и авиации, И. В. Сталин, будучи раздосадован неудачей “красных”, остановил его, заявив:

— Откуда вы берёте такое соотношение? Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск.

К. А. Мерецков ответил, что ему это известно, но количественное и качественное соотношение сил и средств на войне играет тоже не последнюю роль, тем более в современной войне, к которой Германия давно готовится и имеет уже значительный боевой опыт.

Сделав ещё несколько резких замечаний, о которых вспоминать не хочется, И. В. Сталин спросил:

— Кто хочет высказаться?

Выступил нарком С. К. Тимошенко. Он доложил об оперативно-тактическом росте командующих, начальников штабов военных округов, о несомненной пользе прошедшего совещания и военно-стратегической игры.

— В 1941 учебном году, — сказал С. К. Тимошенко, — войска будут иметь возможность готовиться более целеустремленно, более организованно, так как к тому времени они должны уже устроиться в новых районах дислокации.

Затем выступил генерал-полковник Д. Г. Павлов. Он начал с оценки прошедшего совещания, но И. В. Сталин остановил его.

— В чем кроются причины неудачных действий войск “красной” стороны? — спросил он.

Д. Г. Павлов попытался отделаться шуткой, сказав, что в военных играх так бывает. Эта шутка И. В. Сталину явно не понравилась, и он заметил:

— Командующий войсками округа должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильные решения, чего у вас в проведённой игре не получилось.

Затем, видимо, потеряв интерес к выступлению Д. Г. Павлова, И. В. Сталин спросил:

— Кто ещё хочет высказаться?

Я попросил слова.

Отметив большую ценность подобных игр для роста оперативно-стратегического уровня высшего командования, предложил проводить их чаще, несмотря на всю сложность организации. Для повышения военной подготовки командующих и работников штабов округов и армий считал необходимым начать практику крупных командно-штабных полевых учений со средствами связи под руководством наркома обороны и Генштаба.

Затем коснулся строительства укрепленных районов в Белоруссии.

— По-моему, в Белоруссии укрепленные рубежи (УРы) строятся слишком близко к границе, и они имеют крайне невыгодную оперативную конфигурацию, особенно в районе белостокского выступа. Это позволит противнику ударить из района Бреста и Сувалки в тыл всей нашей белостокской группировки. Кроме того, из-за небольшой глубины УРы не могут долго продержаться, так как они насквозь простреливаются артиллерийским огнём.

— А что вы конкретно предлагаете? — спросил В. М. Молотов.

— Считаю, что нужно было бы строить УРы где-то глубже, дальше от государственной границы.

— А на Украине УРы строятся правильно? — спросил Д. Г. Павлов, видимо, недовольный тем, что я критикую его округ.

— Я не выбирал рубежей для строительства УРов на Украине, однако полагаю, что там тоже надо было бы строить их дальше от границы.

— Укрепленные районы строятся по утверждённым планам Главного военного совета, а конкретное руководство строительством осуществляет заместитель наркома обороны маршал Шапошников, — резко возразил К. Е. Ворошилов.

Поскольку началась полемика, я прекратил выступление и сел на место.

Затем по ряду проблемных вопросов выступили ещё некоторые генералы...

Странное впечатление произвело выступление заместителя наркома обороны по вооружению маршала Г. И. Кулика. Он предложил усилить состав штатной стрелковой дивизии до 16–18 тысяч и ратовал за артиллерию на

конной тяге. Из опыта боевых действий в Испании он заключал, что танковые части должны действовать главным образом как танки непосредственной поддержки пехоты и только поротно и побатальонно.

— С формированием танковых и механизированных корпусов, — сказал Г. И. Кулик, — пока следует воздержаться.

Нарком обороны С. К. Тимошенко бросил реплику:

— Руководящий состав армии хорошо понимает необходимость быстрой механизации войск. Один Кулик всё ещё путается в этих вопросах.

И. В. Сталин прервал дискуссию, осудив Г. И. Кулика за отсталость взглядов.

— Победа в войне, — заметил он, — будет за той стороной, у которой больше танков и выше моторизация войск.

Это замечание И. В. Сталина как-то не увязывалось с его прежней точкой зрения по этому вопросу. Как известно, в ноябре 1939 года были расформированы наши танковые корпуса, и высшим танковым соединениям было приказано иметь танковую бригаду.

В заключение И. В. Сталин заявил, обращаясь к членам Политбюро:

— Беда в том, что мы не имеем настоящего начальника Генерального штаба. Надо заменить Мерецкова. — И, подняв руку, добавил: — Военные могут быть свободны.

Мы вышли в приемную. К. А. Мерецков молчал. Молчал нарком. Молчали и мы, командующие. Все были удручены резкостью И. В. Сталина и тем, что Кирилл Афанасьевич Мерецков незаслуженно был обижен...

На следующий день после разбора игры я был вызван к И. В. Сталину.

Поздоровавшись, И. В. Сталин сказал:

— Политбюро решило освободить Мерецкова от должности начальника Генерального штаба и на его место назначить вас.

Я ждал всего, но только не такого решения, и, не зная, что ответить, молчал. Потом сказал:

— Я никогда не работал в штабах. Всегда был в строю. Начальником Генерального штаба быть не могу.

— Политбюро решило назначить вас, — сказал И. В. Сталин, делая ударение на слове “решило”.

Понимая, что всякие возражения бесполезны, я поблагодарил за доверие и сказал:

— Ну, а если не получится из меня хороший начальник Генштаба, буду проситься обратно в строй.

— Ну, вот и договорились. Завтра будет постановление ЦК, — сказал И. В. Сталин.

Через четверть часа я был у наркома обороны. Улыбаясь, он сказал:

— Знаю, как ты отказывался от должности начальника Генштаба. Только что мне звонил товарищ Сталин. Теперь поезжай в округ и скорее возвращайся в Москву. Вместо тебя командующим округом будет назначен генерал-полковник Кирпонос, но ты его не жди, за командующего можно пока оставить начальника штаба округа Пуркаева”.

Теперь назначениями и перемещениями Жукова по иерархической лестнице стал управлять Сталин.

Сталин, как отмечают все его биографы, был хорошим психологом и, говоря современным языком, великолепным менеджером. Вот почему его кадровые перестановки оказывались в большинстве случаев правильными, точными, своевременными. Из длинной шеренги маршалов и генералов, из этого послушного и верного строя, который был уже очищен расстрелами 1937-го и 1938-го годов, он выхватывал по одному самых талантливых и надёжных и расставлял их, думая о предстоящей войне: кого на округ или на фронт, кого на армию, корпус, дивизию. И в этой напряжённой и опасной игре, где ставка — будущее, Сталину нужен был один, самый энергичный и надёжный, самый талантливый и удачливый, который всегда, в самый трудный момент, находился бы рядом. И Сталин его выбрал.

Глава восемнадцатая

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

“Таково указание товарища Сталина...”

В Европе Гитлер развёртывал всё новые и новые дивизии, тайно перебрасывая их к границам СССР.

Англичане флиртовали с фашистской Германией, уступая ей то Чехию, то Австрию. Нашёптывали Гитлеру пойти походом на Восток, надеясь на то, что он не решится воевать на два фронта, а значит, ринувшись на Советский Союз за хлебом, лесом, рудами и нефтью, оставит в покое Англию и даже, быть может, союзную Францию.

Сталин нервно наблюдал за этой вознёй. Все предложения советской стороны приструнить Германию, создав антигитлеровскую коалицию, отвергались англичанами под различными предлогами. Немецкая дипломатия, не желая этого союза, начала усиленно искать пути сближения с Советским Союзом. Сближения, как оказалось вскоре, временного. Сталин, понимая, что с Англией и Францией не договориться, согласился заключить с Германией пакт о ненападении. Он как мог оттягивал начало войны, зная, что Красная армия ещё не готова в полной мере к схватке с вермахтом.

Эта пауза нужна была всем — и Германии, и Советскому Союзу. Гитлер всё ещё надеялся впрячь в свою огненную колесницу, уже стоявшую у советской границы, и английских коней. А Сталин, чувствуя коварство англичан, которые были всегда непредсказуемы в своём выборе, пытался умиротворить Германию. Сталин знал историю: англосаксы никогда не ценили союза со славянами, в особенности с Россией, они не стремились к такому союзу даже в самые трудные времена...

В исторической драме нападения немецких армий на СССР 22 июня 1941 года до сих пор не хватает каких-то деталей, из-за чего почти самопроизвольно рвётся логическая нить, распадается при первой же попытке тщательного рассмотрения деталей. По этому поводу историк Андрей Ильич Фурсов в одном из своих интервью весьма точно отметил: “Гитлер не пересекал Ла-Манш, потому что он не хотел завоевать Англию, но всё время ожидал, что англичане объединятся с ним в войне против России. Англичане очень долго водили его за нос. По совокупности косвенных доказательств совершенно ясно, что Гитлер никогда не осмелился бы напасть на Советский Союз, если бы он о чём-то не договорился с англичанами, которые, естественно, с самого начала его обманывали. Им нужно было толкнуть Гитлера на Советский Союз, чтобы потом раздаться с Германией как с потенциальным конкурентом”.

В 1946 году во время суда в Нюрнберге генерал-фельдмаршал Паулюс, отвечая на вопросы советской стороны по поводу полёта Рудольфа Гесса в Англию и его секретных переговоров, обмолвился: “Я думаю, что “миссия Гесса” не окончена и по сию пору. В том случае, если Гитлер сочтёт, что война не может быть им выиграна, он уйдёт, передав свои полномочия Гессу...” И ещё: “Лондон был заинтересован в войне между Германией и Советским Союзом. Столкнуть лбами своих врагов и отойти в сторону — это так по-английски!..”

Этот “неожиданный” для Берлина полёт вполне логично укладывается в концепцию А. И. Фурсова. 10 мая 1941 года рейхсминистр, рейхслайтер, обергруппенфюрер СС Гесс вылетел на “мессершмитте-110” с военного аэродрома в Аугсбурге, в Южной Германии, и взял курс на север. Самолёт пересёк Ла-Манш и на последних каплях топлива, запас которого в баках был рассчитан почему-то только на полёт в один конец, едва дотянул до Шотландии, где находилось имение лорда Дугласа Гамильтона. Лорд был приятелем Гесса. Они познакомились во время Олимпийских игр в 1936 году. Лорд Гамильтон должен был устроить Гессу встречу с той частью британского истеблишмента, которая находилась в оппозиции к Черчиллю и желала его устранения. Но что-то пошло не так. К Гамильтону Гесс не попал.

Гесс был превосходным пилотом. В Первую мировую воевал в составе авиаэскадрильи “Рихтгофен”, получил два ранения и два Железных креста. При подлёте к контрольной точке в баках двухмоторного “мессершмитта” закончилось топливо. Пилот выпрыгнул с парашютом и сдался в плен шотландским фермерам. В результате Гесс попал в руки людей Черчилля. То есть совершенно не в те руки.

Гитлер, немного выждав, объявил Гесса сумасшедшим. Ведь не мог же он в канун вторжения в СССР признать факт переговоров с Англией, а стало быть, и явную подготовку к войне на Востоке. Передислокация войск у границ с Советским Союзом была временно приостановлена и возобновилась только 18 июня. Перед атакой советских границ Гитлеру нужны были гарантии, что британские дивизии не ударят в спину. Тогда он ещё отдавал себе отчёт: война на два фронта однажды уже погубила Германию.

Историки говорят, что Сталин знал об интриге, что донесения он получал едва ли не со стола переговоров Гесса. Правда, не с той стороны, на которую миссия Гесса была рассчитана в Берлине. У Гитлера был свой план, который он решил реализовать именно теперь. Сформулировал он его ещё в своём манифесте “Mein Kampf”: “Только с Англией в качестве союзника, с прикрытой спиной, можно начать новое германское вторжение в Россию”.

Бывший нарком иностранных дел СССР Молотов в одной из бесед с писателем Феликсом Чуевым рассказал о реакции Сталина на историю с Гессом: “Когда мы прочитали об этом, то прямо ошалели. Это же надо! Не только сам сел за управление самолётом, но и выбросился с парашютом, когда закончился бензин. Гесс назвал себя чужим именем. Чем не подвиг разведчика? Сталин спросил у меня, кто бы из наших членов Политбюро способен решиться на такое? Я порекомендовал Маленкова, поскольку он шефствовал в ЦК над авиацией... Сталин предложил сбросить Маленкова на парашоте к Гитлеру, пусть, мол, усовестит его не нападать на СССР...”

В ответ на вероломную дипломатию Германии, которая, в случае её успеха, могла обернуться для Советского Союза катастрофой, Сталин предпринял весьма рациональный и, пожалуй, единственно верный в тот момент шаг: 13 июня 1941 года по радио было передано срочное сообщение ТАСС. Оно прозвучало вначале по зарубежным каналам, а 14-го числа вышло в печати — в “Правде”, “Известиях” и других центральных газетах.

В заявлении говорилось, что “СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными”, а также то, что, “по данным СССР, Германия неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям”.

Гитлер на заявление не ответил. И Сталин понял — война у порога.

Но заявление ТАСС было игрой — долгой и многоходовой: в большей степени оно адресовано не Гитлеру и даже не Черчиллю, а Рузвельту, американцам. Ещё в 1937 году президент США заявил: если Германия нападет на Советский Союз, то Соединенные Штаты будут поддерживать Советский Союз; если же Советский Союз станет на путь агрессии, то Соединенные Штаты поддержат сторону, подвергнувшуюся атаке, а именно Германию.

Как отметил профессор Фурсов, “нападение на Германию означало бы для Советского Союза войну со всем миром...” А воевать со всем миром, даже с прекрасно оснащённой и вооружённой, отмобилизованной и укомплектованной специалистами армией, было бы безумием. На такой шаг Сталин не пошёл. Попутно, и именно здесь, стоит напомнить о нелепости самого существования теории “превентивного удара”, к которому якобы готовили, в том числе и Генштаб, всю группировку войск, стянутую к западным границам с целью уничтожения дивизий вермахта в районах их сосредоточения.

Из беседы Молотова с Феликсом Чуевым: “Это дипломатическая игра... Не наивность, а определенный дипломатический ход, политический ход... это, так сказать, попытка толкнуть на разъяснение вопроса. И то, что они (немцы) отказались на это реагировать, только говорило, что они фальшивую линию ведут по отношению к нам... Это действительно очень ответственный шаг. Этот шаг направлен, продиктован и оправдан тем, чтобы не дать немцам никакого повода для оправдания. Если бы мы шелохнули свои войска, Гитлер бы прямо сказал: “А, вот видите, они уже там-то войска двинули! Вот вам фотографии, вот вам действия!” Говорят, что не хватало войск на такой-то границе, но стоило нам начать приближение войск к границе — дали повод! А в это время готовились максимально.

У нас другого выхода не было. Так что, когда нас упрекают за это, я считаю, это гнусность. Сообщение ТАСС нужно было как последнее средство... И получилось, что двадцать второго июня Гитлер перед всем миром стал агрессором. А у нас оказались союзники”.

Англия же, удерживая в Тауэре ценнейшего узника, по сути исполняла некие договорённости — с Гитлером! — ещё три долгих года, когда, наконец, решилась на открытие второго фронта.

Англосаксы обещали своим союзникам, и прежде всего СССР, что начнут высадку в континентальной Европе в 1942 году. Не высадились. Потом — в 1943-м. Имитировали локальную высадку и снова замерли — аж до 1944-го. Большая игра. Как заметил немецкий фельдмаршал, прошедший окопы Сталинграда: это так по-английски...

Только когда стало очевидным, что Красная армия берёт верх, союзники организованно высадились в Нормандии, чтобы не остаться на островах и других архипелагах, когда русские, пусть и с большими потерями, доберутся до “догова”.

О подписании Гитлером плана “Барбаросса” советская разведка узнала через две недели. В марте 1941 года начальник разведуправления Генштаба генерал Голиков доложил Сталину: германские войска тремя группировками сосредоточены в пограничных районах, удары следует ожидать одновременно на Ленинград, на Москву и на Киев.

Но Сталину важно было начать войну так, чтобы первый удар нанесла Германия и чтобы удар этот не был спровоцированным. Во всяком случае, чтобы не выглядел таковым.

Понимал это и Гитлер, и потому в первый удар 22 июня 1941 года вложил всю силу своих войск, всю мощь вооружения, опыт своих генералов и солдат.

Жуков в эти дни работал по 15–16 часов в сутки. И часто ночевал прямо в рабочем кабинете. Донесения из штабов Западного особого и Киевского особого военных округов свидетельствовали о том, что гроза вот-вот разразится в набухшем войсками и военной техникой пространстве между Чёрным и Балтийским морями. Теперь его больше беспокоил вопрос: где именно?

Сталин не хотел этому верить. У него были свои мотивы, которыми он, как и разведанными, не только с начальником Генштаба, но и вообще ни с кем не делился.

Жукову и тогда, накануне войны, и десятилетия спустя, когда засел за мемуары, поведение Сталина казалось похожим на нерешительность.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “По долгу службы я пытался выяснить, почему военному руководству не даётся та информация, которая направляется И. В. Сталину и другим членам Политбюро. Мне ответили:

— Таково указание товарища Сталина.

Мы как-то с С. К. Тимошенко рискнули серьёзно поговорить с И. В. Сталиным. С присущим ему лаконизмом он ответил:

— То, что вам следует знать, вам будет сообщено.

Я не могу сказать точно, правдиво ли был информирован И. В. Сталин, действительно ли сообщалось ему о дне начала войны. Важные данные подобного рода, которые И. В. Сталин, быть может, получал лично, он мне и нарком обороны не сообщал.

Правда, однажды он сказал мне:

— Нам один человек передаёт очень важные сведения о намерениях гитлеровского правительства, но у нас есть некоторые сомнения...

Возможно, речь шла о Рихарде Зорге, работавшем в аппарате германского посла в Японии, о котором я узнал лишь после войны”.

В мемуарах Жукова глава “Накануне Великой Отечественной войны” — одна из самых объёмных и обстоятельных. В ней даётся целый очерк экономического состояния страны. Чувствуя и свою личную ответственность за неудачи лета 1941 года, Жуков пытался объяснить трагедию начального периода войны объективными причинами и предпосылками. Что ж, это вполне понятно.

Наркомат обороны и Генштаб сделали всё, что могли. И, быть может, больше. С поправкой на решения Сталина, порой нелогичные, казавшиеся военным опасными. Но оспорить их было невозможно. Жуков и Тимошенко несколько раз пытались это сделать, но Сталин их резко и даже грубо осаживал.

Тем не менее, под давлением Тимошенко и Жукова Сталин разрешил провести ограниченную мобилизацию резервистов. “Сначала наша просьба была отклонена, — вспоминал маршал. — Нам было сказано, что призыв приписного состава запаса в таких размерах может дать повод немцам спровоцировать войну. Однако в конце марта было решено призвать пятьсот тысяч солдат и сержантов и направить их в приграничные военные округа для доукомплектования, с тем чтобы довести численность стрелковых дивизий хотя бы до 8 тысяч человек”.

Спустя несколько дней из военкоматов хлынула новая волна — 300 тысяч — повесток: призывали специалистов — связистов, строителей, водителей, авиационных техников. Ими доукомплектовывали подразделения укрепрайонов, инженерных войск, противовоздушной обороны и службы тыла военно-воздушных сил.

Уже тогда, в канун войны на западных границах определились будущие танковые командиры, которые спустя годы и битвы будут кромсать боевые порядки противника под Курском, Орлом, на Днестре, под Киевом и Берлином. 9-м мехкорпусом командовал Рокоссовский, 11-м — Мостовенко, 21-м — Лелюшенко. Летом 1941-го все они будут хорошенко биты. Но опыт и злость от первых неудач и поражений им ещё очень пригодятся.

Жуков с присущей ему волей, выполняя приказ наркома, давил на своих подчинённых. Танков не хватало. Промышленность не удовлетворяла потребностей. Пришлось изымать боевые машины из танковых батальонов стрелковых дивизий и из танковых полков кавалерийских дивизий. Одно строили, другое ослабляли. Стрелковые и кавалерийские дивизии оказались лишёнными своей главной ударной силы и броневой поддержки.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Мы не рассчитали объективных возможностей нашей танковой промышленности. Для полного укомплектования новых мехкорпусов требовалось 16,6 тысячи танков только новых типов, а всего около 32 тысяч танков. Такого количества машин в течение одного года практически при любых условиях взять было неоткуда, доставало и технических, командных кадров”.

Вдобавок ко всему, Сталин колебался. Долго вчитывался в план Жукова по созданию мехкорпусов. Его смущала невозможность в самое ближайшее время полностью оснастить эти новые соединения. Наконец, в конце марта план подписал. С апреля началось массовое развёртывание корпусов.

К 22 июня удалось сформировать 29 механизированных корпусов. Все они были в различной степени укомплектованы. Именно мехкорпуса, их жертвенные контратаки в первые недели войны внесут поправки в немецкий “блицкриг” и в дальнейший ход боёв на советско-германском фронте, задержат движение немецких танков в глубину страны — к Москве, к Волге и на Кавказ.

Пятого мая генерал Голиков доложил Жукову: количество немецких дивизий, перебросенных к советской границе из внутренней Германии, Франции и Греции, достигло 103–107, из них 23–24 — в Восточной Пруссии, 60–63 — в Польше, 14–15 — в Румынии и Венгрии.

Жуков перечитал донесение, подошёл к карте. И спросил начальника разведуправления:

— Можно ли верить заверениям германских властей и военных, их газетам и листовкам, что такая масса войск для нападения на Англию им нужна именно у наших границ? Как вы думаете?

— Трудно в это поверить, — ответил Голиков. — Но товарищ Сталин так считает.

— Политика политикой, Филипп Иванович, а мы — военные. И обязаны выполнять свою работу, а не просто заниматься статистикой, когда враг у ворот.

Голиков промолчал. Вскоре он ушёл. Жуков знал, что начальник разведуправления, который ежедневно доставлял сводки Сталину, ничего существенного в качестве комментария к ним Хозяину не скажет. Это раздражало.

Он вызвал к себе Ватутину и Василевского. Когда генералы оперативного управления вошли в кабинет, он указал на карту:

— Вот последние данные о концентрации немецких войск с привязкой к конкретным районам. Я думаю, уже совершенно очевидно, что они сосредоточены здесь для нападения на нас. Что необходимо: ускорить реализацию плана стратегического развёртывания, срочно, до утра, с учётом последних разведанных, подготовить предложения правительству для принятия решительных контрмер.

Через час Жуков встретился с Тимошенко. Совещались недолго. Сошлись на одном: чтобы избежать катастрофы, ударить первыми. Идея превентивного удара и раньше обсуждалась ими. Этого требовали уставы: атаковать противника, где бы он ни находился. А ударить именно теперь, когда леса по ту сторону Буга и Прута забиты техникой, складами с горючим и боеприпасами, означало лишить его наступательной силы и ресурса.

Глава девятнадцатая

“ПЛАН ЖУКОВА”

“Сталин подошёл к Жукову и начал на него орать...”

“Каждое мирное время имеет свои черты, свой колорит и свою прелесть, — размышлял в своих мемуарах маршал. — Но мне хочется сказать доброе слово о времени предвоенном. Оно отличалось неповторимым, своеобразным подъёмом настроения, оптимизмом, какой-то одухотворённостью и в то же время деловитостью, скромностью и простотой в общении людей. Хорошо, очень хорошо мы начинали жить!”

Он снова и снова переживал те последние мгновения истончающегося мира, который уже зримо уходил в прошлое, и это прошлое, как потом оказалось, было лучшим, что подарила жизнь им, тому могучему поколению — поколению юношей гражданской войны. И оно не вернулось уже никогда. Ничего подобного той жизни, которую они прожили и полюбили в довоенные годы, они не увидят никогда. Даже победив. Победив, чтобы вернуть из прошлого всё хорошее, скомканное войной и наполовину убитое.

Семья Жукова из Киева переехала в Москву.

Из воспоминаний Эры Георгиевны: “Поселились мы на улице Серафимовича в знаменитом мрачном Доме правительства, заасфальтированный двор которого произвёл на меня с сестрой довольно тягостное впечатление. Как он отличался от зелёных, близких к природе, к земле дворов Слуцка, Минска! От жизни в этом доме у меня не сохранилось сколько-нибудь ярких впечатлений.

Последнее, предвоенное лето мы провели в живописнейшем месте Подмосковья — в Архангельском, где папе предоставили дачу. Непосредственно к участку примыкал сильно заросший пруд. Через дорогу совсем близко была река Москва, где можно было купаться, кататься на лодках и вообще интересно проводить время”.

В Киеве семья Жукова жила в двухэтажном особняке. Раньше его занимала семья Тимошенко. Жуковы заняли один этаж, комнат вполне хватало. На другом этаже жила семья члена Военного совета Борисова. Дети Жуковых и Борисовых сразу подружились, вместе играли во дворе, а по утрам ходили на ближайший пруд удить рыбу.

В Киев Жуков привёз мать Устинью Артемьевну. Привыкшая к деревенскому простору, она вскоре заскучала по своей Стрелковке, по огороду и хозяйству, которые оставила на дочь Марию Константиновну. Сюда же, в Киев, на каникулы приехала из Москвы племянница Рита Пилихина. Жуков по-прежнему, как мог, опекал родню.

Конец мая. В правительственных кабинетах и коридорах Наркомата обороны ещё не улеглись разговоры о прилёте немецкого “Ю-52” — 15 мая, через пять дней после ночного полёта обергруппенфюрера Гесса через Ла-Манш в Шотландию немцы отправили такой же “неожиданный” рейс на восток. “Юнкерс” появился в воздушном пространстве СССР в 7 часов 30 минут в районе Белостока.

Судя по оперативным сводкам, самолёты люфтваффе нарушали советскую воздушную границу почти ежедневно. Но этот “юнкерс” был особенным. Его топливные баки были рассчитаны на дальний перелёт, так что его пилотам и пассажирам не пришлось выбрасываться с парашютами на подлёте к месту прибытия.

Ни одна из зенитных установок на новой границе СССР не произвела ни залпа. Ни один истребитель не взлетел на перехват нарушителя. Немец взял курс на Минск, затем на Смоленск и, благополучно миновав и эти контрольные пункты, в 11 часов 30 минут вошёл в зону московской ПВО. Никто и ничто не препятствовало его полёту и здесь. Вскоре он сел на военном аэродроме в Тушино. Комендант аэродрома полковник Никитин каких-либо действий по пресечению посадки чужого самолёта, предусмотренных инструкцией, не предпринял. Похоже, что рейс был запланирован, и этот “юнкерс” ждали. Последующие события зависели от результатов того загадочного полёта...

Долгие годы перелёт “юнкерса” оставался засекреченным эпизодом нашей общей с Германией истории. Тайна до конца не раскрыта до сих пор.

В середине 1990-х, когда завеса на некоторыми секретными историями Второй мировой войны немного приподнялась, одновременно в нашей и западной прессе появился ряд публикаций о перелёте 15 мая 1941 года. В 2003 году в Волгограде на научно-практической конференции, посвящённой 60-летию Победы, маршал Советского Союза Дмитрий Тимофеевич Язов зачитал собранию военных историков и краеведов текст письма Гитлера Сталину. Письмо датировано 14 мая 1941 года, доставил его в Москву якобы тот самый загадочный транспортник с неизвестными пассажирами на борту.

“Уважаемый господин Сталин!

Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда я окончательно пришёл к выводу, что невозможно добиться прочного мира в Европе ни для нас, ни для будущих поколений без окончательного сокрушения Англии и уничтожения её как государства...

Однако чем ближе час приближающейся окончательной битвы, тем с большим количеством проблем я сталкиваюсь. В немецкой народной массе непопулярна любая война, а война против Англии особенно, ибо немецкий народ считает англичан братским народом, а войну между нами — трагическим событием. Не скрою, что я думаю так же и уже неоднократно предлагал Англии мир на условиях весьма гуманных, учитывая нынешнее военное положение англичан. Однако оскорбительные ответы на мои мирные предложения и постоянное расширение англичанами географии военных действий с явным стремлением втянуть в эту войну весь мир убедили меня, что нет другого выхода, кроме вторжения на (Английские) острова и окончательного сокрушения этой страны.

Однако английская разведка стала ловко использовать в своих целях положение о “народах-братьях”, применяя не без успеха этот тезис в своей пропаганде.

Поэтому оппозиция моему решению осуществить вторжение на острова охватила многие слои немецкого общества, включая и отдельных представителей высших уровней государственного и военного руководства. Вам уже, наверное, известно, что один из моих заместителей, господин Гесс, я полагаю — в припадке умопомрачения из-за переутомления, улетел в Лондон, чтобы, насколько мне известно, ещё раз побудить англичан к здравому смыслу, хотя бы самым своим невероятным поступком. Судя по имеющейся в моём распоряжении информации, подобные настроения охватили и некоторых генералов моей армии, особенно тех, у кого в Англии имеются знатные родственники, происходящие из одного древнего дворянского корня.

В этой связи особую тревогу у меня вызывает следующее обстоятельство. При формировании войск вторжения вдали от глаз и авиации противника, а также в связи с недавними операциями на Балканах вдоль границы с Советским Союзом скопилось большое количество моих войск, около 80 дивизий, что, возможно, и породило циркулирующие ныне слухи о вероятном военном конфликте между нами.

Уверяю Вас честью главы государства, что это не так.

Со своей стороны, я также с пониманием отношусь к тому, что Вы не можете полностью игнорировать эти слухи и также сосредоточили на границе достаточное количество своих войск.

В подобной обстановке я совсем не исключаю возможность случайного возникновения вооружённого конфликта, который в условиях такой концентрации войск может принять очень крупные размеры, когда трудно или просто невозможно будет определить, что явилось его первопричиной. Не менее сложно будет этот конфликт и остановить.

Я хочу быть с Вами предельно откровенным.

Я опасаясь, что кто-нибудь из моих генералов сознательно пойдёт на подобный конфликт, чтобы спасти Англию от её судьбы и сорвать мои планы. Речь идёт всего об одном месяце.

Примерно 15–20 июня я планирую начать массированную переброску войск на запад с Вашей границы.

При этом убедительнейшим образом прошу Вас не поддаваться ни на какие провокации, которые могут иметь место со стороны моих забывших долг генералов. И, само собой разумеется, постараться не давать им никакого повода. Если же провокации со стороны какого-нибудь из моих генералов не удастся избежать, прошу Вас, проявите выдержку, не предпринимайте ответных действий и немедленно сообщите о случившемся мне по известному Вам каналу связи. Только таким образом мы сможем достичь наших общих целей, которые, как мне кажется, мы с Вами четко согласовали.

Я благодарю Вас за то, что Вы пошли мне навстречу в известном Вам вопросе и прошу извинить меня за тот способ, который я выбрал для скорейшей доставки этого письма Вам.

Я продолжаю надеяться на нашу встречу в июле.

Искренне Ваш, Адольф Гитлер. 14 мая 1941 года”.

Подлинника письма Гитлера до сих пор обнаружить не удалось. Но это не сильно меняет обстоятельства. Ведь подлинников секретных протоколов, являющихся, как свидетельствуют специалисты, приложениями к пакту Молотова-Риббентропа, тоже пока нет. Однако в их подлинности принято не сомневаться.

Это письмо, как некий некогда потерянный, а теперь найденный пазл, точно входит в пустующую нишу и прекрасно соотносится со многими обстоятельствами кануна немецкой атаки советских границ 22 июня.

Во-первых, становится понятным поведение Сталина, который до конца верил, что в ближайшее время Германия не нападёт на СССР. И Жуков в своих мемуарах, и многие, кто в те дни был рядом со Сталиным, твердили почти в один голос: “Сопоставляя и анализируя все разговоры, которые велись И. В. Сталиным в моём присутствии в кругу близких ему людей, я пришёл к твёрдому убеждению: над ним тяготела опасность войны с фашистской Германией и все его помыслы и действия были пронизаны одним желанием — избежать войны или оттянуть сроки её начала и уверенностью в том, что ему это удастся” (Жуков).

Во-вторых, в ту же логическую цепочку ложится факт появления немногим меньше месяца спустя сообщения ТАСС.

В-третьих, записи в дневнике министра пропаганды Третьего рейха Йозефа Геббельса, сделанные 31 мая 1941 года, обретают более конкретный смысл: “Подготовка к операции “Барбаросса” идёт полным ходом. Теперь начинается первая волна дезинформации. Задействуется весь государственный и военный аппарат. Об истинном положении вещей осведомлено лишь несколько человек. Я вынужден направить всё своё министерство по ложному пути, рискуя в случае неудачи потерей собственного престижа. За дело! Понемногу развертываем тему вторжения. Я приказал сочинить песню о вторжении. Предложен новый мотив. Широко используются английские радиопередачи... Всё дело должно быть раскрыто в течение двух недель. Всё это потребует много энергии, людей и денег, но всё окупится. Учитывая небольшой круг посвящённых, можно рассчитывать, что обман удастся. Марш вперед!”

Итак, ведомство Геббельса вовсю сочиняло “песню о вторжении” в Англию, но на самом деле всё обстояло иначе: дула орудий были направлены на восток. И письмо Гитлера Сталину вполне ложилось в ту “волну дезинформации”, которую разогнали по пути от Берлина до Польши так мощно, что она, конечно же, перелёстывала границу и долетала до Москвы. Ведь именно там, в Кремле, сидел, выжидая, главный адресат всех информационных потоков.

В этой загадочной истории можно приводить аргументы и в-четвёртых, и в-пятых. Но пока не открыты архивы, в том числе и английские — документы по полёту Гесса, протоколы его допросов, засекреченные на 50 лет, — остаётся только гадать о тех недостающих звеньях в цепи нашей истории.

А поскольку все эти белые (или тёмные) пятна связаны с Жуковым-героем прямо или косвенно, мы не можем пройти мимо, не попытавшись хотя бы взглянуть на них с любопытством.

В середине 1960-х годов Жуков рассказывал Константину Симонову об одной из встреч со Сталиным. По словам маршала, когда разведка донесла о сосредоточении крупных сил вермахта у границ Советского Союза, “Сталин обратился с личным письмом к Гитлеру, сообщив ему, что нам это известно, что нас это удивляет и создаёт у нас впечатление, что Гитлер собирается воевать против нас. В ответ Гитлер прислал Сталину письмо, тоже личное и, как он подчеркнул в тексте, доверительное. В этом письме он писал, что наши сведения верны, что в Польше действительно сосредоточены крупные войсковые соединения, но что он, будучи уверен, что это не пойдёт дальше Сталина, должен разъяснить, что сосредоточение его войск в Польше не направлено против Советского Союза, что он намерен строго соблюдать заключённый им пакт, в чём ручается своей честью главы государства. А войска его в Польше сосредоточены в других целях. Территория Западной и Центральной Германии подвергается сильному английским бомбардировкам и хорошо наблюдается англичанами с воздуха. Поэтому он был вынужден отвести крупные контингенты войск на восток, с тем чтобы иметь возможность скрыто перевооружить и переформировать их там, в Польше. Насколько я понимаю, Сталин поверил этому письму”.

Из беседы Жукова с Константином Симоновым можно предположить, что “Ю-52” 15 мая 1941 года доставил ответ Гитлера на письмо Сталина. Конспект письма Гитлера в изложении Жукова вполне увязывается с текстом, который сейчас гуляет по различным изданиям и который приведён выше.

Примерно в 1966 году с Жуковым встречался писатель Лев Безыменский. Впоследствии о своей беседе с маршалом он рассказывал, в частности, следующее: “Жуков был вызван в кабинет к Сталину. Тот сидел за столом. Открыв средний ящик стола, Сталин вынул лист бумаги и протянул его Жукову, произнеся: “Читайте!” По свидетельству Жукова, это было письмо Сталина к Гитлеру с выражением советских тревог. Затем Сталин вынул из того же ящика стола другой лист и также дал его Жукову на прочтение. Это было ответное письмо Гитлера. По словам Жукова, он по давности лет не помнил точных выражений, зафиксированных в этих письмах. Однако маршал

добавил, что, открыв спустя несколько дней (14 июня 1941 г.) “Правду”, он увидел там сообщение ТАСС, в котором была точно воспроизведена аргументация Гитлера”.

Бог любит троицу. Третьим свидетелем признаний Жукова о том, что он держал в руках письмо Гитлера, была писательница Елена Ржевская. В повести “В тот день, поздней осенью” она фактически пересказала слова маршала, которые слышал и Лев Безыменский, но уже с обобщением: Гитлер вёл заведомо нечестную игру, а Сталин поверил его слову. По словам Жукова, как писала Елена Ржевская, “Сталин не хотел воевать и готов был идти на уступки”.

Шестнадцатого июня 1941 года в дневнике Геббельса, конечно же, обратившего внимание на Заявление ТАСС, опубликованное в советских газетах, появилась запись: “Россия—Германия — большая тема. Опровержению ТАСС никто не верит. Кругом строят догадки, что могла бы значить моя статья в “Völkischer Beobachter”. Источник всех слухов — Лондон. Очевидно, нас хотят выманить из норы, но это им никоим образом не удастся сделать. Мы храним полное молчание. Так что никакой ясности у противоположной стороны не будет. А между тем военные приготовления продолжаются без перерыва”.

Сталин, конечно же, ожидал, что Гитлер вылезет “из норы”. Но Заявление ТАСС на него не подействовало. Слишком многое стояло на кону, чтобы за несколько суток до начала общей атаки на восток играть в рискованную дипломатию. Время обмена посланиями по секретной почте между Берлином и Лондоном, Берлином и Москвой прошло.

И Сталин это понял, к сожалению, слишком поздно. Однако, если снова иметь в виду США и то, что вся политика диктатора в эти дни была повернута в сторону Рузвельта, обстоятельства складывались хоть и скверно, но всё же по одному из вариантов, предусмотренных Сталиным. Войну развязал Гитлер — германские войска напали на Советский Союз и агрессор для мирового сообщества стал очевиден.

Для Сталина, советского правительства, Наркомата обороны СССР, и даже для Красной армии нападение не было неожиданным; неожиданными явились масштабы и степень поражения наших войск в первые часы и дни войны.

Военным, не посвящённым в тайны сложных дипломатических и политических расчётов Сталина и членов Политбюро, в обстоятельствах надвигающейся грозы виделись свои варианты предотвращения агрессии, в том числе и радикальные. Устав и та наука, которую Жуков вынес из своих постоянных штудий классиков военной мысли и личного опыта четырёх войн, подсказывали ему очевидное: идею упреждающего удара.

Так появился документ под названием “Соображения по плану стратегического развёртывания Вооружённых сил Советского Союза”. По сути дела, это был конспект примерного плана, написанный от руки генерал-майором Василевским, судя по всему, после консультаций с Жуковым, Ватутиным, Мерецковым и наркомом обороны маршалом Тимошенко. Сразу замечу, что этот рукописный конспект не был подписан ни Тимошенко, ни Жуковым. Но в военную историографию, тем не менее, он вошёл как “план Жукова” — “ибо именно в функции Жукова входило военное планирование”^{*}.

“План Жукова” (авторами которого, по всей вероятности, были и Жуков, и Тимошенко) был адресован Сталину. Германия развернула “около 230 пехотных, 22 танковых, 20 моторизованных, 8 воздушных и 4 кавалерийских дивизий, а всего около 284 дивизий. Из них на границах Советского Союза, по состоянию на 15.5.41 г., сосредоточено до 86 пехотных, 13 танковых, 12 моторизованных и 1 кавалерийская дивизия, а всего 120 дивизий”.

Задача штабов, как известно, — планирование военных действий. Штабы должны иметь десятки планов и вариантов действий, чтобы эффективно применить один, самый рациональный и самый подходящий в предложенных обстоятельствах.

^{*} Безыменский Л. А. О “Плане Жукова” от 15 мая 1941 года. — Новая и Новейшая история, 2000, № 3. С. 58–67.

Поводом для создания “Плана Жукова” послужили разведанные, свидетельствующие о неминуемой схватке, а также выступление Сталина перед выпускниками военных академий, где совершенно определённо прозвучало: финская кампания показала неготовность Красной армии к большой войне, но партия и правительство принимают “экстренные меры” для повышения боевой подготовки войск и оснащения их техникой и оружием, которые превосходят германские образцы. “Германия хочет уничтожить наше социалистическое государство, завоёванное трудящимися под руководством Коммунистической партии Ленина, — сказал Сталин, поднимая тост за молодых офицеров. — Германия хочет уничтожить нашу великую Родину, Родину Ленина, завоевания Октября, истребить миллионы советских людей, а оставшихся в живых превратить в рабов. Спасти нашу Родину может только война с фашистской Германией и победа в этой войне. Я предлагаю выпить за войну, за наступление в войне, за нашу победу в этой войне”.

Для военных, которые обязаны мыслить конкретно и совершенно определёнными категориями, тост Сталина в Георгиевском зале Кремля перед выпускниками военных академий 41-го года был сигналом к действию. За наступление — так за наступление...

В “Плане Жукова” идея упреждающего удара обосновывалась следующим образом: Германия полностью отмобилизовала свою армию, тылы её развёрнуты, и существует опасность того, что она может опередить Красную армию в общем развёртывании войск. “Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативу действий германскому командованию, упредить противника в развёртывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развёртывания и не успеет организовать фронт и взаимодействие родов войск”. И Жуков, и Тимошенко настаивали на необходимости, не медля, провести ряд необходимых мероприятий, обеспечивающих безопасность страны. Среди них два основополагающих, без которых немислимо всё остальное: всеобщая мобилизация и ввод войск в предполье укрепрайонов.

Вот с этими предложениями и черновиком плана Жуков и Тимошенко явились на доклад к Сталину. Сталин выслушал их. Реакция его была неожиданно резкой. Во всяком случае, так показалось военным, не посвящённым в его политические расчёты и замыслы.

Никакого упреждающего удара! Более того, Сталин не разрешил привести в боевую готовность войска приграничных западных округов, чтобы ни одним неосторожным движением не спровоцировать Германию на агрессию.

Во время этой встречи произошла первая серьёзная стычка Жукова со Сталиным.

После войны Тимошенко в частной беседе рассказывал, что после доклада Жукова Сталин пришёл в состояние крайнего эмоционального возбуждения, граничащего с яростью. По словам Тимошенко, Сталин “подошёл к Жукову и начал на него орать: “Вы что, нас пугать пришли войной или хотите войны, вам мало наград или званий?” Жуков потерял самообладание, и его отвели в другую комнату. Сталин вернулся к столу и грубо сказал: “Это всё Тимошенко, он настраивает всех к войне, надо бы его расстрелять, но я его знаю как хорошего вояку ещё с гражданской войны”.

Тимошенко, видя, что дело плохо и к чему всё идёт, по-солдатски прямо сказал Сталину:

— Вы же сказали всем, что война неизбежна, на встрече с выпускниками академий.

— Вот видите! — взмахнул трубкой Сталин, обращаясь к членам Политбюро. — Тимошенко здоровый, и голова большая. А мозги, видимо, маленькие... Это я сказал для народа, надо их бдительность поднять. А вам надо понимать, что Германия никогда не пойдёт одна воевать с Россией! Это-то вы должны понимать!

Далее Тимошенко вспоминал: “Он ушёл, но вскоре вернулся и произнёс: “Если вы будете на границе дразнить немцев, двигать войска без нашего разрешения, тогда головы полетят, имейте в виду”.

Генштаб успел осуществить в этот короткий период некоторые мероприятия, которые очень скоро окажутся спасительными для Красной армии

и которые во многом определяют хронику событий лета и осени 1941 года.

В военные округа Генштаб направил директиву, согласно которой предусматривалась вероятность отвода войск в глубь страны в случае внезапного нападения противника, эвакуации складов и промышленных предприятий. Оборона получала оперативную глубину, определялись три её рубежа: фронтовой — по линии демаркации; стратегический — по линии рек Западная Двина и Днепр; государственный — Осташков, Сычёвка, Ярцево, Рославль, Почеп, Трубчевск. Директива предписывала: штабы округов в кратчайшие сроки должны представить на утверждение оперативные планы обороны. Некоторые историки называют эти мероприятия, конечно же, отфильтрованные осторожным Сталиным, скрытой мобилизацией. Из внутренних округов на стратегический рубеж перебрасывались и развёртывались несколько армий. В частности, в те дни из-под Ростова-на-Дону на линию Киевского укрепрайона привёл 19-ю армию генерал Конев.

Именно в эти последние сутки наши оборонительные линии непосредственно у границы были более или менее усилены. Оперативная плотность порядков войск КОВО, где ожидался основной удар, составляла от 70 до 160 километров на одну дивизию. Чтобы сразу отбросить все мудрствования по поводу сталинского превентивного удара и плана наступления на Прагу и Берлин, необходимо напомнить читателю, что для успешного наступления Красной армии необходимо было иметь как минимум дивизию на пять-семь километров фронта. Яско-Кишинёвская операция, которая служит неким эталоном удачно проведённых наступательных операций с последующим окружением и уничтожением войск противника, потребовала, к примеру, доведения оперативной плотности до 6,8 километра на одну дивизию при огневой поддержке восемнадцати орудий и двух танков или самоходки на один километр фронта. При том, что часть немецких войск, оказавшихся в ходе операции в “котле”, всё же смогла вырваться и избежать уничтожения и пленения.

Единственное, чего смогли перед немецким ударом добиться военные, — немного уплотнить войска первой фронтовой линии.

Тимошенко и Жуков почти ежедневно бывали у Сталина. Докладывали. Напоминали. Настаивали на более радикальных мерах. Выслушивали очередную нотацию по поводу возможной провокации, уходили оглушённые. А на следующий день снова шли и обосновывали необходимость приведения войск в полную боевую готовность.

— Вы что же, — нервно пыхал трубкой Сталин, — предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы оба это или нет?

За три дня до начала войны Сталин согласился на некоторые уступки военным: политбюро приняло решение о создании второго стратегического эшелона вдоль Днепра. Становилось очевидным: такую махину, какая скопилась по всей линии советско-германской границы, в приграничной полосе не удержать, так что война “малой кровью, на вражеской территории” была оставлена политрукам и корреспондентам газет.

В тот же день Жуков направил командующим войсками западных округов телефонограммы: фронтовые и армейские управления вывести и развернуть на полевых пунктах.

Глава двадцатая

ПЯТАЯ ВОЙНА

“Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами...”

Как ни странно, но для штабистов войны начинаются не тогда, когда тишину раскалывает первый залп и первая серия снарядов ложится на позиции противника. Для них война начинается раньше, иногда всего лишь за несколько часов до конца тишины.

Вечером 21 июня в Генштаб позвонили из Киевского Особого военного округа. Голос начальника штаба округа генерала Пуркаева был подчёркнуто спокойным, но в этом спокойствии читались ответы на многие вопросы минувших дней. Пуркаев доложил Жукову, что пограничники в районе Сокаля задержали перебежчика.

— Перебежчик показывает: сегодня во второй половине дня командир роты лейтенант Шульц отдал приказ приготовиться — сегодня ночью после артиллерийской подготовки их полк начинает форсирование Буга на плотках, лодках и понтонах. Кроме того, перебежчик сообщил, что их артиллерия заняла огневые позиции, а танки и пехота сосредоточены у бродов и переправ.

В те минуты, когда генералы разговаривали о перебежчиках, немецкие танкисты по ту сторону Буга и Прута дозаправляли топливные баки, проверяли боекомплекты и удаляли лишнюю смазку с трущихся деталей курсовых пулемётов. Лётчики уже получили приказ, нанесли на полётные карты боевые маршруты, а также объекты для огневого воздействия и стояли возле своих самолётов в ожидании приказа: “По машинам!” Пехотинцы, навьючив на себя снаряжение, коробки с пулемётными лентами и минами для ротных миномётов, смотрели на противоположный берег реки и застёгивали ремешки стальных шлемов. Для солдат Германии, которая все эти годы последовательно и энергично освобождалась от “версальского комплекса”, начинался поход к новой, более масштабной катастрофе.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Я тотчас же доложил наркому и И. В. Сталину то, что передал М. А. Пуркаев.

— Приезжайте с наркомом минут через сорок пять в Кремль, — сказал И. В. Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И. В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет, — ответил С. К. Тимошенко. — Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И. В. Сталина вошли члены Политбюро. Сталин коротко проинформировал их.

— Что будем делать? — спросил И. В. Сталин.

Ответа не последовало.

— Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, — сказал нарком.

— Читайте! — сказал И. В. Сталин.

Я прочитал проект директивы. И. В. Сталин заметил:

— Таковую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос ещё уладится мирным путём. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Не теряя времени, мы с Н. Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома.

Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить.

И. В. Сталин, прослушав проект директивы и сам ещё раз его прочитав, внёс некоторые поправки и передал наркому для подписи.

Директивы, уходящие в округа, а там растекающиеся по армиям, корпусам и дивизиям в виде конкретных приказов, к сожалению, катастрофически опаздывали. Командирам частей практически приходилось принимать решения, исходя из той обстановки, которую они либо наблюдали в бинокль, либо видели вокруг уже невооружённым глазом. Так, в первые сутки воевали многие, кто не был сразу же разбит, смят, захвачен врасплох и пленён. Многие отходили, самовольно оставив позиции. Некоторые из них в ярости и сумбуре первых неудач были вскоре расстреляны работниками НКВД, поспешно и зачастую несправедливо.

Катастрофу первых дней усугубило ещё и то, что из штабов, по существу, шли два потока документов на исполнение. Первые, порой подспудно, требовали повышения бдительности, усиления работы всех служб. Они соответствовали обстановке и настраивали войска быть готовыми в любой момент занять окопы и открыть огонь на поражение. Другой поток — сдерживающий — “не поддаваться на провокации” и “не провоцировать самим”.

Вернувшись от Сталина в свой кабинет, Жуков понял: поздно, слишком поздно ушла в округа их директива. Пока получают, пока отдадут распоряжения, пока поднимут солдат, пока те займут районы сосредоточения...

На рассвете 22 июня, словно пули в окна с разных сторон, в Генштаб полетели звонки.

В 3 часа 07 минут — с командного пункта Черноморского флота: со стороны моря приближается большое количество неизвестных самолётов.

В 3 часа 30 минут — из штаба Западного Особого военного округа: генерал Климовских сообщал о бомбардировке немецкой авиацией белорусских городов.

В 3 часа 35 минут — из штаба КОВО: налёты немецких самолётов на города Украины.

В 3 часа 40 минут — командующий войсками Прибалтийского военного округа доложил: авиация противника бомбит Каунас и другие города Прибалтики.

Первый звонок имел следующие последствия. Командующий Черноморского флота вице-адмирал Октябрьский доложил о приближении к району базирования кораблей флота большой группы самолётов противника. Воздушные цели обнаружила радиолокационная система крейсера “Молотов”. Тут же объявили тревогу. Боевые расчёты зенитных установок заняли свои позиции. Но как стрелять? Накануне из Москвы и штаба округа пришло столько бумаг, напоминавших командирам об ответственности за действия, которые с той стороны могли использовать как повод для провокации...

Доложив о самолётах, приближающихся к базе кораблей, Октябрьский сказал:

— Жду указаний.

Жуков, словно пытаясь оттянуть неизбежное, осторожно спросил:

— Ваше решение?

— Решение одно: встретить самолёты огнём противовоздушной обороны флота.

— Действуйте и доложите своему наркому, — сказал Жуков.

Авианалёт был успешно отбит. Кроме того, авиация Черноморского флота в тот же день нанесла ответные удары по румынским городам Констанце, Плоешти и Сулину.

Но единичные эпизоды боёв, когда немцы нарывались на заранее подготовленную оборону, почти не повлияли на общий ход первых дней войны.

Для наших войск всё складывалось по худшему варианту.

Двадцать второго июня в полдень по Всесоюзному радио выступил Молотов, и вся страна услышала: “Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами”. В выступлении Молотова прозвучало давно известное русскому сознанию историческое сочетание слов, уже омытое кровью поражений и побед, — “Отечественная война”. Авторство основных и самых эмоциональных фрагментов речи Молотова приписывают Сталину.

Молотов впоследствии рассказывал Владимиру Карпову: “После моего выступления по радио, когда я вернулся в кабинет Сталина, он сказал: “Вот видишь, как хорошо получилось, правильно, что выступал сегодня ты. Я звонил сейчас командующим фронтами, они не знают даже точной обстановки, поэтому мне просто нельзя было сегодня выступать, будет ещё время и повод, и мне придётся выступать не раз. А эти наши командующие, там, впереди, видно, разорались... Просто удивительно, что такие крупные военачальники — и вдруг растерялись, не знают, что им делать. У них есть свои определённые обязанности, и они должны их выполнять, не дожидаясь каких-то наших распоряжений. Даже если бы не было никаких наших директив, всё равно они должны были бы сами отражать врага, на то они и армия”.

Согласно журналу посещений кремлёвского кабинета, 22 июня Жуков был у Сталина дважды. Утром с 5.45 до 8.30 вместе с Тимошенко, Молотовым, Берией и Мехлисом. И после полудня с 14.00 до 16.00. Встреча происходила после выступления Молотова и касалась положения на фронте. В совещании приняли участие также Шапошников, Тимошенко и Ватутин.

Хрущёв рассказывал, что в первый день войны Сталин растерялся и чуть ли не впал в прострацию, что уехал из Кремля и делами не занимался и что Хрущёв с членами Политбюро якобы его с дачи привезли на службу управлять делами войны. Всё это ложь, которая в “исследованиях” некоторой части наших “историков” обросла ещё пущей ложью.

В завершение этой главы необходимо сказать, что 22 июня было сделано ещё одно обращение к народу. Вот его текст:

“ОБРАЩЕНИЕ МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО И КОЛОМЕНСКОГО, ГЛАВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РОССИИ СЕРГИЯ К “ПАСТЫРЯМ И ПАСОМЫМ ХРИСТОВОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ”

22 июня 1941 г.

В последние годы мы, жители России, утешали себя надеждой, что военный пожар, охвативший едва не весь мир, не коснётся нашей страны. Но фашизм, признающий законом только голую силу и привыкший глумиться над высокими требованиями чести и морали, оказался и на этот раз верным себе. Фашиствующие разбойники напали на нашу родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят ещё раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему Отечеству.

Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своём долге пред Родиной и верой и выходили победителями.

Не посрамим же их славного имени и мы — православные, родные им и по плоти, и по вере. Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, учёным, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства.

Вспомним святых вождей русского народа, например, Александра Невского, Димитрия Донского, полагавших свои души за народ и родину. Да и не только вожди это делали. Вспомним неисчислимые тысячи простых православных воинов, безвестные имена которых русский народ увековечил в своей славной легенде о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алёше Поповиче, разбивших наголову Соловья-разбойника.

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг.

Если кому, то именно нам нужно помнить заповедь Христову: “Больше себя любви никтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя”. Душу свою полагает не только тот, кто будет убит на поле сражения за свой народ и его благо, но и всякий, кто жертвует собой, своим здоровьем или выгодой. Нам, пастырям Церкви, в такое время, когда Отечество призывает всех на подвиг, недостойно будет лишь молчаливо посматривать на то, что кругом делается, малодушного не ободрить, огорчённого не утешить, колеблющемуся не напомнить о долге и о воле Божией. А если, сверх того, молчаливость пастыря, его некасательство к переживаемому паствой объяснитсЯ ещё и лукавыми соображениями насчёт возможных выгод на той стороне границы, то это будет прямая измена Родине и своему пастырскому долгу,

поскольку Церкви нужен пастырь, несущий свою службу истинно “ради Иисуса, а не ради хлеба куса”, как выражался святитель Дмитрий Ростовский. Положим же души своя вместе с нашей паствой. Путём самоотвержения шли неисчислимые тысячи наших православных воинов, полагавших жизнь свою за Родину и веру во все времена нашествий врагов на нашу Родину. Они умирали, не думая о славе, они думали только о том, что Родине нужна жертва с их стороны, и смиренно жертвовали всем и самой жизнью своей.

Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины.

Господь нам дарует победу.

Патриарший местоблюститель смиренный Сергей, митрополит Московский и Коломенский”.

Узнал ли Жуков об обращении к православному воинству митрополита Сергия в тот же день или позже, или вовсе не узнал и не читал этих проникновенных слов местоблюстителя, историю, которая сложилась, это обстоятельство уже не изменит. Но совершенно определённо можно сказать: всю войну, от первого её часа до последнего, Жуков действовал так, как будто Сергей Старогородский обратился в тот день именно к нему и на него как на полководца и на его несокрушимый полк возложил всю тяжесть ратной ноши.

А если соскоблить пафос, то остаётся суть: Сталин всю войну посылал своего верного Илью Муромца то под Киев, то в Ленинград, то в район Ельни, то снова под Киев, на Днепр и, наконец, на Берлин.

Глава двадцать первая

КОНТРУДАР, КОТОРЫЙ НЕ УДАЛСЯ

“Повторяю: прочно закройте с севера подходы на Ковель, не бросайтесь со стрелковыми дивизиями в контратаки без танков...”

В мемуарах свою миссию на Юго-Западном фронте маршал очертил лишь пунктиром — бегло, с неопределёнными целями. Что же кроется за этой недоговорённостью?

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Примерно в 13 часов мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

— Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлём Шапошникова и Кулика. Я их вызвал к себе и дал соответствующие указания. Вам надо вылететь немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущёвым выехать в штаб фронта в Тернополь.

Я спросил:

— А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

И. В. Сталин ответил:

— Оставьте за себя Ватутина.

Потом несколько раздраженно добавил:

— Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдёмся.

Я позвонил домой, чтобы меня не ждали, и минут через 40 был уже в воздухе. Тут только вспомнил, что со вчерашнего дня ничего не ел. Выручили лётчики, угостившие меня крепким чаем с бутербродами”.

Самым мощным перед началом германской агрессии и в первые дни войны был Киевский Особый военный округ — Юго-Западный фронт. Четыре общевойсковые армии, множество других частей фронтового подчинения. По линии демаркации была развёрнута 5-я армия генерала Потапова, 6-я армия генерала Музыченко, 26-я армия генерала Костенко и 12-я армия гене-

рала Понеделина. В резерве фронта: 31-й, 36-й, 37-й, 49-й стрелковые и 9-й, 15-й, 19-й, 24-й механизированные корпуса, а также 14-я кавалерийская дивизия. Войска были расположены в два эшелона. Южный фланг Юго-Западного фронта прикрывала 9-я армия — три стрелковых корпуса, один кавалерийский и один механизированный. На Крымском полуострове и в резерве под Одессой ещё три корпуса.

С такими войсками, казалось, можно было выполнить задачу любой сложности. Но Халхин-Гола под Киевом не получилось. Хотя начало было успешным.

Судя по телеграфным переговорам Жукова с командующими армиями, он, как представитель Ставки, быстро овладел ситуацией. Настроение его было решительным и вполне соответствовало духу Директивы № 3. Хотя в мемуарах он от неё, по прошествии лет, изящно откrestился. Мемуары, как известно, — это либо попытка, либо подспудное желание перевоевать свои битвы и войны задним числом. У истории, конечно же, нет сослагательного наклонения, но всё же...

А если бы контрудар мехкорпусов, 5-й и 6-й армий Юго-Западного фронта оказался удачным и перерос в контрнаступление наших войск по всему периметру границы? Да “с выходом на территорию противника”?

Правда, по всей вероятности, уже к утру 23 июня всем в штабе фронта стало ясно, что Директиву № 3 в полном объёме наличествующими силами выполнить не удастся, что контрудар может иметь, в лучшем случае, ограниченные цели. Ни о каком Люблине речи быть уже не могло. Но мехкорпуса всё же должны были пойти вперёд. Потому что в сложившихся обстоятельствах наилучшим использованием механизированных резервов, насыщенных бронетехникой, оставался контрудар.

Единого, цельного удара не получилось. Мехкорпусам пришлось совершить изматывающие марши в сотни километров, прежде чем выйти в заданные районы сосредоточения и занять исходные позиции. Сразу же сказалась нехватка горючего. Многие боевые машины, в особенности старые, выработавшие свой моторесурс, отстали из-за поломок. Запозданием в сосредоточении воспользовались немецкие штабы: люфтваффе бросило против мехкорпусов, находившихся на марше и в районах сосредоточения, свои штурмовые эскадры. Ещё до соприкосновения с наземными силами противника танковые дивизии понесли огромные потери.

И всё же 24 июня к исходу дня штаб Юго-Западного фронта собрал боеспособные механизированные соединения, сосредоточил их в заданных районах. Вечером Жуков ознакомился с боевым приказом № 0015 на атаку и внёс кое-какие поправки.

Из воспоминаний маршала Баграмяна, в те дни начальника оперативного управления штаба фронта, полковника: “Жуков поинтересовался, имеем ли мы проводную связь с Музыченко. Получив утвердительный ответ, генерал армии сказал, что побывает у него, а пока удерживает с ним. Кирпонос распорядился немедленно вызвать командующего 6-й армией к аппарату. Выслушав доклад командарма о состоянии войск, о противнике, Жуков особо подчеркнул, насколько важно, чтобы 4-й мехкорпус как можно быстрее был переброшен на правый фланг армии”.

Когда Жуков командовал кавалерийской дивизией в Белорусском военном округе, Музыченко был у него командиром кавполка. В КОВО они тоже служили вместе. И вот на 6-ю общевойсковую армию согласно общей расстановке сил ложится огромная ответственность. Ключевая роль отводится 4-му механизированному корпусу генерала Власова.

Странная история произошла с этим генералом, “восходящей звездой РККА”, и его корпусом в те дни под Киевом.

4-й механизированный корпус был самым мощным в составе Юго-Западного фронта. Формировать его начал генерал Потапов. В корпус направлялась самая лучшая, новейшая по тем временам боевая техника и вооружение, новое снаряжение. Потапов создавал лучший в РККА мехкорпус. В январе 1941 года, назначенный на 5-ю армию, он передал корпус генералу Власову.

К 22 июня 1941 года 4-й механизированный корпус представлял собой такое мощное соединение, что, казалось, способен был решать самые сложные тактические задачи в ходе и армейских, и фронтовых операций. В его арсенале было столько же танков, сколько едва насчитывали все остальные мехкорпуса фронта. 979 танков (из них 313 — новых Т-34 и 101 — КВ), 175 броневедомостей, оснащённых пушками и пулемётами, 134 орудия, 152 миномёта разных калибров. 2854 автомашины и 274 трактора, более тысячи мотоциклов. Численный состав — 28 098 человек. К осени под Москвой такими по численности станут некоторые армии, при том что количество танков у них будет раз в 20 меньшим. Правда, задачи они будут выполнять более масштабные.

В истории контрудара мехкорпусов Юго-Западного фронта много неясного, противоречивого и не поддающегося логике. Сейчас, когда опубликованы некоторые документы полуоткрытых архивов, кое-что прояснилось.

Ударные соединения фронта не смогли вовремя перегруппироваться, не наладили взаимодействие не только с авиацией, но и со стрелковыми частями и даже между собой. Единого и согласованного удара с общими задачами не получилось. В контрударе участвовали только четыре мехкорпуса. Но и их действия свелись к изолированным контратакам на различных направлениях с частными и ограниченными целями, а порой просто к ударам в пустоту. Результатом этих сверхусилий, оплаченных десятками тысяч убитых, плененных, брошенной вдоль дорог и сожжённой техники стала недельная задержка наступления 1-й танковой группы фон Клейста, что повлекло за собой срыв всех ближайших планов южной группы войск противника.

На войне никакое усилие, даже самое малое, ни один выстрел, произведённый даже мимо цели, а уж тем более ни одна солдатская жизнь, отданная в бою за Отечество, не бывают напрасными.

Действия некоторых подразделений во время контрудара заслуживают самой высокой оценки. К примеру, превосходно действовали части 8-го корпуса генерала Рябышева. Танки корпуса смяли порядки 57-й пехотной дивизии и потеснили танковые части 48-го моторизованного корпуса. Клейст вынужден был перебросить сюда свои резервы. Судя по дневниковым записям начальника штаба сухопутных войск генерала Гальдера, этот танковый удар для немцев стал первым сильным впечатлением: “На фронте противника, действующего против группы армий “Юг”, отмечается твёрдое руководство. Противник всё время подтягивает из глубины новые свежие силы против нашего танкового клина... Как и ожидалось, значительными силами танков он перешёл в наступление на южный фланг 1-й танковой группы. На отдельных участках отмечено продвижение”.

Фон Клейст потом скажет, словно оправдываясь перед собой, своим древним прусским родом и историей: “Основная причина нашей неудачи заключалась в том, что в том году зима наступила очень рано, а русские постоянно отступали, не давая вовлечь себя в решающую битву, к которой мы так стремились”.

Для справки: среднестатистические наблюдения дают картину наступления в России в 1941 году более поздней зимы, чем это бывало обычно. Русские же, действительно, отступали, “не давая вовлечь себя” в бои на уничтожение, используя тактику мощных контрударов.

Но самым непреодолимым для немецких генералов и солдат оказалась стойкость русских и то, что в Красной армии появились молодые и талантливые генералы, такие, как Жуков, Рокоссовский, Конев, что дивизиями командовали полковники, будущие танковые генералы Катюков, Баданов и другие.

Здесь, под Киевом, Жуков встретил многих своих сослуживцев по Белоруссии и Монголии.

5-й армией командовал генерал Потапов. Земляк из Юхнова, надёжный боевой товарищ и командир, хорошо знавший танковый манёвр. На Халхин-Голе Жуков и Потапов всегда были рядом. Познакомились в Белоруссии в конце 1930-х. В то время Жуков укомплектовывал свою кавдивизию по новым штатам. На должность командира 11-го механизированного полка в дивизию прислали тридцатипятилетнего майора, выпускника Военной ака-

демии механизации и моторизации РККА Михаила Ивановича Потапова. Жуков и Потапов оказались земляками.

В “Воспоминаниях и размышлениях” маршал упоминал своего боевого товарища не раз: “Комбриг Михаил Иванович Потапов был моим заместителем. На его плечах лежала большая работа по организации взаимодействия соединений и родов войск, а когда мы начали генеральное наступление, Михаилу Ивановичу было поручено руководство главной группировкой на правом крыле фронта”. Это — о Халхин-Голе. А вот краткая характеристика из 1941 года: “Потапов был смелый и расчётливый командарм, отличался невозмутимым характером, ничто не могло вывести его из равновесия”.

Именно такой и нужен был в те дни на рубеже Влодава—Крыстынополь. Потапов со своей 5-й армией держал фронт протяжённостью 174 километра.

В начале осени, когда положение под Киевом вновь крайне обострилось, многие войска Юго-Западного фронта по вине Ставки окажутся в окружении. В Киевском “котле” погибнет и 5-я армия. При попытке вырваться из кольца будет убит дивизионный комиссар Никишев. Генерал-майор танковых войск Потапов, раненый и контуженый, попадёт в плен. Его будет допрашивать Гудериан, танки которого замкнут кольцо окружения за спиной дивизий 5-й армии. Потом лагеря Хаммельсбург, Гогельштейн, Вайсенбург, Моозбур. В одном из лагерей Потапов будет сидеть в одной камере со старшим лейтенантом Яковом Джугашвили и делить с ним свою генеральскую пайку.

После освобождения из плена и проверки в фильтрационном лагере Потапова восстановят в звании и возвратят в войска.

И во время проверки Потапова органами контрразведки, и позже Жуков проявит к его судьбе самое пристальное и доброе внимание. Известно, какое отношение после войны было к пленным. На всех уровнях.

Потапов уже служил, командовал войсками, но долгое время ему отказывали в восстановлении в партии. Тогда он обратился к Жукову с просьбой дать ему рекомендацию. И маршал тут же сел за стол и написал: “...Что касается командирских качеств, то товарищ Потапов был лучшим командармом, а части и соединения, которыми он командовал, всегда были ведущими. В пограничном сражении 5-я армия дралась с исключительным упорством и доблестью. Отходя под воздействием превосходящих сил противника, она неоднократно контратаковала и наносила поражения немцам. Товарищ Потапов армией управлял блестяще. Ещё скажу, что он был большой души человек, которого любили все подчиненные за его доброжелательность и понимание”.

Говорят, уже после войны они порой сидели вместе где-нибудь на даче, вспоминали свою кавалерийскую юность, Белоруссию, Халхин-Гол, Украину и пели любимую песню: “Ой вы, кони мои вороные, чёрны вороны, кони мои...”

Изъездились их кони, ускакали в смутную даль времён...

Двадцать шестого июня, когда мехкорпуса начали действовать, Сталин неожиданно отозвал Жукова в Москву. Телефонный разговор произошёл на командном пункте Юго-Западного фронта под Тернополем.

— На Западном фронте сложилась тяжелая обстановка, — сказал Сталин. — Противник подошёл к Минску. Непонятно, что происходит с Павловым. Маршал Кулик неизвестно где. Маршал Шапошников заболел. Может вы немедленно вылететь в Москву?

Глава двадцать вторая

КАТАСТРОФА ПОД МИНСКОМ И РАССТРЕЛ ГЕНЕРАЛОВ

“...арестовать и судить как труса и предателя”.

Нередко слышишь категоричное: Жуков был человеком Сталина и выполнял то, что ему приказывал Верховный. Это верно. Но лишь отчасти.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “Поздно вечером 26 июня я прилетел в Москву и прямо с аэродрома — к И. В. Сталину. В кабинете

И. В. Сталина стояли навтыяжку нарком С. К. Тимошенко и мой первый заместитель генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. Оба бледные, осунувшиеся, с покрасневшими от бессонницы глазами. И. В. Сталин был не в лучшем состоянии.

Поздоровавшись кивком, И. В. Сталин сказал:

— Подумайте вместе и скажите, что можно сделать в сложившейся обстановке? — И бросил на стол карту Западного фронта.

— Нам нужно минут сорок, чтобы разобраться, — сказал я.

— Хорошо, через сорок минут доложите.

Мы вышли в соседнюю комнату и стали обсуждать положение дел и наши возможности на Западном фронте”.

Предложения военных “И. В. Сталиным были утверждены и тотчас же оформлены соответствующими распоряжениями”.

И Генштаб, и Ставку беспокоили события, происходившие в Белоруссии и Прибалтике. Серия запланированных контрударов силами механизированных корпусов вылилась в несогласованные между собой попытки сбить темп немецкого наступления и ничего, кроме колоссальных потерь в живой силе и технике, Красной армии не принесла. Донесения свидетельствовали о низкой активности авиации, которая должна была прикрывать механизированные корпуса на марше, когда они особенно уязвимы, а также взаимодействовать с танками и бронетехникой на поле боя. Ничего этого не получилось. Почти везде катастрофически отставали от танков пехота и артиллерия. И те удары, которые удалось осуществить, проходили практически без артиллерийского обеспечения. За исключением нескольких эпизодов, когда особенно результативно проявили себя истребители танков.

На гродненском направлении удалось на короткое время приостановить немецкое наступление.

Контрудар Северо-Западного фронта из района Каунаса закончился полным провалом.

Тем временем на постоянные запросы доложить обстановку штаб Западного фронта и штабы армий, действующих в районе Белостока и Минска, отвечали то невнятицей, то немотой. Молчали и представители Ставки, посланные туда. Жукова беспокоило, что штаб Западного фронта, возможно, потерял управление, что действия армий и корпусов, брошенных в бой, скорее всего, носят характер беспорядочного сопротивления. Вот почему молчит Кулик, посланный разобраться в происходящем. Вот почему молчит Болдин.

Посоветовавшись с Тимошенко и своим штабом, Жуков доложил обстановку и предложил в качестве срочной меры создать группу резервных армий Главного командования. В состав резерва включить 19-ю, 20-ю, 21-ю и 22-ю армии. Этими сильными армиями заставить рубеж Невель—Витебск—Могилёв—Жлобин—Гомель—Чернигов и далее по Днепру до Кременчуга. Одновременно создавался тыловой оборонительный рубеж по линии Селижарово—Смоленск—Рославль—Гомель. Сюда предполагалось срочно передислоцировать дивизии двух резервных армий Ставки.

Создавался Резервный фронт. Командовать им было поручено маршалу Будённому.

Сталин с неохотой соглашался на предложения военных о переходе к обороне. Долго думал, ходил вокруг карты. Наконец кивнул:

— Хорошо, мы подумаем. Товарищ Жуков, что ещё можно сделать для выправления положения на фронте и улучшения ведения боевых действий нашими армиями?

Следующее предложение, высказанное начальником Генштаба на том совещании, заставило многих вздрогнуть:

— В сложившихся обстоятельствах считаю необходимым срочно пересмотреть дела незаконно арестованных генералов и офицеров Красной армии. Их возвращение в войска существенно поможет общему делу.

Вскочил Каганович. Напрялся и заёрзал на стуле Ворошилов. У Берии задрожало пенсне.

— Разве у нас есть незаконно арестованные?! — почти в один голос воскликнули они.

— Есть, — неожиданно встал Тимошенко. — Есть незаконно арестованные. Среди них прекрасные командиры, толковые специалисты. Они нужны сейчас на фронте, в штабах. Ни в каких заговорах они не участвовали, это честные патриоты, преданные партии и Красной армии люди.

— Вы можете подготовить такой список, товарищ Тимошенко? — неожиданно спокойно отреагировал Сталин.

— Да, могу, — твёрдо сказал Тимошенко.

И Сталину, и всем членам Политбюро стало ясно, что этот вопрос начальник Генштаба и нарком обороны внесли, предварительно договорившись и тщательно продумав все детали. И список у них наверняка уже подготовлен...

Несогласные ждали реакции Сталина. И Сталин уступил военным.

— Хорошо, — кивнул он. — Давайте список. Мы подумаем.

Но пока Жуков докладывал, пока Ставка совещалась и принимала решения, события развивались с молниеносной быстротой, и многие расчёты, только что доложенные Генштабом в качестве предупредительных мер, оказались попросту смятыми гусеницами немецких танков.

И вот тут-то произошло второе серьёзное столкновение двух характеров.

Известно, что 28 июня Сталин провёл основной приём посетителей до 23.00, только Берия и Микоян вышли из его кабинета после полуночи.

Двадцать девятого июня канцелярия Сталина не зарегистрировала ни одного посетителя. Именно это обстоятельство дало некоторым исследователям повод предположить, что Сталин в этот день был настолько расстроен, что впал в транс. Нет записей о посещении кремлёвского кабинета Сталина и за 30 июня.

Но вот что пишет в своих мемуарах Микоян: “29 июня вечером у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия. Подробных данных о положении в Белоруссии тогда ещё не поступило. Известно было только, что связи с войсками Белорусского фронта нет. Сталин позвонил в Наркомат обороны Тимошенко. Но тот ничего путного о положении на Западном направлении сказать не смог. Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил нам всем поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться с обстановкой.

В Наркомате были Тимошенко, Жуков, Ватутин. Сталин держался спокойно, спрашивал, где командование Белорусским военным округом, какая имеется связь. Жуков докладывал, что связь потеряна и за весь день восстановить её не могли. Потом Сталин и другие вопросы задавал: почему допустили прорыв немцев, какие меры приняты к налаживанию связи и т. д. Жуков ответил, какие меры приняты, сказал, что послали людей, но, сколько времени потребуется для установления связи, никто не знает.

Около получаса поговорили, довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: что за Генеральный штаб, что за начальник штаба, который так растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует. Была полная беспомощность в штабе. Раз нет связи, штаб бессилен руководить. Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек разрыдался, как баба, и выбежал в другую комнату. Молотов пошёл за ним.

Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5–10 Молотов привел внешне спокойного Жукова, но глаза у него были ещё мокрые. Договорились, что на связь с Белорусским военным округом пойдёт Кулик (это Сталин предложил), потом других людей пошлют. Такое задание было дано затем Ворошилову.

Его сопровождал энергичный, смелый, расторопный военачальник Гай Туманян. Предложение о сопровождающем внёс я. Главное тогда было восстановить связь. Дела у Конева, который командовал армией на Украине, продолжали успешно развиваться в районе Перемышля. Но войска Белорусского фронта оказались тогда без централизованного командования. Сталин был очень удручён”.

Колоритная картина, не так ли? Но сразу вылезает наружу кавказский акцент. Хотя не это главное в воспоминаниях Микояна. “Энергичный, сме-

лый, расторопный” Туманян на фоне плачущего, “как баба” начальника Генштаба — это всего лишь слабость. Сила же Микояна в другом. Он был человеком Хрущёва. В том числе и в мемуарах. Политики такого уровня, как известно, в отставку не уходят — они пишут мемуары, которые работают и после их ухода. На преемников, на семейный клан, наконец. Хрущёву выгодно было показать Сталина ничтожеством, в трудный момент растерявшимся человеком, которого надо было вытаскивать с дачи и заставлять руководить страной. Вот мы сейчас как раз и рассматриваем дни “растерянности” Сталина.

Так что верить Микояну можно до определённой степени.

Молотов, обычно весьма сдержанный в характеристиках, в своих беседах с писателем Феликсом Чуевым и об этом дне, и Микояне сказал буквально следующее: “И сам-то Анастас был гнилой. Микоян очень связан с Хрущёвым. Я думаю, что он настраивал Хрущёва на самые крайние меры”.

Совершенно иначе пересказал эту историю со слов Молотова писатель Иван Стаднюк. Иван Фотиевич, работая над романом “Война”, встречался со свидетелями и героями тех событий, в том числе и с Молотовым. “Верно то, что вечером 29 июня Сталин потерял самообладание, узнав, что немцы второй день хозяйничают в Минске, а западнее столицы Белоруссии враг захлопнул капкан вокруг основной массы войск Западного фронта, что значило: путь гитлеровским войскам на Москву открыт.

Не дождавшись очередного доклада наркома обороны Тимошенко и начальника Генштаба Жукова об оперативной обстановке, Сталин с рядом членов Политбюро внезапно появился в Наркомате обороны.

Это был самый опасный момент во взаимоотношениях верховной государственной власти и высшего командования Вооружённых Сил СССР, была грань, за которой мог последовать взрыв с самыми тяжёлыми последствиями. Подробно расспросив Молотова о том, как всё происходило, я, работая над второй книгой “Войны”, написал главу, стараясь не смягчать в ней остроты случившегося, но и не давать неприятных деталей: уж в очень грубых, взаимно оскорбительных и нервных тонах вёлся разговор, с матерщиной и угрозами...

Ссора закончилась тем, что Жуков и Тимошенко предложили Сталину и членам Политбюро покинуть кабинет и не мешать им изучать обстановку и принимать решения”.

Нет, это была не просто ссора по поводу, а принципиальная схватка, которая определяла дальнейшие взаимоотношения... И потом: что значит, “Жуков и Тимошенко предложили Сталину и членам Политбюро покинуть кабинет и не мешать...” Вежливо сказали: мол, пожалуйста и прочее?.. Нет, там, во время этого разговора, видимо, стены тряслись, так что двери сами собой открывались... Кто-то должен был отступить. Самый мудрый. И он отступил.

Историк Николай Зенькович, уже со слов Стаднюка, пересказывает историю схватки в наркомате так: “Ссора вспыхнула тяжелейшая, с матерщиной и угрозами. Сталин материл Тимошенко, Жукова и Ватутину, обзывал их бездарями, ничтожествами, ротными писаришками, портяночниками. Нервное напряжение сказалось и на военных. Тимошенко с Жуковым тоже наговорили сторяча немало оскорбительного в адрес вождя. Кончилось тем, что побелевший Жуков послал Сталина по матушке и потребовал немедленно покинуть кабинет... Изумлённый такой наглостью военных, Берия пытался вступить за вождя, но Сталин, ни с кем не попрощавшись, направился к выходу. Затем он тут же поехал на дачу”.

Похоже, именно с дачи Сталин в этот день и приехал в наркомат. Вместе с членами Политбюро.

По воспоминаниям тех, кто в тот день сопровождал Сталина, он в сердцах выпалил: “Ленин оставил нам великое наследие, а мы, его наследники, всё это просрали”. Разговор с военными впечатлил его сильно.

Вот так, от микояновской политкорректности в пользу Хрущёва история отключевала к жуковским матюкам.

Сам же маршал в своих мемуарах продемонстрировал верх сдержанности: “Ставка и Генеральный штаб тяжело восприняли известие о том, что нашими

войсками оставлена столица Белоруссии”. И далее, уже ближе к теме: “29 июня И. В. Сталин дважды приезжал в Наркомат обороны, в Ставку Главного Командования, и оба раза крайне резко реагировал на сложившуюся обстановку на западном стратегическом направлении”.

Ни о “портяночниках”, ни о “писаришках” маршал вспоминать не захотел. И уж тем более — о том, в каких выражениях сам “разговаривал” со Сталиным.

Все эти тяжёлые беседы и матерные консультации всплывут позже, после войны. Жукову не простят ничего.

А Тимошенко будет молчать.

Двадцать седьмого июня Жуков связался по “Бодо” с начальником штаба Западного фронта генералом Климовских. Генерал докладывал, что Минск ещё наш, что немцы у Смолевичей высадили десант, но части 44-го стрелкового корпуса его уже добивают, что противник подошёл к укрепрайону, что “Барановичи, Бобруйск, Пуховичи до вечера были наши...”

Вопросы Жукова были кратки, но объёмны:

— Где Кулик, Болдин, Коробков?

— От Кулика и Болдина сообщений нет. Связались с Коробковым, он на КП восточнее Бобруйска. Соединение Хацкилевича подтягивалось к Барановичам, Ахлостина — к Столбцам.

Климовских докладывал о 6-м генерала Хацкилевича и 13-м генерала Ахлостина механизированных корпусах 10-й армии. Хацкилевич погибнет в эти дни при попытке вырваться из окружения. Ахлостин — через месяц, в районе Пропойска, при форсировании реки Сож. В плен попадёт командир 4-й танковой дивизии 6-го механизированного корпуса генерал Потатурчев. После допроса немцы его поставят к берёзе, но пуля, пробив грудь, не заденет жизненно важных органов, и он выживет. В январе 1942 года он выйдет под Тулой на позиции 50-й армии, которой в то время будет командовать генерал Болдин. Выручить его Болдин не сможет или не захочет. Потатурчева арестуют. Умрёт он в тюрьме в 1947 году. В 1953 году его реабилитируют, вернут звание и орден Красной Звезды, вдове назначат пенсию.

1941 год был годом множества трагедий. И они, в своём множестве, срастались в одну, общую, гигантскую. Вот с нею-то, как с драконом, и схватился Жуков, ещё не зная, уцелеет ли его голова в той смертельной схватке...

— Где тяжёлая артиллерия? — продолжал Жуков.

— Большая часть тяжёлой артиллерии в наших руках. Не имеем данных по 375-му и 120-му гаубичным артиллерийским полкам.

В завершение Жуков предостерёт:

— Смотрите, чтобы противник ваш Минский УР не обошёл с севера. Закройте направления Логойск—Зембин—Плещеницы, иначе противник, обойдя УР, раньше вас будет в Борисове. У меня всё. До свидания.

Так и случилось. Через несколько часов немецкие танки при поддержке мотопехоты обошли Минский укрепрайон с севера и атаковали порядка 100-й стрелковой дивизии генерала Руссиянова в районе Острошицкого городка. Дивизия дралась храбро и умело. Было подбито около 100 танков противника. Но сила силу ломит, вскоре дивизию Руссиянова оттеснили, и немецкие танки хлынули в северный пригород Минска.

В ту ночь Жуков почти не спал. Прилёг в кабинете на диване около 5.00. В 6.00 был уже на ногах. Сердце было не на месте. В 6.45 по телефону связался со штабом Западного фронта. Потребовал командующего. Павлов ответил.

Жуков: Мы не можем принять никакого решения по Западному фронту, не зная, что происходит в районах Минска, Бобруйска, Слуцка. Прошу доложить по существу вопроса.

Павлов: В районе Минска 44-й стрелковый корпус отходит южнее Могилёвского шоссе; рубежом обороны, на котором должны остановиться, назначен Стахов—Червень. В районе Слуцка вчера, по наблюдению авиации, 210-я мотострелковая дивизия вела бой в районе Шишецы. В районе Бобруйска сегодня в четыре часа противник навёл мост, по которому проскочило 12 танков.

Жуков: Немцы передают по радио, что ими восточнее Белостока окружены две армии. Видимо, какая-то доля правды в этом есть. Почему ваш штаб не организует высылку делегатов связи, чтобы найти войска? Где Кулик, Болдин, Кузнецов? Где кавкорпус? Не может быть, чтобы авиация не видела конницу.

Павлов: Да, большая доля правды. Нам известно, что 25 и 26 июня части были на реке Щаре, вели бой за переправы с противником, занимающим восточный берег реки Щары. 3-я армия стремилась отойти по обе стороны реки Щары. 21-й стрелковый корпус — в район Лиды. С этим корпусом имели связь по радио, но со вчерашнего дня связи нет, корпус пробивается из окружения в указанном ему направлении. Авиация не может отыскать конницу и мехчасти, потому что всё это тщательно скрывается в лесах от авиации противника. Послана группа с радиостанцией с задачей разыскать, где Кулик и где находятся наши части. От этой группы ответа пока нет. Болдин и Кузнецов, как и Голубев, до 26 июня были при частях.

Жуков: Основная ваша задача — как можно быстрее разыскать части и вывести их за реку Березину. За это дело возьмитесь лично и отберите для этой цели способных командиров. Ставка Главного Командования от вас требует в кратчайший срок собрать все войска фронта и привести их в надлежащее состояние. Нельзя ни в коем случае допустить прорыва частей противника в район Бобруйска и в район Борисова. Вы должны во что бы то ни стало не допустить срыва окончания сосредоточения армий в районе Орша—Могилёв—Жлобин—Рогачёв. Для руководства боями и для того, чтобы вы знали, что происходит под Бобруйском, вышлите группу командиров с радиостанцией под руководством вашего заместителя. Немедленно эвакуируйте склады, чтобы всё это не попало в руки противника. Как только обстановка прояснится, сразу же обо всём доложите.

Павлов: Для удержания Бобруйска и Борисова бросим все части, даже школу”.

Странное впечатление производит этот разговор. Жуков пытается узнать у командующего Западного фронта, в каком состоянии его войска. Тот отвечает неконкретно либо конкретно, но говорит не о столь несущественном. О танковой колонне, которая напрямик шла к Бобруйску, он упомянул вскользь и почти пренебрежительно: проскочили, мол, 12 танков... При этом обещал драться за Бобруйск и послать туда едва ли не последний свой резерв. А между тем немцы были уже в Бобруйске!

С занятием Бобруйска рухнуло всё оперативное построение наших войск на возможный отвод частей на тыловой рубеж и эвакуацию складов и тяжёлого вооружения. Генерал Модель овладел крупнейшим железнодорожным узлом, где сходились также шоссеиные дороги. Таким образом, у противника появилась возможность беспрепятственно наступать, ломая уже не боевые порядки, а тылы южного фланга Западного фронта. 24-й моторизованный корпус 2-й танковой группы Гудериана, авангардом которого была дивизия Моделя, мгновенно воспользовался ситуацией, и через четверо суток немецкие танки и мотоциклисты были уже на Днепре и с ходу попытались захватить плацдармы на восточном берегу, но были отбиты решительными действиями 63-го стрелкового корпуса под командованием комкора Петровского.

Тридцатого июня Сталин, по всей вероятности, ещё не окончательно погасив в себе ярость и уже приняв для себя решение по поводу судьбы командования Западного фронта, позвонил Жукову и приказал вызвать генерала Павлова.

Можно себе представить, что происходило в душе Жукова, когда он связался со штабом Западного фронта и приказал генералу Павлову срочно прибыть в Москву.

Жуков был неглупым человеком и “тайны кремлёвского двора” постепенно постигал, хотя, надо признать, всегда старался держаться от них в стороне. Раньше обречённых вытаскивал своим звонком из военных округов в столицу нарком Ворошилов. Так было с командующими округами Якиром, Уборевичем, Великановым, Ефремовым. Последнему, к счастью, ареста, пыток и расстрела удалось избежать.

И вот “работу” Ворошилова должен был сделать он, Жуков.

В своих мемуарах маршал о приезде Павлова написал очень коротко, но с явным сочувствием к обречённому: “На следующий день генерал Д. Г. Павлов прибыл. Я его едва узнал, так изменился он за восемь дней войны. В тот же день он был отстранён от командования фронтом и вскоре предан суду. Вместе с ним по предложению Военного совета Западного фронта судили начштаба генерала Климовских, начальника войск связи генерала Григорьева, начальника артиллерии генерала Клич и других генералов штаба армии”.

В те дни Военным советом Западного фронта был Мехлис, он и писал предсмертные “реляции” на генералов штаба Западного фронта.

Шестого июля Мехлис, оперативно “во всём разобравшись”, телеграфировал в Москву: “Москва, Кремль, Сталину. Военный совет установил преступную деятельность ряда должностных лиц, в результате чего Западный фронт потерпел тяжёлое поражение. Военный совет решил:

1) Арестовать бывшего начальника штаба фронта Климовских, бывшего заместителя командующего ВВС фронта Таюрского и начальника артиллерии Клич.

2) Предать суду военного трибунала командующего 4-й армией Коробкова, командира 9-й авиадивизии Черных, командира 42-й <стрелковой> дивизии Лазаренко, командира танкового корпуса Оборина.

3) Нами арестованы начальник связи фронта Григорьев, начальник топографического отдела фронта Дорофеев, начальник отделения отдела укомплектования фронта Кирсанов, инспектор боевой подготовки штаба ВВС Юров и начвоенторга Шейнкин”.

У Жукова с Мехлисом были всегда плохие отношения. Началась эта неприязнь ещё на Халхин-Голе, когда начальника Главного политуправления РККА прислали в Монголию в район боевых действий “проверить” Жукова. Видимо, уже тогда между ними произошло нечто похожее на “разговор” с Куликом или со Штерном. Мехлис начал энергично давать советы штабу 1-й армейской группы, как лучше бить японцев. Его сдержанно выслушивали, но поступали так, как считали нужным. Вскоре он был отозван из зоны боевых действий. К 1941-му году взаимная неприязнь между Жуковым и Мехлисом приняла характер устойчивый и, как впоследствии оказалось, непреодолимый. Судя по их стычкам, Мехлис считал, что Жуков держит камень за пазухой, то есть является замаскированным врагом. А Жуков презирал Мехлиса как бездарного военного, комиссара по особым поручениям, и не пропускал случая остудить его комиссарский пыл. Но, странное дело, фрагмент “Воспоминаний и размышлений” почти повторяет, пусть в урезанной редакции и более сдержанном тоне, телеграмму Мехлиса Сталину.

Время было суровое, жестокое и требовало адекватных решений, и мы должны быть благодарны своим дедам и прадедам за то, что тогда, в тех страшных обстоятельствах у них хватило силы воли и характера переломить ход событий, выправить положение на фронтах и победить.

Постепенно обстановка стабилизировалась. Отступление Красной армии замедлялось. Сопротивление усиливалось.

Но жертвы были огромными. В Белостокском и Минском “котлах” стигнули 11 стрелковых, две кавалерийские, шесть танковых и четыре механизированных дивизии. Погибли трое командиров корпусов и двое командиров дивизий. Попали в плен двое командиров корпусов и шестеро командиров дивизий. Пропали без вести один командир корпуса и двое командиров дивизий. В сводке германского Главного Командования 11 июля 1941 года были подведены итоги боёв группы армий “Центр”: в Белостокском и Минском “котлах” взято в плен 324 тысячи человек, в том числе несколько старших генералов, захвачено 3332 танка, 1809 орудий и другие многочисленные военные трофеи. В результате “ослабления мобилизационной готовности войск” Белорусского Особого военного округа со стороны штаба округа под Белостоком, а затем западнее Минска в Налибокской пуще немцы окружили, уничтожили и пленили основные силы 3-й, 4-й, 10-й и 13-й армий Западного фронта.

ЕЛЬНЯ

“Покончить с ельнинской группировкой противника...”

Теперь, когда стало очевидным, что основной удар немцы наносят в центре и танковый клин моторизованных корпусов нацелен на Москву, Ставка перебрасывала резервные армии на линию Западного фронта. 19-я, 20-я, 21-я и 22-я армии занимали оборону перед приближающимися колоннами группы армий “Центр”. Это был, по сути дела, новый фронт, который так же, как и прежний, рухнувший и сгоревший в контратаках, назывался Западным.

Прежний штаб был расстрелян. Павлов, Климовских, Григорьев, Клич, Коробков. Командующий ВВС Западного Особого военного округа генерал Копец сумел предупредить арест и унижительные допросы: 22 июня он на самолёте поднялся в воздух, облетел аэродромы и, увидев чудовищные разрушения авиабаз и гибель авиационных полков и дивизий, вечером застрелился в своём кабинете.

Новым командующим Западного фронта назначили маршала Тимошенко.

Похоже, Сталин не забыл военным нервного разговора в Генштабе. К тому же часть вины за поражение армий в Белоруссии он возлагал на Наркомат обороны и Генштаб. Вот и отправил под Смоленск исправлять положение руководителя первого из них. Вскоре в помощь ему пришлёт и второго.

Напряженье на фронте не ослабевало. Обстановку тех дней весьма точно охарактеризовал в своих мемуарах Баграмян: “Во всех разговорах сквозила мысль: приграничное сражение проиграно, нужно отводить войска на линию старых укрепленных районов. Но прямо это никто не решался высказать. Все понимали, что укрепленные районы, расположенные на линии старой государственной границы, ещё не готовы принять войска и обеспечить надёжную оборону. А времени и сил на приведение их в боевую готовность было слишком мало”.

Новый Западный фронт уже окапывался под Оршей, Витебском и Великими Луками.

Жуков всматривался в опасную конфигурацию Юго-Западного фронта, следил за продвижением немецких войск. Фон Клейст снова начал давить, концентрируя удары на нескольких направлениях. И вскоре стало очевидно: немцы стараются опередить Кирпоноса, отсечь армии Юго-Западного фронта от линии укрепрайонов и навязать им бой в не защищённом и не оборудованном для обороны пространстве.

По воспоминаниям Баграмяна, штаб Юго-Западного фронта 30 июня получил приказ, “в корне менявший ранее утверждённый план действий. В телеграмме указывалось, что войскам Юго-Западного фронта до 9 июля надлежит отойти на рубеж Коростенского, Новоград-Вольнского, Шепетовского, Староконстантиновского и Проскуровского укрепленных районов. В связи с этим и примыкавшая к нашему левому крылу 18-я армия Южного фронта должна была отвести свои правифланговые войска в Каменец-Подольский укрепленный район (по реке Збруч). С целью постепенного выравнивания линии отходящих войск нашему фронту было приказано до 6 июля удерживать промежуточный рубеж: Сарны, река Случь, Острог, Скалат, Чортков, Коломыя, Берхамет”.

Первого июля Жуков позвонил Пуркаеву:

— Учтывая стремление противника отрезать шестую, двадцать шестую и двенадцатую армии, необходимо проявить исключительную активность и изобретательность в руководстве отходом войск. Иначе не миновать катастрофы. Отвод войск необходимо прикрыть авиацией. Всю противотанковую артиллерию держать в непосредственной близости к наиболее опасным участкам и направлениям.

“Войска начали отход, — вспоминал Баграмян. — К этому манёвру было приковано не только наше внимание. Им интересовались и Ставка, и Генеральный штаб. По несколько раз в день Москва вызывала на провод то Кирпоноса, то Пуркаева. Утром 1 июля мне довелось присутствовать при

разговоре нашего начальника штаба с Жуковым. С первых же слов стало ясно, что Ставку тревожит угроза, нависшая над сильно отстававшими войсками 26-й и 12-й армий. Жуков и начал с того, что спросил Пуркаева, какое принято решение относительно левофланговых армий фронта. Выслушав ответ, он подчеркнул опасность отсечения наших главных сил от линии укреплённых районов”.

Но фон Клейст опережал Кирпоноса.

Жуков позвонил командующему Юго-Западного фронта в полночь 6 июля:

— Примите все меры, чтобы противник не оказался у вас в Бердичеве и не отрезал бы двадцать шестую и двенадцатую армии. Спешите с отводом за УР.

Седьмого июля танки Клейста овладели Бердичевом и прошли через укрепрайон, не занятый войсками.

В эти же дни с территории Румынии позиции войск Южного фронта были атакованы румынскими и немецкими дивизиями. Положение Юго-Западного фронта значительно осложнилось.

Западнее Смоленска положение по-прежнему оставалось на грани критического. В десятых числах июля авангарды моторизованных корпусов группы армий “Центр” были уже на Днепре, Десне и Западной Двине, в некоторых местах с ходу форсировали реки и попытались развить наступление дальше на восток, в направлении Москвы. Началось Смоленское сражение, которое будет длиться два месяца.

Ожесточённые бои почти одновременно вспыхнули сразу на трёх главных направлениях — великолукском, смоленском и рославльском. Первые же несколько суток противостояния донесения штабов армий и данные авиаразведки выявили контуры замысла немецких штабов: 2-я танковая группа (Гудериан) и 3-я танковая группа (Гот) ударили одновременно из района Витебска на Духовщину и из района севернее Полоцка на Великие Луки. Фланговые удары этих двух группировок были направлены на Кричев—Рославль и на Ельню. Таким образом, фон Бок намеревался ещё одним мощным ударом охватить группировку наших 19-й, 20-й и 16-й армий и придушить их в Смоленском “котле”.

Первые же бои продемонстрировали превосходство германской армии — и моральное, и численное.

Против пяти армий Западного фронта, расположенных в два эшелона, действовали 28 дивизий, в том числе девять танковых и шесть моторизованных, а также одна моторизованная бригада. Во втором эшелоне двигались 34 дивизии и две бригады. К началу Смоленского сражения немцы превосходили наши армии в 1,6 раза в живой силе, в 1,8 раза — в орудиях и миномётах, в 4 раза — в самолётах. Маршал Тимошенко, вступивший в командование войсками Западного фронта, добился превосходства только в танках — в 1,3 раза, что, конечно же, немаловажно.

К сожалению, ни командование Западного фронта, ни Генштаб не смогли вовремя развернуть новый фронт в полосе от Идрицы до Речицы, чтобы прочно закрыть Смоленские ворота. 22-я армия вскоре оказалась расчленённой и вынуждена была частью войск драться изолированно, а частью с боями и большими потерями вырваться из окружения. 19-я армия была ещё в эшелонах, когда часть её сил во главе с командармом Коневым вступила в бой под Витебском. Именно к этим дням относится эпизод из фронтовой биографии Конева, когда ему, бывшему артиллерийскому фейерверкеру*, пришлось вместе с уцелевшим заряжающим наполовину погибшего, а наполовину разбежавшегося расчёта противотанковой пушки стрелять по колонне немецких танков. К середине июля немцы, постоянно наращивая удар за счёт 9-й полевой армии, к тому времени подошедшей своими основными силами к театру военных действий, завершили охват смоленской группировки части наших войск и ворвались в Смоленск. В эти же дни пали Орша, Кричев, Пропойск, Ельня.

* Фейерверкер — буквально “работник огня” — унтер-офицерское воинское звание и должность в артиллерийских частях старой армии.

Но Западный фронт по-прежнему сражался. Большинство дивизий смогли отойти на новые оборонительные рубежи, избежав уничтожения и пленения. В окружении на южном фланге продолжал драться Могилёв. Более того, войска Тимошенко постоянно контратаковали, и противник нёс всё новые и новые потери в живой силе и технике. По мере продвижения вермахта вглубь территории СССР компенсировать эти потери Гитлеру было всё сложнее. Мы ещё подойдём в своём повествовании к тому моменту, когда потери германской армии именно на Восточном фронте станут непреодолимым препятствием на пути Гитлера к победе. Немецкий дух, немецкий “ордунг” и рейнский металл иссякнут именно в России. Надлом произойдёт здесь, на Востоке, на Русском фронте.

Ставка создала ещё один фронт. Резервные армии заняли окопы на рубеже Старая Русса—Осташков—Белый—Рославль—Брянск.

Сталин тяжело переживал падение Смоленска. Какое-то время он даже не разрешал публиковать в печати и передавать в радиоэфир сообщение о сдаче этого города. Потеря, без сомнения, была огромной. Слишком много ассоциаций она вызывала — поляки, французы, отданная тем и другим Москва...

Сталин в ярости от неудач на Западном фронте требовал отбить Смоленск, вернуть контроль над Смоленскими воротами.

Жуков со своими офицерами разработал новую операцию. 20 июля в войска ушла директива за его подписью о проведении контрудара с целью окружения и разгрома противника в районе Смоленска. Из дивизий фронта резервных армий, стоявших во втором эшелоне, создавалось пять оперативных групп. Они передавались в состав Западного фронта с задачей: нанести серию согласованных ударов с целью охвата смоленской группировки противника с северо-востока, востока, юго-востока и юга.

Контратаки в направлении Смоленска были проведены всемерно, согласованности достигнуть не удалось. В итоге все они были отбиты противником. Но и фон Бок, и Гитлер оценили упорство и решительность русских — на московском направлении немцы остановили наступление и перешли к обороне.

Из дневника фон Бока: “28/7/41. Поздно вечером приехал адъютант фюрера Шмундт и от имени фюрера сообщил мне следующее: наша главная задача — захват Ленинграда с прилегающими к нему районами, потом на повестке дня стоит захват источников стратегического сырья в районе Донецкого бассейна, Москва как таковая большой ценности для фюрера не представляет. Зато для него приобретает большое значение Гомель, захват которого обеспечит проведение масштабных операций в направлении Донецкого бассейна. Это несколько отличается от того, что говорится по поводу задач и целей группы армий в директиве Верховного командования сухопутных сил”.

Жуков по-прежнему беспокоился за южный фланг фронта. Как только противник прекратил давление в центре, сразу стало понятно, что надо ждать удара в другом направлении. Скорее всего, на юге.

Двадцать девятого июля 1941 года Жуков позвонил Сталину, доложил, что имеет важное сообщение, и попросил принять его безотлагательно.

Сталин ответил:

— Приходите.

Личный шофёр Жукова Александр Николаевич Бучин рассказывал, что по Москве и за город начальник Генерального штаба передвигался в кортеже из двух машин. В первой “эмке” ехал Жуков. Вторая, на “хвосте” — охрана. Охранников, не считая водителя, было трое. Вооружены автоматами ППД. У водителя — револьвер “наган” и финский нож. “...Жуков ездил мало, — вспоминал Бучин. — Маршрут обычно: Генштаб—Кремль и обратно. Квартира и дача, конечно”.

В тот день в кабинете у Сталина находились Маленков и Мехлис.

Жуков разложил на столе карту и приступил к докладу. Как всегда, начал с северо-западного направления и закончил юго-западным. На карте указал расположение немецких войск, уточнил их основные группировки и высказал свои предположения о возможных и явно возможных, исходя из

логики последних событий, намерениях противника. Сталин внимательно слушал, попыхивая трубкой.

— Откуда вам известно, как будут действовать немецкие войска? — спросил Мехлис, словно устав слушать докладчика.

— Мне неизвестны планы противника, но исходя из анализа сложившейся обстановки, немцы будут действовать, скорее всего, именно так, — не скрывая напряжения, ответил Жуков.

— Продолжайте, — будто не замечая напряжения, сказал Сталин и указал трубкой на карту.

— На московском стратегическом направлении, — продолжил Жуков, — немцы в ближайшее время, видимо, не смогут вести крупную наступательную операцию, так как они понесли слишком большие потери. Сейчас у них здесь нет крупных резервов, чтобы пополнить свои армии и обеспечить правый и левый фланги группы армий “Центр”. На Украине, как мы полагаем, основные события могут разыграться где-то в районе Днепропетровска, Кременчуга, куда вышли главные силы бронетанковых войск противника группы армий “Юг”. Наиболее слабым и опасным участком обороны наших войск является Центральный фронт. Наши Тринадцатая и Двадцать первая армии, прикрывающие направление на Унечу—Гомель, очень малочисленны и технически слабы. Немцы могут воспользоваться этим слабым местом и ударить во фланг и тыл войскам Юго-Западного фронта, удерживающим район Киева. — И Жуков резко чиркнул по карте указкой с севера на юг.

Именно так вскоре и ударит Гудериан своей 2-й танковой группой, отрезая армии Юго-Западного фронта от тылов.

— Что вы предлагаете? — спросил Сталин.

— Прежде всего, укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трёх армий, усиленных артиллерией. Одну армию — за счёт западного направления, другую — за счёт Юго-Западного фронта, третью — из резерва Ставки. Поставить во главе фронта опытного и энергичного командующего. Конкретно предлагаю Ватутина.

— Вы что же, считаете возможным ослабить направление на Москву? — удивился Сталин.

— Нет, так не считаю. Но противник, по нашим расчётам, здесь пока вперёд не двинется, а через двенадцать-пятнадцать дней мы можем перебросить с Дальнего Востока не менее восьми вполне боеспособных дивизий, в том числе одну танковую. Такой маневр не ослабит, а усилит московское направление.

Мехлис язвительно бросил:

— А Дальний Восток отдадим японцам?

Жуков решил на эту реплику не отвечать и продолжил:

— Юго-Западный фронт уже сейчас необходимо целиком отвести за Днепр. За стыком Центрального и Юго-Западного фронтов сосредоточить резервы не менее пяти усиленных дивизий.

Сталин в упор посмотрел на начальника Генерального штаба:

— А как же Киев?

Вот и наступил момент истины.

— Киев придётся оставить, — уверенным тоном произнёс Жуков.

В кабинете Сталина повисла тишина, как перед артподготовкой или атакой.

Жуков преодолел себя и продолжил доклад:

— На Западном направлении нужно немедленно организовать контрудар с целью ликвидации Ельнинского выступа. Именно Ельнинский плацдарм противник может позднее использовать для нового наступления на Москву.

И тут Сталин пришёл в себя.

— Какие там ещё удары! Что за чепуха! — вспыхнул он. — Опыт показал, что наши войска не умеют наступать.

Снова наступила тишина. Жуков понял, что продолжать доклад уже не нужно. И в следующее мгновение Сталин закричал:

— Как вы могли додуматься сдать врагу Киев?!

Смоленск и Киев, так же, как Ленинград и Москва, имели для Сталина не столько военное, сколько политическое значение. Он только что принял английского посла Криппса и на этой важной для обеих сторон встрече ещё раз напомнил о необходимости военной помощи, в которой остро нуждается Советский Союз. Через два дня после визита английского посла Черчилль направил Сталину, к тому времени уже Верховному Главнокомандующему, письмо с согласием на поставку воюющей Красной армии вооружения, боеприпасов, снаряжения, продовольствия, а также необходимых материалов для военной промышленности СССР. В тот же день Черчилль продиктовал письмо, адресованное военно-морскому министру и начальнику военно-морского штаба: “Если бы русские смогли продержаться и продолжить военные действия хотя бы до наступления зимы, это дало бы нам неоценимые преимущества... Пока русские продолжают сражаться, не так уж важно, где проходит линия фронта. Эти люди показали, что они заслуживают того, чтобы им оказали поддержку, и мы должны идти на жертвы и на риск, даже если это причиняет нам неудобства, что я вполне сознаю, ради того, чтобы поддержать их дух...”

В те же дни состоялся визит Гарри Гопкинса, посланника Рузвельта. Гопкинс внимательно изучал обстановку. Когда заговорили о возможной помощи США, Сталин неожиданно попросил высокооктановый бензин для самолётов и цветные металлы. Это произвело на американца впечатление: Гитлер уже пролез в Смоленские ворота, а русские просят не солдат и даже не оружие — они озабочены перспективой, а значит, отчётливо видят её...

Вот когда, ещё в июле, когда фронты трещали и их нужно было постоянно латать новыми дивизиями и подпирать резервными армиями, Верховный Главнокомандующий одержал одну из главных побед в той войне. Вполне понятно, что большего, почти невозможного, он требовал и от своих генералов и маршалов.

Но вернёмся к докладу Жукова.

Он не был таким терпеливым и покладистым, каким на должности начальника Генерального штаба окажется потом Василевский. Впоследствии Жуков сам признается, что “не смог сдержаться и ответил:

— Если вы считаете, что я как начальник Генерального штаба способен только чепуху молоть, тогда мне здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт. Там я, видимо, принесу больше пользы Родине”.

После очередной тяжёлой паузы Сталин заговорил уже спокойней:

— Вы не горячитесь. А впрочем... мы без Ленина обошлись, а без вас тем более обойдёмся...

“Без Ленина” — это был, несомненно, сильный оборот речи. Пожалуй, самый сильный в устах Верховного.

Через полчаса Жуков получил новое назначение — под Ельню.

Отправляясь на фронт, Жуков, в первую очередь, позаботился о семье. Понимал, что случиться может всякое.

Эра Георгиевна вспоминает, что с эвакуацией они тянули до последнего, что погреб на даче оборудовали под бомбоубежище и надеялись так пережить самые трудные дни войны. Но “в конце июля 1941 года мы, спешно собравшись и взяв самое необходимое, поездом отправились в Куйбышев”. В одном вагоне с Жуковыми в эвакуацию ехали семья председателя Госплана и члена ГКО Вознесенского и генерала армии Тюленева. В Куйбышеве Жуковых поселили по соседству с семьями Тимошенко и Будённых. Они общались, дружили, “поддерживали друг друга”.

Штаб фронта находился близ Гжатска в лесу в тщательно замаскированных землянках. В штабной землянке Жукова встретил начальник штаба фронта генерал Ляпин и командующий артиллерией генерал Говоров. Жуков выслушал доклад Ляпина и сразу же выехал в сопровождении Говорова в расположение 24-й армии. “Ехали при мрачном отблеске пожаров, полыхавших где-то под Ярцевом, Ельней и западнее Вязьмы, — вспоминал маршал. — Что горело — мы не знали, но вид пожарниц создавал тяжкое впечатление. Гибло в огне народное добро...”

Напротив Ельнинского выступа оборону держала 24-я армия генерала Ракутина.

Командарм-24 произвёл на Жукова двойственное впечатление. “Чувствовалось, — писал он впоследствии в “Воспоминаниях и размышлениях”, — что оперативно-тактическая подготовка у него была явно недостаточной. К. И. Ракутину был присущ тот же недостаток, что и многим офицерам и генералам, работавшим ранее в пограничных войсках Наркомата внутренних дел, которым почти не приходилось совершенствоваться в вопросах оперативного искусства”.

Жуков изучил обстановку, осмотрел передний край. Буквально использовал его на животе. Побывал на полковых и батальонных наблюдательных пунктах. Поговорил с солдатами и командирами. И 21 августа отдал Ракутину приказ: атаки прекратить, они только истощают силы, потому что противник залёг на плацдарме основательно, в несколько эшелонов и при мощном огневом обеспечении; произвести перегруппировку и готовить войска к новому наступлению.

Ельнинский выступ, образовавшийся в ходе летних боёв за Смоленские ворота, был не просто выступом. Немцы захватили на левом берегу реки Десны выгодный плацдарм, накачали его войсками и огневыми средствами, хорошо укрепили. К тому же, овладев Ельней, фон Бок заполучил в своё распоряжение узел дорог, которые теперь мог контролировать и которыми мог пользоваться как выгоднейшей рокадой в своём тылу — по этой рокаде он мог перебрасывать войска, технику и грузы в любую точку довольно большого периметра по всему Ельнинскому выступу. Бездорожье и неблагоприятные погодные условия в России превратили войну для германских войск в постоянную, практически не прекращающуюся битву за коммуникации, за плацдармы и дороги.

Изучив карту порядков своего и соседних фронтов и оценив действия противника, который активизировался на Южном направлении, Жуков 19 августа отправил Сталину шифровку:

“1. Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск на путях к Москве, имея на своих флангах Центральный фронт и великолукскую группировку наших войск, временно отказался от удара на Москву и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и танковые части бросил против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов.

Возможный замысел противника:

Разгромить Центральный фронт и, выйдя в район Чернигов, Конотоп, Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта. После чего — удар на Москву в обход Брянских лесов и удар на Донбасс.

2. Считаю своим долгом доложить свои соображения о необходимости как можно скорее собрать крупную группировку в районе Глухов, Чернигов, Конотоп. Эшелон прикрытия сосредоточения сейчас же выбросить на реке Десна.

В группировку необходимо включить:

- 1) до 1000 танков, которые собрать за счёт мехкорпуса Закавказского ВО, танков РГК и в дальнейшем 300 взять с Дальнего Востока;
- 2) до 10 стрелковых дивизий;
- 3) 3-4 кавалерийских дивизии;
- 4) 400–500 самолётов.

Если ставить себе более активный способ противодействия этому крайне опасному плану противника, всю предлагаемую группировку нужно срочно собрать в районе Брянска, откуда и нанести противнику удар во фланг.

Не ожидая сосредоточения брянской группировки, необходимо усилить войска Западного фронта четырьмя-пятью стрелковыми дивизиями, восемь — десятью тяжёлыми артполками РГК и перейти немедленно в наступление с целью выхода на фронт Полоцк–Витебск–Смоленск.

Командующий Резервным фронтом генерал Жуков”.

В тот же день Жуков получил ответ: “Ваши соображения насчёт вероятного продвижения немцев в сторону Чернигов–Конотоп–Прилуки считаю

правильными. Продвижение немцев в эту сторону будет означать обход киевской группировки с восточного берега Днепра и окружение наших 3-й и 21-й армий. В предвидении такого нежелательного казуса и для его предупреждения создан Брянский фронт во главе с Ерёменко. Принимаются и другие меры, о которых сообщу особо. Надеемся пресечь продвижение немцев. Сталин”.

Маршал Василевский, в присутствии которого проходило назначение А. И. Ерёменко на должность командующего войсками Брянского фронта, после войны напишет в своих мемуарах: “Сталин сказал, что хотя возможность использования группы Гудериана для флангового удара по правофланговым войскам Юго-Западного фронта маловероятна, но опасаться этого всё же надо. Исходя из этого обязательная задача Брянского фронта состоит в том, чтобы не только надёжно прикрыть брянское направление, но во что бы то ни стало своевременно разбить главные силы Гудериана. Выслушав Сталина, вновь назначенный командующий Брянским фронтом очень уверенно заявил, что в ближайшие же дни, безусловно, разгромит Гудериана”.

Двадцать четвёртого августа по прямому проводу Сталин — Ерёменко: “Если Вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать Брянскому фронту ещё несколько полков авиации и несколько батарей реактивных установок РС. Ваш ответ?”

Ерёменко — Сталину, уверенно и твёрдо: “Подлеца Гудериана безусловно разобью. Для этого прошу подчинить мне 21-ю армию вместе с 3-й”.

Сталин немедленно отдал распоряжение о переподчинении штабу Брянского фронта 21-й и 3-й армий.

Как известно, “подлеца Гудериана” Ерёменко не разбил, наоборот — сам был разбит им.

“А как иначе я мог отвечать Сталину? — оправдывался после войны Ерёменко в одном из частных разговоров. — Шапошников и Василевский, несомненно, лучше знали общую обстановку, чем я, только что прибывший с Западного фронта, где занимался совершенно конкретным делом. Они могли бы меня поправить и сказать Верховному, что у них есть на сей счёт другое мнение”.

Вот почему Маршалом Победы стал тот, кто не давал пустых обещаний.

Шла война на уничтожение. Россия — не Польша и уж тем более не Франция, здесь позволялось всё. Из рассказа Бучина: “Прохладный денёк в конце лета. С запада беспорядочной стаей возвращались наши истребители И-15 и И-16. Машин с десяток. Наверное, они летали на штурмовку и израсходовали боезапас. А вокруг носились два “мессера”, подбивавшие пушечно-пулемётным огнём наших по очереди. Особенно жалко выглядели бипланики И-15; получив очередь, самолёт клевал носом, входил в штопор и, как сорванный лист, устремлялся к земле. Из одного И-15 успел выпрыгнуть лётчик. Над ним белым облачком развернулся парашют.

Георгий Константинович и мы, свидетели происходившего, с облегчением вздохнули: хоть этот спасётся. Но в ту же секунду мелькнул “мессер”, вцепил в упор очередь в беспомощно качавшегося на стропах парня и ушёл. Парашют как-то бережно опустил тело лётчика на землю недалеко от нас. Подошли. Он был совсем мальчиком, в синем комбинезоне, кожаном шлеме, весь залитый кровью. Жуков отрывисто приказал предать земле с почестями, повернулся и пошёл прочь. Редко когда я видел такой гнев на лице генерала, глаза сузились и буквально побелели”.

Не об этом ли окровавленном мальчике в синем лётном комбинезоне и кожаном шлеме на пыльной траве под Ельней вспомнит маршал весной 45-го, оглядывая в стереотрубу горящую столицу Третьего рейха, когда из его уст сорвётся жестокое и справедливое: “Развалинами Берлина удовлетворён”.

Двадцать пятого августа штаб Западного фронта получил директиву Ставки: “...30 августа левофланговыми 24-й и 43-й армиями перейти в наступление с задачами: покончить с ельнинской группировкой противника, овладеть Ельней и, нанося в дальнейшем удары в направлениях Починка и Рославля, к 8 сентября 1941 г. выйти на фронт Долгие Нивы, Хиславичи, Петровичи, для чего:

а) 24-й армии в составе восьми сд, одной тд, одной мд концентрическими ударами уничтожить ельнинскую группировку противника и к 1 сентября выйти на фронт ст. Большая Нежда, Петрово, Строина; в дальнейшем, развивая наступление, нанести удар в направлении на Починок и, овладев последним, к 8 сентября выйти на фронт Долгие Нивы, Хиславичи;

б) 43-й армии, оставив 22-ю и 53-ю сд на занимаемом фронте обороны и главные силы армии на обороне спас-деменских и кировских позиций, двумя стрелковыми и двумя танковыми дивизиями 30 августа перейти в наступление в общем направлении на Рославль и, овладев Рославлем, к 8 сентября выйти на фронт Хиславичи, Петровичи...”

Это было именно то, чего он ждал все эти дни и к чему готовил свои войска.

В период подготовки к операции Жуков основательно перетряс командный состав. Замены произошли в штабах, в дивизиях, в полках. Некоторые генералы за бездеятельность и халатность угодили под следствие. Эта “жестокость” командующего впоследствии выхолест в мемуары некоторых из отстранённых и отданных под суд.

Первая самостоятельная операция, разработанная и проводимая под руководством Жукова, действительно во многом напоминала Халхин-Гол. Охват сильными ударными группами, сосредоточенными на флангах, при активных действиях в центре.

Соотношение сил было примерно равным, при небольшом перевесе немецкой стороны в живой силе (70 тысяч солдат и офицеров против шестидесяти тысяч наших) и в танках (40 против тридцати пяти). Однако Жукову удалось достичь перевеса в артиллерии: 800 орудий, миномётов, установок реактивной артиллерии против пятисот немецких.

Тридцатого августа после мощной артподготовки дивизии генерала Ракутина атаковали немецкие позиции перед своим фронтом. Драка была яростная. Немцы с плацдарма уходить не хотели. В ходе сражения начали вводить в дело резервы второго эшелона. Все контратаки были отбиты. Порой с очень большими жертвами.

Второго августа фон Бок записал в своём дневнике: “Вопрос о сдаче Ельнинского выступа становится в этой связи одним из самых актуальных. Задействованные там дивизии в буквальном смысле истекают кровью. Ещё раз посоветовавшись с Клюге, я решил Ельнинский выступ оставить”.

Порой эта запись комментируется исследователями Ельнинского сражения как повод для облегчённого вывода: мол, немцы сами ушли из Ельни и оставили неудобный для обороны выступ...

Ушли — после нескольких суток упорных боёв, когда упорство стало перерастать в угрозу окружения на плацдарме основных сил 20-го армейского корпуса генерала Матерны — четырёх пехотных дивизий.

Пятого сентября 19-я стрелковая дивизия вошла в Ельню.

Восьмого сентября Ельнинский выступ был срезан.

Жуков докладывал Верховному: “Всего за период боёв в районе Ельни противник потерял убитыми и ранеными 45–47 тысяч человек и очень большое количество разбитыми нашей артиллерией и авиацией станковых пулемётов, миномётов и артиллерии. По показаниям пленных, в некоторых частях 137, 15, 178 пд миномётов и артиллерии не осталось совершенно. По докладу большинства командиров частей и по оставленным трупам на поле боя, за последние 3–5 дней противник потерял убитыми не менее 5 тысяч. Чтобы скрыть от наших войск свои большие потери, перед отходом противник все братские могилы разровнял и замаскировал под окружающую местность. <...> Очень хорошо действовала вся артиллерия даже молодых дивизий. РС своими действиями производят сплошное опустошение. Я осмотрел районы, по которым вёлся обстрел РС, и лично видел полное уничтожение и разрушение целых оборонительных районов. <...> Преследуя противника, 7.9 наши части вышли на р. Стряна, захватили её и с утра 8.9 имеют задачу развивать наступление, взаимодействуя с группой Собенникова. <...> В результате этой операции во всех войсках поднялось настроение и уверен-

ность в победе. Сейчас части увереннее встречают контратаки противника, бьют его огнём и дружно, в свою очередь, переходят в контратаки”.

Ельня помогла в октябре и ноябре выстоять под Москвой. Потому что битва за Москву началась уже там, на Десне и Хмаре.

Возможно, для вермахта неудачи в районе Ельни действительно не выглядели большим поражением, но для Красной армии контрнаступление на смоленской земле на центральном участке советско-германского фронта стало колоссальной победой. Здесь начали расправляться крылья наших войск, укрепился дух нашей армии.

Когда военные историки и публицисты, рассуждая о сражении под Ельней в августе-сентябре 1941 года, пытаются оценить эту победу или, напротив, обесценить, приводя цифры из арсенала сторон, безвозвратных и санитарных потерь, то они проходят мимо главного, что было добыто армией — всей Красной армией, сражавшейся в те дни на огромном фронте, а не только на периметре Ельнинского выступа, — они пытаются не заметить самого факта одержанной победы. Локальная, хотя и фронтовая, она в космосе всей войны, полыхавшей в те дни и в Африке, и в океанах, и на островах, стала тем поворотным фрагментом истории, после которого вермахт вступил в череду поражений. Победу под Ельней невозможно исчислить в цифрах. Там родился дух новой армии, которая завершит войну далеко на Западе, в Берлине. И Жуков, своим чутьём полководца, поцелованного Богом, мгновенно уловил это покуда ещё лёгкое движение, которое к 1944 году будет разогнано до мощнейшего урагана танковых прорывов на Запад. Своё донесение Верховному он подытожил значением именно “морального фактора”.

Глава двадцать четвёртая

ЛЕНИНГРАД

“Сталин сказал мне: либо отстоите город, либо погибнете там вместе с армией, третьего пути у нас нет...”

Когда Жуков прибыл из-под Ельни в Москву и услышал от Верховного, что дела под Киевом очень плохи, он подумал, что теперь его ждёт Юго-Западный фронт.

Верховный расспросил его о 24-й армии, о дивизиях, которые особо отличились в боях за Ельню. И вдруг без всякого перехода сказал:

— Вам придётся лететь в Ленинград и принять от Ворошилова командование фронтом и Балтфлотом.

— Готов выполнить любое задание.

— Город почти в безнадежном состоянии. Если немцы возьмут Ленинград и соединятся с финнами, они тут же с северо-востока, в обход, ударят на Москву. — Сталин сделал паузу. — Имейте в виду, в Ленинград вам придётся перелетать через линию фронта или через Ладожское озеро, которое контролируется немецкой авиацией.

Верховный взял со стола блокнот и быстро что-то в нём написал, затем вырвал лист, сложил его и подал Жукову:

— Лично вручите товарищу Ворошилову. — И, раскурив трубку, сказал: — Приказ Ставки о вашем назначении будет отдан позже, когда придёте в Ленинград.

На вопрос Сталина, какие будут просьбы, Жуков ответил, что ему в помощь нужны два-три генерала. Сталин кивнул:

— Берите кого хотите.

Настроение Верховного было подавленным. И он снова заговорил о Киеве:

— Плохо складываются дела на Юго-западном направлении. Мы решили заменить там главноком. Кого, по вашему мнению, следует туда послать?

— Маршала Тимошенко, — не раздумывая сказал Жуков.

Сталин посмотрел на Жукова вопросительно, ожидая пояснения. И Жуков продолжил:

— Маршал Тимошенко за последнее время получил большую практику в организации боевых действий, да и Украину он знает хорошо.

— Рекомендуете Тимошенко?

— Да.

— Пожалуй, вы правы. А кому поручим вместо Тимошенко командовать Западным фронтом?

— Командующему Девятнадцатой армией генерал-лейтенанту Коневу.

Как впоследствии вспоминал маршал, Сталин сразу же отдал по телефону распоряжение начальнику Генштаба Шапошникову вызвать в Москву Тимошенко и готовить приказ о назначении Конева.

Тема встречи была исчерпана, но Верховный не отпускал генерала.

— Как вы расцениваете дальнейшие планы и возможности противника? — спросил он.

— Группа армий “Центр”, вышедшая в район Чернигов—Новгород-Северский, может смять Двадцать первую армию и прорваться в тыл Юго-Западного фронта, — ответил Жуков. — Уверен, что группа армий “Юг”, захватившая плацдарм в районе Кременчуга, будет осуществлять оперативное взаимодействие с армией Гудериана. Над Юго-Западным фронтом нависает серьёзная угроза. Ещё раз рекомендую немедленно отвести всю киевскую группу на восточный берег Днестра и за её счёт создать резервы где-то в районе Конотопа.

— А как же Киев?

— Как это ни тяжело, товарищ Сталин, а Киев придётся оставить. Иного выхода у нас нет.

Сталин снова связался по телефону с Шапошниковым, спросил:

— Что будем делать с киевской группировкой? Жуков настойчиво рекомендует немедленно отвести её. — И, выслушав ответ начальника Генштаба, сказал: — Завтра здесь будет Тимошенко. Продумайте с ним этот вопрос, а вечером переговорим с Военным советом.

В тот же день Жуков заехал в Генштаб. Зашёл к заместителю начальника Генштаба Василевскому. Разговаривали, конечно же, о Ленинграде, о сложившейся там обстановке в результате последних немецких ударов. Расставаясь, Жуков спросил о юго-западном направлении.

— Думаю, что мы уже крепко опоздали с отводом войск за Днепр, — сказал Василевский.

Состоялся разговор и с маршалом Шапошниковым. Борис Михайлович подробно рассказал о том, что происходит в районе Ленинграда: ещё к концу августа немцы вышли к Неве, 8 сентября заняли Шлиссельбург и вышли к Ладожскому озеру, полностью блокировав город с суши, так что теперь сообщение с городом осуществляется только по воде и по воздуху. Командующий войсками Ленинградского фронта маршал Ворошилов отдал приказ уничтожить самые важные объекты и начал готовить город к эвакуации. Но комиссия во главе с Молотовым, которая только что завершила свою работу, пришла к выводу, что действия и планы Ворошилова мало согласуются с реальной ситуацией, что командующего необходимо срочно заменить.

Шапошников сказал, что положение Ленинграда не такое уж безнадежное, и дал несколько советов по поводу расположения и использования войск, а также возможных действий противника. Советы Шапошникова Жуков всегда ценил.

По словам Бедова, перед тем, как сесть в самолёт, Жуков сказал генералам, которые должны были лететь вместе с ним: “Полетим в Ленинград через линию фронта. Немецкие войска вышли к Ладожскому озеру и полностью окружили город. На подступах к городу идут очень тяжёлые бои. Сталин сказал мне: либо отстоите город, либо погибнете там вместе с армией, третьего пути у нас нет. Кто согласен, проходите в самолёт”.

К самолёту пошли все.

В Тихвине ЛИ-2 сделал посадку, дозаправился и снова взлетел, взяв курс на Ленинград. Его сопровождали три звена истребителей ЛаГГ-3. Перед вылетом местные лётчики предупредили командира экипажа транс-

портника: “Трасса трудная, опасная, “мессершмитты” всё время шныряют”.

Истребители сопровождения принадлежали 3-й резервной авиагруппе Ставки Верховного Главнокомандования. Их задачей было обеспечить перелёт транспортника из Тихвина на Комендантский аэродром в Ленинграде. Перед вылетом на построении командир авиагруппы полковник Холзаков предупредил своих “соколов”: “Сейчас поведёте этот “дуглас”. Любой ценой. Понятно? Если не доведёте транспортника до Комендантского, домой не возвращайтесь...”

Погода была нелётной. Низкая облачность. Дождь.

Транспортник тянул низко над лесом курсом на северо-запад. Девятка истребителей шла выше. Вот как рассказывал об этом полёте маршал авиации Силантьев, в то время младший лейтенант, пилот одного из истребителей сопровождения: “Вылетели двумя группами. Первая, в которой находился и я, состояла из двух звеньев — впереди и сверху “дугласа”. Возглавлял её опытный боевой лётчик, штурман полка капитан Паниуков. Вторая в количестве одного звена под руководством комиссара эскадрильи Николая Киянченко непосредственно прикрывала сопровождаемый самолёт. На всём пути к Ладожскому озеру было пасмурно, накрапывал дождик. Но над озером погода оказалась безоблачной. “Дуглас” перешёл на бреющий полёт, чтобы не привлечь к себе внимание постоянно шнырявших в этом районе вражеских истребителей. Минут через пять полёта над Ладогой с северо-запада на встречно-пересекающихся курсах появилась четвёрка “мессершмиттов”, а за нею — другая. Наша группа с ходу их атаковала, стремясь оттянуть как можно дальше от “дугласа”. Замысел удался. Постепенно бой переместился к Карельскому перешейку. В районе мыса Кюля мне удалось сбить один “мессершмитт”. А всего противник потерял в этом бою два истребителя. Вторая группа, отбивая непрерывные атаки “мессершмиттов”, довела транспортный самолёт до Комендантского аэродрома, расположенного в черте Ленинграда”.

В Ленинграде на Комендантском аэродроме генералов никто не встретил. Не поступило никаких распоряжений и начальнику гарнизона аэродрома. В Смольный поехали, можно сказать, на попутке. Жукова это, конечно же, взвинтило. Но пока он держался. Правда, как вспоминал потом начальник охраны, фуражку надвинул на глаза — это означало, что туча сгустилась в грозовую...

Дальше — больше. Во двор Смольного машину не пропустили. Остановили возле ворот и потребовали пропуск. Начальник охраны ответил коротко: “На вас пропуска нет — пропустить не могу”. Жуков, не выходя из машины, потребовал вызвать начальника караула. Через некоторое время появился старший лейтенант. К нему вышел Бедов, показал своё удостоверение и пояснил, кто находится в машине. Но старшего лейтенанта это не смутило. Он следовал уставу и стал звонить по телефону начальству. Наконец, получив разрешение, предложил прибывшим выйти из машины и следовать за ним. В приёмной история повторилась.

Тогда Жуков надвинул фуражку ещё ниже и шнул дверь ногой. Он вошёл в кабинет комфронта, холодно кивнул присутствующим и, не раздеваясь, сел на свободный стул.

В кабинете маршала Ворошилова шло заседание Военного совета фронта: Жданов, Кузнецов, Исаков, Клементьев... Жуков сразу уловил нить проблемы, которую решали собравшиеся: как уничтожить важнейшие военные и промышленные объекты города, поскольку, как они полагали, удержать позиции вокруг осаждённого Ленинграда уже невозможно.

Жуков достал записку Сталина и молча передал её Ворошилову. Текст записки был таким: “Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву”. Приказ Ставки о назначении Жукова командующим войсками Ленинградского фронта прибыл чуть позже. Сталин не объяснял своих действий по этому поводу, но они были вполне понятны: если бы немцы сбили транспортник, на котором летели генералы, направленные в Ленинград приказом Ставки, погиб бы не просто генерал Жуков, в то время ещё не особенно известный, а командующий войсками Ленинградского

фронта. Это обстоятельство ещё сильнее воодушевило бы немцев, а обороняющихся деморализовало.

Ворошилов прочитал записку и сразу снял. Возможно, смысл записки Сталина испугал его. За подобный провал генерал Павлов заплатил головой.

Видя замешательство Ворошилова, Жуков встал и, прервав заседание, сам представился как новый командующий войсками Ленинградского фронта. После этого предложил закрыть совещание Военного совета и с этой минуты прекратить любые разговоры о сдаче города, но немедленно озаботиться тем, как отстоять Ленинград. Закончил своё вступление в должность такой фразой: — Будем защищать Ленинград до последнего человека!

И только после этого снял фуражку и шинель.

Константину Симонову маршал рассказывал о том памятном заседании Военного совета фронта так: “Моряки обсуждали вопрос, в каком порядке им рвать суда, чтобы они не достались немцам. Я сказал командующему флотом Трибуцу: “Как командующий фронтом запрещаю вам это. Во-первых, извольте разминировать корабли, чтобы они сами не взорвались, а во-вторых, подведите их ближе к городу, чтобы они могли стрелять всей своей артиллерией”. Они, видите ли, обсуждали вопрос о минировании кораблей, а на них, на этих кораблях, было по сорок боекомплектов! Я сказал им: “Как вообще можно минировать корабли? Да, возможно, они погибнут. Но если так, они должны погибнуть только в бою, стреляя”. И когда потом немцы пошли в наступление на Приморском участке фронта, моряки так дали по ним со всех кораблей, что они просто-напросто бежали. Ещё бы! Шестнадцатидюймовые орудия! Представьте себе, какая это силища!”

С моряками Жуков поговорил на том совете, видимо, хорошо. Взаимоотношения натянулись надолго. Возможно, именно отсюда проистекает столь критичное отношение некоторых флотских мемуаристов к Жукову.

Откровения Константину Симонову по поводу судьбы балтийских кораблей вообще выводят на глубокие размышления о характере и судьбе нашего героя. Умереть в бою или выстоять! Третьего не дано. Именно так он строил свою войну, в том числе и под Ленинградом. Не удержи измотанные дивизии фронт в районе Пулковских высот и Урицка, рухни наша оборона, и что бы тогда грозило командующему фронту за оставление боевых кораблей противнику? В эти дни расстреливали за брошенную на поле боя винтовку...

Соперник у Жукова под Ленинградом был матерый. Жуков ещё не родился, когда фон Лееб поступил на военную службу и стал фанен-юнкером. А когда Егорик брыкался в мокрых пелёнках, будущий фельдмаршал и командующий группой армий “Север” уже получил своё первое офицерское звание.

Под Ленинградом их поединок начался практически в первые же часы прибытия нового комфронта в Смольный.

В дневнике фон Лееба, опубликованном на русском языке совсем недавно, записи, датированные началом сентября, полны предвзвешения скорого падения северной столицы русских: “...если Ленинград вследствие голода изъявит желание сдаться, то нужно будет лишить его возможности вновь оказать сопротивление: отправить в лагеря военнопленных всех солдат и военнообязанных, собрав при этом всё их наличное оружие...”, “русские части, окружённые севернее Луги, всё ещё продолжают попытки вырваться...”, “...сегодня мой день рождения — 65 лет. Полковник Шмундт передал поздравление от фюрера и денежный подарок — 250 000 марок”.

Фон Лееб уже размышлял о том, кого назначит комендантом Ленинграда и как лучше поступить, когда русский гарнизон выбросит белый флаг, войти в город или подождать, удерживая блокаду, когда там все перемрут...

Но уже скоро тон записок меняется.

“*Воскресенье, 14 сентября 1941 г.* Сегодня я побывал в расположении 4-й танковой группы. Там узнал от начальника штаба, что в отличие от предыдущих оценок о том, что между 41-м корпусом и Ленинградом противника почти нет, на самом деле Пулковские высоты представляют собой укрепленный район обороны, плотно занятый войсками противника. Дальнейшее наступление 41-го корпуса через Пулково до ближнего рубежа окружения,

как было приказано вчера, должно было бы привести к сильным потерям. Чтобы избежать этого и оставить 41-й корпус по возможности боеспособным, каким он сейчас и является, ему приказано пока оставаться у дальнего рубежа окружения, исключая Пулковку.

20 сентября 1941 г. В 17.00 у меня был разговор с генерал-полковником фон Кюхлером. Он подчёркивает, что в боях под Ленинградом пехота уже очень измотана. Командир 28-го корпуса заявляет, что он не в состоянии продолжать наступление. Более оптимистичен командир 50-го корпуса. Генерал-полковник фон Кюхлер также придерживается мнения, что окружение Ленинграда нужно сделать более плотным. Он жалуется на большой урон от огня тяжёлой артиллерии русских кораблей, которые ежедневно выводят из строя около сотни солдат. Из-за этого резко сокращается численность боевого состава. В том случае, если бы появилась необходимость усилить наступление на ближний рубеж окружения или придать дополнительные силы 39-му корпусу, подкрепление можно было бы выделить только за счёт Кронштадтской наступательной группировки. Но затем возник бы вопрос, каким образом можно будет вести наступление на самом Кронштадтском направлении.

Вторник, 23 сентября 1941 г. Положение в полосе ответственности 39-го корпуса по-прежнему неудовлетворительное, так как корпус, вынужденный перейти к обороне, должен отражать многочисленные атаки противника, а плацдарм у Выборгской на Неве всё ещё удерживается противником. Исходя из этого, необходимо ввести на этот участок дополнительные силы.

Среда, 24 сентября 1941 г. Напряжённая ситуация в полосе 39-го армейского корпуса приобрела кризисный характер. 8-я танковая дивизия сегодня вновь несколько раз подвергалась сильным атакам и вынуждена была отойти за речку Чёрная. 39-й армейский корпус перешёл к обороне, наступление прекращено.

Общая обстановка складывается следующим образом: ...атаки противника направлены, в первую очередь, против 39-го корпуса с тем, чтобы вывести Ленинград из осады...

В группе армий "Север" резервов больше нет. То, чем она располагала, пришлось отдать. 39-й армейский корпус, исходя из этого, может опираться только на наличные силы. Позднее ускоренным порядком будет выведена из Кронштадтской группировки одна из дивизий, которая совершит марш в направлении 39-го корпуса. Это создаёт предпосылки к тому, что как кронштадтская, так и ленинградская группировки, в конечном итоге, перейдут к обороне.

Пятница, 3 октября 1941 г. Противник не оставляет попыток разорвать кольцо вокруг Ленинграда. Об этом свидетельствуют создание плацдарма у Ивановского на Неве, а также сильные атаки на Урицк и высадка десантов западнее Урицка".

Город был на волосок от катастрофы. И возможно, моряки наиболее реально оценивали обстановку, минировав корабли. Но новый командующий приказал: драться до последнего солдата, до последнего матроса.

Генерал Федонинский был назначен на 42-ю армию с категоричной задачей: не пропустить противника к Ленинграду через Пулковские высоты. Там создалось особенно тяжёлое положение.

Вице-адмирал Трибуц получил приказ: разминировать корабли, подойти ближе к южному берегу Финского залива и, взаимодействуя с командармами, крушить боевые порядки противника из всех калибров. Основные направления огня — Пулковские высоты и Урицк.

На танкоопасных направлениях Жуков приказ строить оборону и эшелонировать её в глубину. Зенитки использовать в качестве противотанковой артиллерии.

Каждый день Жуков связывался со Ставкой, с Генштабом. Доклаживал, советовался с маршалом Шапошниковым. Приходилось буквально на ходу исправлять ошибки, допущенные штабом маршала Ворошилова. Особенно уязвимым город оказался с юга. Сюда была брошена авиация флота и последний резерв — дивизия войск НКВД с артиллерийским усилением. По-

этому 14 сентября, докладывая Шапошникову, Жуков попросил срочно помочь авиацией, особенно бомбардировочной и штурмовой. Разговор был нервный. Жуков сообщил о фактах нестойкости некоторых подразделений, о дезертирстве с боевых позиций и завершил доклад такими словами: “Сейчас приходится принимать пожарные меры и наводить должный порядок в частях... Если придётся, не остановимся ни перед какими мерами”.

Храбро дрались дивизии 54-й армии, которые занимали оборону по обрезу правого берега реки Волхов за пределами кольца и пытались деблокировать города с востока. Армией командовал маршал Кулик. Но в какой-то момент Жуков почувствовал, что командарм сосредоточен на безопасности собственных позиций, отодвигая на второй план задачи защиты Ленинграда. В ночь на 15 сентября Жуков связался с Куликом и приказал ему начать наступление. Однако занятый отражением локальной немецкой атаки на своём правом фланге, Кулик ответил, что в назначенные комфронта сроки перейти в наступление не может, поскольку “не все части вышли на исходное положение” и “не подтянута артиллерия”...

Разговаривали на повышенных тонах. Жуков пытался сдерживаться. Всё-таки на другом конце провода был маршал Советского Союза.

Жуков — Кулику: “Противник не в наступление переходил, а вёл ночную силовую разведку! Каждую разведку или мелкие действия врага некоторые, к сожалению, принимают за наступление... Ясно, что вы, прежде всего, заботитесь о благополучии 54-й армии, и, видимо, вас недостаточно беспокоит создавшаяся обстановка под Ленинградом. Вы должны понять, что мне приходится прямо с заводов бросать людей навстречу атакующему противнику, не ожидая отработки взаимодействия на местности. Понял, что рассчитывать на активный манёвр с вашей стороны не могу. Буду решать задачу сам. Должен заметить, что меня поражает отсутствие взаимодействия между вашей группировкой и фронтом. По-моему, на вашем месте Суворов поступил бы иначе. Извините за прямоту, но мне не до дипломатии. Желаю всего наилучшего!”

Вскоре маршал Кулик был заменён генералом Хозиным.

Тем временем на юге танковые авангарды 1-й и 2-й танковых групп фон Клейста и Гудериана сомкнулись в районе Лохвицы и завершили окружение основных войск Юго-Западного фронта. К 15 сентября в “котёл” угодили и полевые управления армий, а также штаб фронта вместе с командующим. Через несколько суток генерал Кирпонос погибнет во время боя на прорыв.

А под Ленинградом в эти дни положение обострилось до предела.

Фон Лееб сформировал мощную ударную группировку — около шести дивизий с усилением, — и после сильнейшего огневого налёта предпринял атаку на узком участке фронта в районе Пулковских высот. Армия генерала Федюнинского истекла кровью. Немецкая штурмовая авиация почти постоянно висела над обороной 42-й армии. Жуков хорошо чувствовал организм войны, течение боя, его направления, повороты и изгибы. Он знал: вероятность того, что немцы прорвут оборону и хлынут в город, очень велика.

Семнадцатого сентября, в самый пик кризиса ленинградской обороны, из штаба фронта в войска ушёл приказ.

“ВОЕННЫМ СОВЕТАМ 42-й и 55-й АРМИЙ

Боевой приказ войскам Ленинградского фронта 17.9.41

1. Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда рубежа Лигово, Кискино, Верх, Койрово, Пулковских высот, района Московская Славянка, Шушурь, Колпино, Военный Совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного Совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу.

2. Настоящий приказ командному и политическому составу объявить под расписку. Рядовому составу широко разъяснить”.

И что, спросите вы, расстреливали? Конечно, расстреливали. Как говорил Суворов: напролом идут — голов не жалеют.

И город не сдали. Не дали задуть Ленинград и уничтожить ленинградцев голодной блокадой.

Находясь в позиции обороняющейся стороны, Жуков постоянно бросал войска в короткие контратаки. Они, несомненно, истощали силы, но ещё сильнее действовали на врага.

Пятого октября 1941 года начальник штаба сухопутных сил генерал Гальдер записал в своём дневнике: “Группа армий “Север”. ОКХ отодвинуло срок начала наступления на ладожском участке фронта (оно было намечено командованием группы армий на 6.10) и отдало приказ об отводе с фронта подвижных соединений, которые могут только зря понести потери в этом районе, поскольку условия местности здесь крайне неблагоприятны для действий подвижных соединений. Наступление будет начато, как только удастся сосредоточить достаточное количество пехоты за счёт перебрасываемых сюда пехотных частей из тыла. Тем временем подвижные соединения отдохнут и пополнят личный состав и материальную часть.

Генерал Бранд доложил о соотношении сил артиллерии в районе Ленинграда. Согласно этому докладу, противник имеет в районе Ленинграда 16 батарей и на кронштадтском участке фронта — 12 батарей. Наша артиллерия значительно превосходит по численности артиллерию противника на обоих участках фронта. Нам недостаёт лишь единого руководства и единой службы наблюдения”.

Таким образом, начальник немецкого Генштаба признал эффективность действий советского военного руководства в Ленинграде.

Гитлер на одном из совещаний в “вольфшанце” в те дни, в сущности, это подтвердил: “Леиб не выполнил поставленную перед ним задачу, топчется вокруг Ленинграда, а теперь просит дать ему несколько дивизий для штурма города. Но это значит ослабить другие фронты, сорвать наступление на Москву. А будет ли взят Ленинград штурмом, никакой уверенности нет. Леиб предлагает перейти к глухой обороне. Он более не способен понять и осуществить мой замысел скорейшего захвата Ленинграда. Этот город надо уморить голодом, активными действиями перерезать все пути подвоза, чтобы мышь не могла туда проскочить, нещадно бомбить с воздуха, и тогда город рухнет, как переспелый плод... Что же касается Леиба, то он явно устарел и не может выполнить эту задачу”.

Жуков свою задачу, таким образом, выполнил. Соединения немецких и финских войск не произошло. Стойкость ленинградской обороны значительно облегчила судьбу Карельского фронта. И судьбу Москвы.

Немецкие атаки стали ослабевать. Разведотдел фронта доложил: моторизованные и танковые части противник отводит к Пскову; там танки грузят на железнодорожные платформы для отправки в неизвестном направлении.

Как вскоре выяснилось, танки 4-й танковой группы Гитлер направлял в район Рославля для предстоящего “решающего удара” на Москву.

Читая сводку разведотдела, Жуков понял, что выстоял. Но с танками 4-й танковой группы генерала Гёпнера ему предстояло встретиться очень скоро.

Глава двадцать пятая

УДАР “ТАЙФУНА”

“Все попытки противника форсировать р. Угра на фронте Товарково, Плетеневка (Калужский сектор) отбиты...”

Второго октября, за час до рассвета, перед самой атакой, солдатам группы армий “Центр” зачитали обращение Гитлера:

“Солдаты Восточного фронта!

Глубоко озабоченный вопросами будущего и благополучия нашего народа, я ещё 22 июня решился обратиться к вам с требованием предотвратить

в последнюю минуту опаснейшую угрозу, нависшую тогда над нами. То было намерение, как нам стало известно, властителей Кремля уничтожить не только Германию, но и всю Европу.

Вы, мои боевые товарищи, уяснили за это время два следующих момента:

1. Наш противник вооружился к готовившемуся им нападению буквально до зубов, перекрыв многократно даже самые серьёзные опасения.

2. Лишь Господь Бог уберёт наш народ, да и народы европейского мира от того, что варварский враг не успел двинуть против нас свои десятки тысяч танков.

Погибла бы вся Европа. Ведь этот враг состоит в основном не из солдат, а из бестий.

Теперь же вы, мои товарищи, собственными глазами увидели, что представляет собой “рай для рабочих и крестьян”. В стране с огромной территорией и неисчерпаемыми богатствами, которая могла бы прокормить весь мир, царит такая бедность, которая нам, немцам, непонятна. Это явилось следствием почти 25-летнего еврейского господства, называемого большевизмом, который представляет собой в истинном своём смысле не что иное, как самую обычную форму капитализма.

Носители системы и в том, и в другом случае — одни и те же: евреи и только евреи.

Солдаты!

Когда 22 июня я обратился к вам с призывом отвести ужасную опасность, угрожающую нашей родине, вы выступили против самой мощной державы всех времён. Прошло немногим более трёх месяцев, и вам, мои боевые товарищи, удалось благодаря вашему мужеству разгромить одну за другой танковые бригады противника, вывести из строя его многочисленные дивизии, взять в плен громадное число его солдат и захватить бескрайние просторы — и не пустынные, но именно те, за счёт которых наш противник жил и восполнял потребности своей гигантской военной индустрии в сырье самого различного вида.

Через считанные недели все три важнейших промышленных района окажутся в ваших руках!

<...>

За три с половиной месяца, солдаты, наконец-то создана предпосылка для нанесения врагу последнего и решающего удара ещё до наступления зимы, удара, который должен разгромить его окончательно. Все подготовительные мероприятия, насколько это оказалось в человеческих силах, завершены. Планомерно, шаг за шагом сделано всё необходимое, чтобы поставить противника в такое положение, когда мы сможем нанести ему смертельный удар. Сегодня начинается последнее величайшее и решающее сражение этого года.

Эта битва должна поставить на колени не только противника, но и зачинщика всей войны — Англию. Ибо, разгромив противостоящего противника, мы лишим Англию последнего её союзника на континенте. Вместе с тем мы устраним опасность не только для нашего рейха, но и для всей Европы, опасность нашествия гуннов, как когда-то впоследствии монголов. Весь немецкий народ в предстоящие несколько недель будет близок к вам, как никогда прежде.

Свершения, достигнутые вами и нашими союзниками, обязывают нас всех к глубочайшей благодарности. В предстоящие последние тяжёлые дни вместе с вами будет вся наша родина, которая, затаив дыхание, будет следить за вашими деяниями, благословляя на подвиги. С Божьей помощью вы добьётесь не только победы, но и создадите важнейшие предпосылки для установления мира!”

Началась операция “Тайфун” — наступление группы армий “Центр” на Москву. Двумя днями раньше из района Шостки в орловском направлении атаковала 2-я танковая группа Гудериана. 3-я танковая группа нанесла удар из района Духовщины. 4-я — из района Рославля вдоль Варшавского шоссе.

Сразу же была прорвана наша оборона. Танковые клинья разрезали порядки армий Западного, Резервного и Брянского фронтов и устремились

к Вязьме, Брянску и Орлу. Танковый удар поддерживали пехотные дивизии 9-й, 4-й и 2-й полевых армий. Уже к 3 октября глубина прорыва немцев в полосе Западного фронта достигла 50 километров, Резервного — 80 километров, Брянского — до 200 километров. Танки Гудериана ворвались в Орёл.

Пятого октября Сталин позвонил Жукову в Ленинград: "...не можете ли сесть на самолёт и приехать в Москву? Ввиду осложнения на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова, Ставка хотела бы с Вами посоветоваться о необходимых мерах. За себя оставьте кого-либо, может быть, Хозина..." Жуков попросил разрешения вылететь завтра утром на рассвете.

Пятого октября авиаразведка обнаружила колонны немецкой бронетехники в районе Юхнова. Доложили Сталину. И ему, как всегда в трудные минуты, стало не хватать Жукова. Верховный понял: случилось самое страшное, возможно, уже непоправимое. Но он знал, что есть один человек, которому он уже несколько раз поручал непоправимое, и тот поправлял. Юхнов — маленький районный городишко на Варшавском шоссе в двухстах километрах от Москвы. Для немецких мотоциклистов — три часа пути...

Шестого октября в Москве Жукова встретил начальник охраны Сталина, сказал, что Верховный болен и ждёт его на квартире.

Сталин был простужен, выглядел неважно. Когда Жуков вошёл, сразу же указал ему на карту:

— Вот, смотрите. Здесь, в районе Вязьмы, сложилась очень тяжёлая обстановка. Я не могу добиться ни от Западного фронта, ни от Резервного исчерпывающего доклада об истинном положении дел. Мы не можем принять никакого решения, пока не знаем, где и в какой группировке наступает противник, и в каком состоянии находятся наши войска. Поезжайте сейчас же в штаб Западного фронта, на месте тщательно разберитесь в положении дел и позвоните мне отсюда сразу, как только добьётесь какой-то ясности. Звоните в любое время. Я буду ждать.

Жуков уже собрался уходить, когда Верховный усталым голосом спросил:

— Как вы считаете, могут ли немцы в ближайшее время повторить наступление на Ленинград?

— Думаю, что нет, — ответил Жуков. — Противник понёс большие потери и перебросил танковые и моторизованные войска из-под Ленинграда куда-то на центральное направление. Он не в состоянии оставшимися там силами провести новую наступательную операцию.

— А где, по вашему мнению, будут применены танковые и моторизованные части, которые перебросил Гитлер из-под Ленинграда? — Сталин смотрел на карту.

— Очевидно, на московском направлении. Но, разумеется, после пополнения и проведения ремонта материальной части.

— Кажется, они уже действуют. — И Сталин указал на участок Западного фронта. — Здесь.

Перед выездом из Москвы Жуков побывал в Генеральном штабе.

Шапошников его встретил словами:

— Только что звонил Верховный, — сказал он, — приказал подготовить для вас карту Западного направления. Карта сейчас будет. Командование Западного фронта находится там же, где был штаб Резервного фронта в августе, во время Ельнинской операции.

И протянул распоряжение Ставки.

“Командующему Резервным фронтом.

Командующему Западным фронтом.

Распоряжением Ставки Верховного Главнокомандования в район действий Резервного фронта командирован генерал армии т. Жуков в качестве представителя Ставки.

Ставка предлагает ознакомить тов. Жукова с обстановкой. Все решения тов. Жукова в дальнейшем, связанные с использованием войск фронтов и по вопросам управления, обязательны для выполнения.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования

начальник Генерального штаба Шапошников.

6 октября 1941 г. 19 ч. 30 м”.

Шапошников угостил Жукова крепким горячим чаем и пожелал доброго пути. Большого он сделать для него не мог.

А путь предстоял смутный. Где армии? Где противник? Если немецкие танки на дороге от Юхнова на Медынь, то в любой момент можно наскочить на разведку противника или на усиленное головное охранение. Неужели катастрофа фронтов достигла таких масштабов? В какой-то момент Жуков подумал о матери и семье сестры, которые наверняка никуда не выехали из родной Стрелковки и теперь ждут своей участи. Или его помощи... И он машинально посмотрел в окно, в крошечную темень, где, в полутора десятках километров, не больше, стояла на берегу Протвы его деревня. А может, они ушли в сторону Москвы с обозом беженцев? От этой мысли сжалось сердце. Он знал, как беззащитны на дорогах войны бегущие от неё. Не раз видел на обочинах и в кюветах тела расстрелянных самолётами людей, трупы лошадей, брошенные телеги, разбросанные пожитки...

Чтобы не клонило ко сну, Жуков несколько раз останавливал машину и делал небольшие пробежки. Начальник охраны всякий раз тоже выскакивал из машины сопровождения и трусил следом. Жукова это и раздражало, и забавляло. Думал: пускай промнётся...

Жукову почти всегда доставались тяжелейшие задания и трудные соперники.

Ночью из штаба Западного фронта он позвонил Верховному, доложил:

— Главная опасность сейчас заключается в слабом прикрытии на Можайской линии. Бронетанковые войска противника могут поэтому внезапно появиться под Москвой. Надо быстрее стягивать войска откуда только можно на Можайскую линию обороны.

— Где сейчас Шестнадцатая, Деятнадцатая и Двадцатая армии Западного фронта? Где группа Болдина? Где Двадцать четвёртая и Тридцать вторая армии Резервного фронта? — нервно спросил Сталин.

Где армии, о которых спрашивал Верховный, и в каком они состоянии, Жуков пока точно не знал. Но знал главное о них.

— В окружении западнее и юго-западнее Вязьмы.

— Что вы намерены делать?

— Выезжаю сейчас же к Будённому, разберусь с обстановкой и позволю вам.

— А вы знаете, где штаб Резервного фронта?

— Буду искать где-то в районе Малоярославца.

— Хорошо, поезжайте к Будённому и оттуда сразу же позвоните мне.

Всё было скверно. Вдобавок ко всему пошёл дождь. Чай у Конева пить не стал. Надвинул фуражку поглубже на глаза и сдержанно попрощался.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “...густой туман стлался по земле, видимость была плохая. Утром 8 октября, подезжая к полустанку Оболенское, мы увидели двух связистов, тянувших кабель в Малоярославец со стороны моста через реку Протву.

Я спросил:

— Куда тянете, товарищи, связь?

— Куда приказано, туда и тянем, — не обращая на нас внимания, ответил солдат громадного роста.

Пришлось назвать себя и сказать, что мы ищем штаб Резервного фронта и С. М. Будённого.

Подтянувшись, тот же солдат ответил:

— Извините, товарищ генерал армии, мы вас в лицо не знаем, потому так и ответили. Штаб фронта вы уже проехали. Он был переведён сюда два часа назад и размещён в домиках в лесу, вон там, на горе. Там охрана вам покажет, куда ехать.

Машина повернула обратно. Вскоре я был в комнате представителя Ставки армейского комиссара 1 ранга Л. З. Мехлиса, где находился также начальник штаба фронта генерал-майор А. Ф. Анисов. Л. З. Мехлис говорил по телефону и кого-то здорово распекал.

На вопрос, где командующий, начальник штаба ответил:

— Неизвестно. Днём он был в 43-й армии. Боюсь, как бы чего-нибудь не случилось с Семёном Михайловичем.

— А вы приняли меры к его розыску?

— Да, послали офицеров связи, они ещё не вернулись.

Обращаясь ко мне, Л. З. Мехлис спросил:

— А вы с какими задачами прибыли к нам?

— Приехал как член Ставки по поручению Верховного Главнокомандующего разобраться в сложившейся обстановке.

— Вот видите, в каком положении мы оказались. Сейчас собираю неорганизованно отходящих. Будем на сборных пунктах довооружать и формировать из них новые части.

Из разговоров с Л. З. Мехлисом и А. Ф. Анисовым я узнал очень мало конкретного о положении войск Резервного фронта и о противнике. Сел в машину и поехал в сторону Юхнова, надеясь на месте скорее выяснить обстановку.

Проезжая Протву, вспомнил своё детство. Всю местность в этом районе я знал прекрасно, так как в юные годы исходил её вдоль и поперёк. В десяти километрах от Обнинского, где остановился штаб Резервного фронта, моя родная деревня Стрелковка. Сейчас там остались мать, сестра и её четверо детей. Как они? Что, если захватить? Нет, невозможно, время не позволяет! Но что будет с ними, если туда придут фашисты? Как они поступят с моими близкими, если узнают, что они родные генерала Красной Армии? Наверняка расстреляют! При первой же возможности надо вывезти их в Москву.

Через две недели деревня Стрелковка, как и весь Угодско-Заводский район, была занята немецкими войсками. К счастью, я успел вывезти мать и сестру с детьми в Москву.

При отступлении немцы сожгли Стрелковку, как и ряд других деревень, сожжён был и дом моей матери”.

Та памятная поездка на запад от Москвы в поисках своих штабов и войск запомнилась и водителю Бучину: “...мы объезжали штаб за штабом на Западном направлении. Жуков каким-то неведомым чутьём отыскивал очередной штаб, они были замаскированы от врага, а в данном случае и от своих. Чем дальше мы ехали по прифронтовой полосе, тем больше Георгий Константинович мрачнел. После переезда Нары машина охраны отстала, и наш доблестный ГАЗ-61 в одиночку рыскал по разбитым дорогам. В опустевшем Малоярославце, где, казалось, сбежали все, включая власти, у райисполкома увидели две шикарные машины. Жуков вышел, растолкал дрыхнувшего шофёра и узнал, что это машины маршала С. М. Будённого. Иномарки, конечно, на других пролетарский стратег не ездил. А его-то как раз и искал Георгий Константинович.

Примерно через полчаса Георгий Константинович вышел подтянутый, с каким-то пронзительным выражением в глазах. А за ним вывалился обмякший Будённый, знаменитые усы обвисли, физиономия отёкшая. С заискивающим видом он пытался забежать впереди Жукова и что-то лепетал самым подхалимским тоном. Георгий Константинович, не обращая внимания, буквально прыгнул в машину. Тронулись. В зеркале заднего вида запечатлелся замерший Будённый с разинутым ртом, протянутой рукой, которую Жуков не пожал. Маршал! За ним толпились выкатившиеся из двери охранники полководца.

В странствиях 6–8 октября Жуков неожиданно появлялся в войсках, что немедленно вселяло уверенность как в толпы отходивших красноармейцев, так и в высшие штабы. В последних Жукову предлагали закусить. Отступление отступлением, а животы штабные не подводили. Георгий Константинович холодно отказывался. Наверное, не хотел сидеть за столом с “бездельниками”, допустившими разгром и окружение немцами большей части войск Западного и Резервного фронтов. Да и относился он безразлично к тому, что ел. Георгий Константинович, бывало, повторял: “Щи да каша — пища наша”. Соблазнять его обильным застольем, да ещё с выпивкой, было бесполезно.

Проезжали мы в этот пасмурный нехороший день поблизости от деревни Стрелковка, где родился Жуков. Он вспомнил детство, в нескольких

словах рассказал о речке Протве, в которой мальчишкой рыбу ловил. Посетовал, что в Стрелковке остается мать да и родственники, а немцы подступают. Как-то глухо произнёс: “Видите, что они, сволочи, наделали в Медьни”. В том городке, разбитом немецкой авиацией, мы попытались было расспросить старуху. Оказалось — безумная, под обломками дома у неё погибли внуки. Доехать до Стрелковки тогда было бы пустым делом, но Жукову было не до этого. Мать генерала армии удалось вывезти через несколько дней буквально под носом у немцев. Ездил Чучелов”.

Возле Медьни кортеж представителя Ставки остановил патруль в необычной форме — в комбинезонах и танковых шлемах. Так Жуков оказался в зоне ответственности 17-й танковой бригады. Лейтенант проверил документы и сказал:

— Дальше ехать нельзя. Дальше — противник.

17-й танковой бригадой командовал майор Клыпин. Он доложил обстановку: Юхнов захвачен противником, немцы навели переправу через Угру в районе деревни Палатки и перебрасывают на левый восточный берег бронетехнику и артиллерию; в районе деревни Воронки усиленный артдивизион и рота курсантов подольских артиллерийского и пехотно-пулемётного училищ окопались на восточном берегу реки Извери и держат оборону; в стороне Калуги действует 5-я гвардейская стрелковая дивизия, но связи с нею нет.

Из беседы с майором Клыпиным и офицерами штаба 17-й танковой бригады Жуков понял, что части, которые находятся в районе Калуги, Медьни и Можайска, общего боевого порядка не имеют, слабоуправляемы, и, если не принять срочных мер, кратчайшие пути на Москву закрывать будет попросту нечем и нечем.

17-я танковая бригада и её командир, боевой офицер, Герой Советского Союза, произвели на Жукова хорошее впечатление. Здесь не было того беспорядка и уныния, граничащего с паникой, которые он увидел в штабах, расположенных восточнее.

Жуков отдал распоряжения “сосредоточиться на восточном берегу реки Извери и, ведя сдерживающие бои, изматывать противника”. Предупредил майора Клыпина, чтобы в затяжной бой не ввязывался, а действовал больше из засады короткими ударами. Указал на карте линию, дальше которой отходить нельзя. На прощание сказал:

— Берегите танки. И людей. Ваша бригада нам ещё понадобится.

Они снова встретятся в середине октября, в самые тяжёлые дни московского противостояния и позже, зимой, когда начнётся контрнаступление. Бригада майора Клыпина проведёт совместную атаку с курсантами подольских училищ и десанниками капитана Старчака. Только на Варшавском шоссе они уничтожат из засады 19 танков противника.

Пока Жуков колесил по калужским дорогам, пришла директива из Москвы.

“8 октября 1941 г. 3 час. 00 минут.

Ставка Верховного Главнокомандования:

1. Освобождает командующего Резервным фронтом Маршала Советского Союза тов. Будённого от обязанностей командующего Резервным фронтом и отзывает его в своё распоряжение.

2. Командующим Резервным фронтом назначает генерала армии тов. Жукова с освобождением его от обязанностей командующего Ленинградским фронтом”.

Тем временем штаб Западного фронта переместился в Красновидово западнее Можайска. 10 октября на вновь обустроенный командный пункт из Ставки прибыли Ворошилов, Молотов, Василевский. Маршал Конев впоследствии вспоминал: “По поручению Сталина Молотов стал настойчиво требовать отвода войск, которые дерутся в окружении, на гжатский рубеж, а пять-шесть дивизий из этой группировки вывести и передать в резерв Ставки для развёртывания на можайской линии. Я доложил, что принял все меры к выводу войск ещё до прибытия Молотова в штаб фронта, отдал распоряжение командармам 22-й и 29-й армий выделить пять дивизий во фронтовой

резерв и перебросить их в район Можайска. Однако из этих дивизий в силу сложившейся обстановки к можайской линии смогла выйти только одна. Мне было ясно, что Молотов не понимает всего, что случилось. Требование во что бы то ни стало быстро отводить войска 19-й и 20-й армий было, по меньшей мере, ошибкой. Но для Молотова характерно и в последующем непонимание обстановки, складывающейся на фронтах. Его прибытие в штаб фронта, по совести говоря, только осложняло и без того трудную ситуацию...

К 10 октября стало совершенно ясно, что необходимо объединить силы двух фронтов — Западного и Резервного — в один фронт под единым командованием. Собравшиеся в Красновидове на командном пункте Западного фронта Молотов, Ворошилов, Василевский, я, член Военного совета Булганин (начальник штаба фронта Соколовский в это время был во Ржеве), обсудив создавшееся положение, пришли к выводу, что объединение фронтов нужно провести немедленно. На должность командующего фронтом мы рекомендовали генерала армии Жукова, назначенного 8 октября командующим Резервным фронтом. Вот наши предложения, переданные в Ставку:

“Москва, товарищу Сталину. Просим Ставку принять следующее решение:

1. В целях объединения руководства войсками на Западном направлении к Москве объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт.
2. Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова.
3. Назначить тов. Конева первым заместителем командующего Западным фронтом.
4. Назначить гг. Булганина, Хохлова и Круглова членами военного совета Западного фронта.
5. Тов. Жукову вступить в командование Западным фронтом в 18 часов 11 октября.

Молотов, Ворошилов, Конев, Булганин, Василевский.

10.10.41 года”.

Подписи Жукова на этом документе нет. Достоверность документа вне сомнений, цитируется по подлиннику.

Маршал Василевский в своих мемуарах подтвердил и версию Конева, и суть вышеприведённого документа, также прояснил спорное место, касающееся присутствия Жукова на том совещании, а точнее, его неприсутствия: “Вечером 9 октября во время очередного разговора с Верховным было принято решение объединить войска Западного и Резервного фронтов в Западный фронт. Все мы, в том числе и генерал-полковник Конев, согласились с предложением Сталина назначить командующим объединённым фронтом генерала армии Жукова, который к тому времени находился в войсках Резервного фронта”.

Как уже говорилось, назначение Жукова на Резервный фронт состоялось 8 октября. Недалеко от Калуги кортеж представителя Ставки догнал офицер связи и вручил пакет. В нём была телефонограмма с текстом той самой директивы Ставки об освобождении маршала Будённого от должности командующего Резервного фронта и о назначении Жукова.

Одиннадцатого октября Жуков вступил в должность и к вечеру отправил в Ставку первое донесение.

“Донесение командования войсками Резервного фронта в Ставку ВГК от 11 октября 1941 г. об обстановке в районе г. Медынь и принятом решении: т. СТАЛИНУ, ШАПОШНИКОВУ

1. Противнику силою 50 танков, 2-3 пех. полк[ов] в течение 10.X наступал со стороны Юхнова и пытался захватить Медынь.

В результате упорного боя сводного пехотного отряда в 1000 человек и 17 танковой бригады противник остановлен западнее р. Шаня, что западнее Медыни.

К 16 часам 11.X в район Медыни подтягиваю 53 сд без одного стр. полка. Западнее Калуги в 30 километрах обнаружено сосредоточение танков и 400 автомашин. Обе эти группировки с утра 11.X буду бить авиацией.

2. 31 кд, усиленная пехотным отрядом, ведёт наступление на Козельск.
3. Все попытки противника форсировать р. Угра на фронте Товарково, Плетеневка (Калужский сектор) отбиты”.

Двадцать шесть лет назад здесь, в гарнизоне при артиллерийских складах под Калугой, он надел первую свою армейскую шинель, ещё не подозревая, что она станет его судьбой. И теперь он — генерал армии — командовал фронтом, полем боя которого стала его Родина. Эти поля и перелески в золоте уходящей осени, речные излучины и поймы, уставленные копнами сена из родного и милого до боли пейзажа в одно мгновение превратились в ландшафт, где ему предстояло расположить свои войска, чтобы остановить рвущегося к Москве врага.

Глава двадцать шестая

РАССТРЕЛИВАЛ ЛИ ЖУКОВ СВОИХ ГЕНЕРАЛОВ И ПОЛКОВНИКОВ?

“...и перед строем расстрелять!”

Когда немцы ворвались в Калугу, Жуков сразу же — 13 октября — телеграфировал командарму 49 генералу Захаркину:

“Копия т. Сталину.

1. Немедленно дать объяснение, на каком основании Вы бросили Калугу без разрешения Ставки и Военного Совета фронта и со штабом сами уехали в г. Таруса.

2. Переходом в контрнаступление восстановить положение: в противном случае за самовольный отход от г. Калуга не только командование частей, но и Вы будете расстреляны...”

Калугу Захаркин не вернул. Но Жуков, как известно, его не расстрелял. Даже от командования не отстранил. Хотя грозился и арестом, и расстрелом не раз.

Что и говорить, это стало своеобразным стилем Жукова: когда дела на фронте складывались особенно скверно, он, как правило, “расстреливал” много и часто.

В тот же день, 13 октября, Жуков издал приказ: “Трусость и паника в этих условиях равносильны предательству и измене Родине. В связи с этим приказываю:

1. Трусов и паникёров, бросающих поле боя, отходящих без разрешения с занимаемых позиций, бросающих оружие и технику, расстреливать на месте.

2. Военному трибуналу и прокурору фронта обеспечить выполнение настоящего приказа. Товарищи красноармейцы, командиры и политработники, будьте мужественны и стойки.

НИ ШАГУ НАЗАД! ВПЕРЕД, ЗА РОДИНУ!”

И там же: “Учитывая особо важное значение укреп. рубежа, объявить всему командному составу до отделения включительно о категорическом запрещении отходить с рубежа. Все отошедшие без письменного приказа военного совета фронта и армии подлежат расстрелу”.

Недавно в одном серьёзном издании прочитал статью некоего “военного историка” — статья подана как исследование, и вот что там говорится: в период битвы за Москву на Западном фронте “...были преданы суду военного трибунала: командующий 43-й армией генерал-майор Собенников П. П., зам. начальника оперативного отдела штаба Резервного фронта полковник Новиков И. А., командующий 31-й армией генерал-майор Долматов В. Н., а некоторые из них, такие, как командир 17-й стрелковой дивизии полковник Козлов П. С. и военком дивизии бригадный комиссар Яковлев С. И., были расстреляны перед строем личного состава”.

Проверим же с документами в руках этот список, эту “скрытую правду войны”, под которой явно просматривается злобещая тень “кровавого Жукова”.

Жукову не раз приходилось выправлять чужие грехи, результаты чужой бездарности, слабоволия и откровенной трусости. В том числе и при помощи крайних мер.

Среди “расстрельных” особо известен приказ от 22 октября 1941 года: “43-я армия. Голубеву.

1. Отходить с занимаемого рубежа до 23.10 ещё раз категорически запрещаю.

2. На 17 сд немедленно послать Селезнёва. Командира 17 сд немедленно арестовать и перед строем расстрелять.

17 дивизию, 53 дивизию заставить вернуть утром 22.10. Тарутино во что бы то ни стало, включительно до самопожертвования.

Самому находиться (ЖП) в районе боевых действий...”

Нынешние читатели этого и подобных ему документов наверняка разделятся на две категории. Одни увидят в приказе жёсткие, на грани жестокости, но вполне соответствующие времени и обстоятельствам требования командира к своим подчинённым. Другие — разнuzданную жестокость командира-тирана, приказывающего “арестовать и перед строем расстрелять”, возможно, ни в чём не повинного “командира 17 сд”.

Что же произошло на участке 17-й стрелковой дивизии и за что её командир был отдан под трибунал?

17-я стрелковая, бывшая Москворецкая дивизия народного ополчения, почти полностью погибла в самые первые дни прорыва под Рославлем 4-й танковой группы генерала Гёпнера. Командовал дивизией полковник П. С. Козлов, комиссар — бригадный комиссар С. И. Яковлев. Однако часть дивизии всё же вырвалась из окружения. Остатки её вскоре сосредоточились в пункте сбора — в селе Белоусове, что в нескольких километрах от Угодского Завода. Здесь полки переформировали, пополнили вышедшими из окружения бойцами, а также маршевыми ротами, и таким образом восстановленную дивизию поставили в оборону на стыке 49-й и 43-й армий как раз в районе Стрелковки, со штабом в Угодском Заводе. При первом же незначительном нажиме немцев дивизия побежала. Затем её кое-как собрали по окрестным лесам и поставили в оборону на новом рубеже. Но и новый рубеж дивизия оставила сразу, как только противник совершил авианалёт. Бегущие оставили историческое Тарутино и оголили фланги соседних дивизий, которые стояли как вкопанные. На войне, как и в драке: бьют не того, кто сбежал, а того, кто стоит и обороняется. Того, кто сбежал, добивают потом.

Бегущих надо было останавливать. Приводить в чувство. Возвращать в окопы.

Так появился приказ комфронта от 22 октября: “...и перед строем расстрелять”. И он, надо честно признать, остановил тогда, под Москвой, многих. Подобный приказ в сентябре остановил наши отступающие войска под Ленинградом. Теперь всё повторялось под Москвой.

Но был ли расстрелян полковник Козлов, который, судя по документам, явно заслуживал пули комендантского взвода?

Из донесения генерала Голубева Жукову 31 октября 1941 года: “...Докладываю о преступном факте. Сегодня на месте установил, что бывший командир 17 стрелковой дивизии Козлов не был расстрелян перед строем, а бежал от конвоя. Назначаю следствие”.

Сюжет для военно-приключенческого романа...

Но читатель скажет, мол, ладно, этот от расстрела бежал, а как же другие?

Заглянем в историю всё той же 43-й армии. В самый канун немецкого наступления на Москву за провал операции в районе Ельни с должности командующего армией был снят и отдан под суд с угрозой расстрела генерал-майор Селезнёв. Однако никакого суда не было. Как мы уже знаем, в октябре “расстрелянный” Жуковым Селезнёв его же приказом сменил полковника Козлова.

Следующим командующим 43-й армией стал генерал-майор П. П. Собенников.

В начале октября 43-ю армию генерала Собенникова буквально раскромсали танки 4-й танковой группы генерала Гёпнера — три корпуса, каждый из которых по огневой мощи не уступал всей 43-й армии. Когда в штаб Собенникова поступил приказ контратаковать немцев, в его распоряжении уже не было ни одной боеспособной дивизии и даже полка.

Десятого октября генерала Собенникова, отстранённого от командования армией, уже допрашивали следователи. Спустя некоторое время Президиум Верховного Суда, рассмотрев все материалы дела, вынес постановление о его помиловании и возвращении в армию с понижением в звании до полковника. Войну Собенников закончил генерал-лейтенантом в должности заместителя командующего 3-й армией.

В те же октябрьские дни был отстранён от должности, отдан под суд и приговорён к расстрелу, но с отсрочкой приговора, командир 53-й стрелковой дивизии полковник Н. П. Краснорецкий. Остатки своей дивизии полковник Краснорецкий вывел из-под Спас-Деменска. 53-я занимала оборону севернее Варшавского шоссе и правее 17-й стрелковой дивизии. Судьбы их оказались схожими. Вместе с остатками передового отряда курсантов Подольских военных училищ дивизия вышла к Белоусову, здесь была пополнена и заняла оборону по восточному берегу реки Протвы. Не выдержала удара немецких моторизованных частей и попяtilась, частично оставив свои позиции.

Двадцать первого октября телефонограммой из штаба Западного фронта в штаб 43-й армии ушёл следующий текст:

“ВОЕННОМУ СОВЕТУ 43 А.

В связи с неоднократным бегством с поля боя 17 и 53 сд
ПРИКАЗЫВАЮ:

В целях борьбы с дезертирством выделить к утру 22.10 отряд заграждения, отобрав в него надёжных бойцов...

Заставить 17 и 53 сд упорно драться, и в случае бегства выделенному отряду заграждения расстреливать на месте всех бросающих поле боя.

О сформировании отряда донести”.

Полковник Краснорецкий погиб на следующий день в бою во время контратаки в районе деревни Чернишни неподалёку от родной деревни командующего Западного фронта. Полковник получил возможность умереть в бою.

Не расстреляют и вышеупомянутого генерала Долматова. Его 31-я армия будет разгромлена тогда же, в октябре, в районе Ржева. Жуков отстранил Долматова от командования армией, отдал под трибунал. Но суд не найдёт его смертельной вины. Впоследствии генерал Долматов будет успешно командовать стрелковыми дивизиями и с одной из них дойдёт до Победы.

Но вернёмся к загадочной судьбе командира и комиссара 17-й стрелковой дивизии.

Козлов Пётр Сергеевич. 1905 года рождения. В Красной армии с 1926 года. Член ВКП(б) с 1928 года. Участник советско-финляндской войны. Отличился в боях, за что награждён орденом Красного Знамени. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Был инструктором парашютного спорта. В короткий срок изучил немецкий язык, почти в совершенстве овладел разговорной речью.

Прекрасный послужной список! Молод, умён, физически крепок. Судя по тому, какую энергию он проявил в изучении немецкого языка и парашютного дела, обладал волевым характером. Некоторое время среди исследователей битвы за Москву бродили версии о том, что таким образом (инсценировкой расстрела) разведотдел то ли 43-й армии, то ли Западного фронта провёл операцию глубокого внедрения своего агента в структуру немецкой разведки. И действительно, в одной из разведшкол Абвера появился бывший советский полковник П. С. Козлов. По сведениям, которые удалось получить в архивах ФСБ, к тому времени он был человеком сильно пьющим, имел кличку “Быков”, но с советской разведкой связан не был...

Судьба бригадного комиссара Яковлева такова: он был лишён наград, понижен в звании и направлен на Ленинградский фронт, служил в должности старшего инструктора политотдела 46-й стрелковой дивизии 52-й армии.

Конечно, были и расстрелянные. Потому что были и предатели, и трусы.

Правее позиций 17-й стрелковой дивизии в это время основные силы 43-й армии отчаянно дрались с немецкими танками и мотопехотой противника. И там тоже без крайних мер не обошлось.

“21 октября 1941 г.

К 11-00.

Генеральный штаб РККА, штаб Западного фронта.

Генералу армии Жукову.

Идёт бой в лесу восточнее Воробьи. Для наведения порядка расстреляно перед строем 20 человек. В одном случае пришлось применить массовый расстрел 10 человек. Противник ведёт сильный огонь по району Бухаловка.

Командующий 43-й армией Голубев”.

Шла война. И солдатами на ней были не ангелы. Не ангелами были и командиры. И с той, и с другой стороны.

Но суть Жукова — и под Ленинградом, и во время подмосковного противостояния — не в жестокости или милости к своим подчинённым, которые порой забывали об уставе и воинском долге. Таких, обладающих твёрдым характером и быстрым умом, профессионально состоятельных и умеющих брать на себя всю ответственность за возможные результаты своих решений, сейчас называют критическими менеджерами. Так вот, Жуков был лучшим критическим менеджером Сталина. И Сталин переиграл своего главного противника, Гитлера, в том числе и потому, что у фюрера за всю войну не нашлось критического менеджера такого уровня ответственности в сочетании, разумеется, с высокими профессиональными, интеллектуальными и волевыми качествами. Был какое-то время Манштейн, очень талантливый и мудрый полководец, но Гитлер его оттолкнул. Был Роммель, но фюрер заподозрил его в участии в заговоре. И если Сталин по ходу войны всё глубже овладевал вопросами тактики, при этом на поле боя предоставляя всё больше инициативы военным, то его vis-a-vis всё сильнее наполнялся недоверием к своим генералам и фельдмаршалам. Гитлер не верил ни в их лояльность, ни в профессиональные способности, отстраняя от командования и отправляя в отставку, зачастую с позором, одного за другим: фон Клейста, Гейнера, Гота... Сталин тоже убирал с фронта и отправлял во внутренние округа менее способных: Голубева, Пуркаева, Ротмистрова. Но смело выдвигал на должности командующих армиями и фронтами молодых, энергичных, честолюбивых: Рокоссовского, Черняховского, Рыбалко, Лелюшенко, Ватутина, Горбатова...

Глава двадцать седьмая

БИТВА ЗА МОСКВУ

“Я позвонил Верховному Главнокомандующему и, доложив обстановку, просил его дать приказ о начале контрнаступления...”

К середине октября положение к западу от Москвы настолько осложнилось, что из столицы в Куйбышев решили эвакуировать “часть центральных учреждений, весь дипломатический корпус, а также вывезти особо важные государственные ценности”. 15, 16 и 17 октября Москву охватила паника. Руководители предприятий, высокопоставленные чиновники города, пользуясь своими возможностями, грузили на служебный транспорт ценные вещи, некоторые под шумок прихватывали заводские кассы, забивали мешки и контейнеры продуктами длительного хранения и бежали из города. Народ взбунтовался. Начались погромы. Только расстрелы остановили хаос.

В эти дни произошёл кризис в районе Варшавского шоссе на кратчайшей дороге на Москву. Части 43-й армии дрогнули и стали отходить. Немецкие танки и мотопехота в разных местах начали просачиваться через многочисленные бреши. Создавалась угроза распада центрального участка Западного фронта. Если бы это произошло, немецкие войска уже беспрепятственно хлынули бы на неприкрытый Подольск и далее до самой Москвы.

Жуков в эти дни постоянно находился то в штабе, то в войсках. Спал час-полтора. Осунулся, похудел. Штаб перебрався на новое место — в Перхушково.

На самом же деле все ключевые службы находились во Власихе. А Перхушково — это условное название дислокации штаба Западного фронта.

И вот вести о московской панике дошли до штаба фронта. Жуков послал в Москву своего начальника охраны, чтобы тот лично разузнал, что там происходит.

Из рассказа Бучина историку Яковлеву: “Не знаю, что там доложил Николай Харлампьевич Жукову, а я убедился — Москва стоит и будет стоять. Что до испуганных людей, так это пена, которая схлынет. Да и пусть убираются, не болтаются под ногами. Со всей ответственностью должен сказать, такое настроение было в войсках, разумеется, в первую голову у русских. Они стойко переносили всё...”

Двадцатого октября, на второй день после введения в Москве осадного положения, “Красная звезда” на первой странице опубликовала портрет генерала армии Г. К. Жукова. Фронтвики, вспоминая те дни, говорят, что на них в окопах публикация портрета командующего фронтом подействовала так, как если бы в газете был напечатан портрет Суворова и им сказали бы: “Ребята, Суворов с вами!” Но сам Жуков этой публикации не обрадовался. Уже после войны в разговоре с писателем Давидом Ортенбергом, который в октябре 1941 года был главным редактором “Красной звезды” и хорошо запомнил, как спешно, по звонку Сталина они готовили макет первой страницы с портретом Жукова, маршал сказал ему: “Сталин не раз звонил мне и всё спрашивал: удержим ли мы Москву? И хотя я его убеждал: не сдадим столицу, уверенности у него в этом всё же не было. Он и подумывал, на кого бы в случае поражения свалить вину. Вспомним историю с генералом Павловым...”

Звонил Верховный Жукову действительно довольно часто. Однажды прислал в Перхушково Молотова. Людмила Лактионова, друг семьи Жуковых, передала слова маршала: “В критический момент обороны Москвы ко мне в штаб фронта приехал В. М. Молотов, который потребовал от меня ни одного шагу назад не отступать. При этом Молотов, в случае моего отступления, грозился меня расстрелять. Я ему на это ответил: вначале вы лучше себя расстреляйте, а затем и меня. В дальнейшем Молотов у меня в штабе фронта не появлялся”.

Можно себе представить, что они тогда наговорили друг другу, Жуков и Молотов, в каких выражениях произошла их словесная схватка.

Офицер для особых поручений штаба Западного фронта — майор в отставке Н. Козьмин — рассказал такую историю: “4 декабря 1941 г. мы находились в бомбоубежище. Там Г. К. Жуков проводил совещание с командующими армиями фронта. В это время позвонил Сталин и начал с Жуковым говорить. Смотрим: у Жукова на щеках заходили желваки и появились красные пятна на лице. Тут в ответ Жуков произнёс Верховному: “Мне лучше знать, как поступить. Передо мной четыре армии противника и свой фронт”. Сталин, видимо, что-то возразил. Тут Жуков взорвался: “Вы можете в Кремле расставлять оловянных солдатиков, а мне некогда этим заниматься”. Затем Жуков выпустил обойму брани и бросил телефонную трубку. Слышал ли Сталин брань Жукова в телефонную трубку, установить было трудно. Может, и слышал, но промолчал. Сталин позвонил 5 декабря в 24 часа и спросил: “Товарищ Жуков, как с Москвой?” Жуков: “Москва я не сдам”. Сталин: “Тогда я пойду отдохну”. Жуков в те дни был молчалив, неразговорчив. Ночами не спал. От дрёмы отбивался холодной водой, баней или гонял по кругу на коне”.

Но был и такой момент, когда Жуков, похоже, дрогнул, и Верховный вовремя укрепил его силы жёстким окриком. Немцы подошли к деревне Крюково на Ленинградском шоссе, и штаб фронта оказался в полуокружении. Разведка доносила о приближении немецких колонн, небольших групп и отрядов пехоты. Уже охрана вступила в бой. Начался ропот среди офицеров штаба: в целях безопасности разумнее было бы отойти к Москве... И тогда Жуков позвонил Сталину и попросил разрешения перевести свой штаб из Перхушкова на Белорусский вокзал. Сталин после небольшой паузы ответил: “Если вы попятитесь... Если отойдёте до Белорусского вокзала... Тогда лучше я займу ваше место в Перхушкове”.

В эти дни и недели противостояние на всём протяжении Западного, Калининского и Брянского фронтов достигло такого напряжения, что, казалось, введи противник ещё один резервный батальон — и наш фронт рухнет. Судьба Москвы решалась буквально везде, на участке обороны каждого взвода. Не удержись этот истрёпанный, наполовину зарытый в кровавом снегу и мёрзлой глине, полуживой взвод, уступи врагу свою позицию, и через эту брешь, как вода через щель в плотине, пойдёт вся сгрудившаяся по фронту мощь. Ответственность лежала на каждом солдате, на каждом лейтенанте и капитане, не говоря уже о полковниках и генералах.

Особенно сильное давление противник оказывал на флангах. Правое крыло прикрывала 16-я армия Рокоссовского. В нём Жуков был уверен, как в себе самом. Умрёт, а немецкие танки не пропустит. Но наступил момент, когда и надёжный Рокоссовский, как показалось Жукову, начал пятиться и оставлять позиции.

Двадцатого ноября Рокоссовский, войска которого немцы прижали к реке Истре в районе Истринского водохранилища, принял решение об отводе своих войск за водный рубеж.

Из воспоминаний Рокоссовского: “Само водохранилище, река Истра и прилегающая местность представляли прекрасный рубеж, заняв который заблаговременно, можно было, по моему мнению, организовать прочную оборону, притом небольшими силами...”

Всесторонне всё продумав и тщательно обсудив со своими помощниками, я доложил наш замысел командующему фронтом Г. К. Жукову и просил его отвести войска на истринский рубеж...

Командующий фронтом (Г. К. Жуков) не принял во внимание моей просьбы и приказал стоять насмерть, не отходя ни на шаг.

...Я считал вопрос об отходе на истринский рубеж чрезвычайно важным. Мой долг командира и коммуниста не позволил безропотно согласиться с решением командующего фронтом, и я обратился к начальнику Генерального штаба маршалу Б. М. Шапошникову. Спустя несколько часов получили ответ. В нём было сказано, что предложение наше правильное и что он как начальник Генштаба его санкционирует.

Настроение у нас повысилось. Теперь, думали мы, на истринском рубеже немцы поломают себе зубы. Их основная сила — танки — упрётся в непреодолимую преграду... Радость, однако, была недолгой. Не успели ещё все наши войска получить распоряжение об отходе, как последовала короткая, но грозная телеграмма от Жукова:

“Войсками фронта команду я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать. Генерал армии Жуков”.

Споры о том, кто больше прав в сложившейся ситуации, кипят давно и не утихают до сих пор. Менее всего желая подливать масла в огонь, всё же должен сказать, что отвод войск за Истринское водохранилище противоречил планам обороны, разработанным штабом Западного фронта. Убеждать командарма-16, при всех его талантах и положительных качествах, как командирских, так и человеческих, комфронта было некогда, и он просто отдал категоричный приказ: держаться во что бы то ни стало!

Спустя пять дней, когда кризис миновал, Жуков отдал приказ Рокоссовскому отвести войска на восточные линии Истринского водохранилища.

Штаб фронта в эти дни работал с особым напряжением. На самые трудные участки в помощь командармам постоянно перебрасывались резервы. А когда они оскудели, по приказу Жукова снимались с более или менее спокойных участков и перебрасывались на фланги вначале дивизии, потом полки, потом батальоны и отдельные роты. Во время работы над книгой о 33-й армии, которая в те дни сражалась под Наро-Фоминском, мне довелось читать архивные документы, в том числе приказы и распоряжения, подписанные начальником штаба Западного фронта генералом Соколовским. Среди них такие: выделить из состава такой-то дивизии стрелковый взвод, укомплектовать его лучшими бойцами, вооружить автоматическим оружием, выдать боекомплект и направить в распоряжение штаба 16-й армии, сформировать

ровать отделение бронейщиков, выдать новые противотанковые ружья и боекомплект...

Тем временем на левом крыле было не легче. Там сражалась 50-я армия генерала Ермакова. Действовала армия хорошо. Но у неё был опытный противник — 2-я танковая группа генерала Гудериана. Тем не менее, Ермаков смог остановить танки Гудериана и успешно сдерживал их до середины ноября. При этом укрепил Тулу и отражал все атаки на флангах.

После перегруппировки Гудериан повёл новое наступление, ударил южнее Тулы и прорвал фронт у Сталиногорска. К исходу 18 ноября авангарды 2-й танковой группы захватили Деделово, Узловую и угрожали глубоким прорывом в направлении Каширы и Зарайска. Обороной Тулы занимался не только штаб 50-й армии, но и Тульский обком ВКП(б). Был создан городской комитет обороны. Тульские большевики сформировали ополчение. Рабочий полк сражался на окраинах родного города. На заводах ремонтировали оружие и боевую технику. Выпускали боеприпасы и снаряжение. Взаимоотношения первого секретаря Тульского обкома Жаворонкова и командарма 50 Ермакова не сложились. В ночь на 21 ноября городской комитет обороны Тулы по инициативе Жаворонкова направил ГКО и лично Сталину телеграмму: “Командование 50-й армии не обеспечивает руководства разгромом немецко-фашистских людоедов на подступах к Москве и при обороне Тулы. Поведение военного командования может быть characterized как трусливое, по меньшей мере. Просим ГКО, Вас, товарищ Сталин, укрепить военное руководство 50-й армии. В. Г. Жаворонков, Н. И. Чмутов, В. Н. Суходольский”.

Двадцать второго ноября генерал Ермаков был освобождён от должности командующего 50-й армией “за невыполнение директивы ставки ВГК о переходе в наступление и за непринятие всех мер к приостановлению наступления немцев в районе г. Сталиногорска и его оставление”.

Новым командармом Ставка назначила генерала Болдина. Жуков считал эту кандидатуру не лучшим вариантом. Но он терпел, потому что назначение командармов находилось не в компетенции комфронта. Ставке и Верховному — виднее. Тем более что ему предложить было некого, да и о письме секретаря обкома он узнал только потом.

Однако войска южнее Тулы генерал Ермаков отвёл самовольно, без разрешения штаба фронта. И Жуков тотчас выслал в Тулу комиссию для исследования обоснованности приказа на отход. Комиссия пришла к выводу: оставленные частями 50-й армии позиции в районе Сталиногорска можно было удержать. На докладе комиссии Жуков собственноручно написал: “Командующего армией предать суду”.

Генерала Ермакова судили. Приговорили к пяти годам исправительно-трудовых лагерей с разжалованием и лишением всех наград. Однако прямо на суде председательствующий предложил осуждённому написать прошение о помиловании. Прошение было рассмотрено, и спустя несколько месяцев — ещё гремела битва за Москву — Ермакову вернули генеральские звёзды, орден Ленина, полученный за финскую кампанию, и направили в распоряжение Управления кадров РККА, а затем на фронт.

Офицера на войне, а тем более, генерала, было не так-то просто расстрелять. Если это не был спонтанный выстрел в порыве гнева.

Но были на Западном фронте в период битвы за Москву и расстрелы. В ноябре перед строем командного состава за сдачу Рузы были расстреляны исполняющий обязанности 133-й стрелковой дивизии 5-й армии подполковник А. Г. Герасимов и комиссар дивизии бригадный комиссар Г. Ф. Шабалов. В те же дни перед строем расстреляли командира 151-й мотострелковой бригады 33-й армии майора Ефимова, старшего батальонного комиссара Пегова, комиссара 455-го батальона той же бригады старшего политрука Ершова — “за то, что батальон, поддавшись панике, оставил занимаемый рубеж обороны и отошёл без приказа назад, увлекая за собой другие подразделения”. “За сдачу врагу занимаемого рубежа и позорное бегство с поля боя” были расстреляны командир 601-го стрелкового полка 82-й дивизии 5-й армии майор П. А. Ширяев и политрук Р. Е. Колбасенко.

Расстрельные приказы подписывали командармы Говоров, Ефремов, Голубев. Подписывал и Жуков. И конечно, и им тоже, как и генералу Хлудову из пьесы Михаила Булгакова “Бег”, пришло время, снились кошмарными ночами безжалостные монологи-проклятия солдата Крапилина... Но это их страдания, их крест. И они его несли. Каждый — свой. В мемуары эти душевные муки, конечно же, не попали.

“Тайфун”, по замыслу его творцов и исполнителей, должен был железными клещами танковых групп замкнуть кольцо вокруг Москвы и в гигантском “котле” покончить с последними дивизиями и боеспособными частями Красной армии. Поэтому такая яростная драка происходила именно на флангах.

Однако и на центральном направлении бои не утихали. Там наступала самая мощная в группе армий “Центр” армия — 4-я полевая, у которой танков было не меньше, чем у любой из трёх танковых групп, действовавших в те дни на московском направлении. Не случайно именно здесь немцы предприняли последнее усилие с целью пробить оборону и организовать брешь для решающего прорыва на Москву.

Тридцатого октября Жуков прибыл в расположение 43-й армии. Вместе с ним были начальник штаба фронта генерал Соколовский и член Военного совета Булганин. Жуков приказал проводить его на позиции первого эшелона.

С КП первого батальона 120-го стрелкового полка 93-й стрелковой дивизии он долго осматривал предполье, воронки, брошенные окопы, наполовину сожжённую деревню на противоположной стороне. Это была его родина. Здесь он знал каждую тропинку, каждый изгиб реки. И то, что враг был остановлен войсками его фронта именно здесь, в окрестностях Угодского Завода и Малоярославца, волновало особенно.

Вечером Жуков собрал на совещание всех командиров, до командира полка включительно. Выслушал доклады и предложения. Поставил задачи. Главной задачей было — держаться там, где стоишь, ни шагу назад. Неустойчивые будут отданы под суд и расстреляны перед строем. Это он повторил несколько раз. Командиры смотрели на него молча. Многие из них расстрелы перед строем уже видели. А он в те минуты видел глаза людей, готовых на всё. Вот почему с такой твёрдой уверенностью спустя несколько часов во время очередных переговоров с Верховным он скажет, что враг не пройдёт, что Москвы немцам не выдать.

Перед совещанием состоялся разговор с командармом Голубевым. Жуков всё ещё сомневался в том, что противник выдохся и остановлен здесь, на Стремилловском рубеже, на подступах к Подольску.

— И всё же, — сказал он, — что произошло на вашем рубеже обороны? Доложите более подробно. Сегодня я буду докладывать о положении на вашем участке Верховному.

— Войска противника остановились, — ответил Голубев.

— Чем это можно подтвердить?

— Сегодня в 7.00 артиллерийской подготовки по нашим позициям не было. В 8.00 противник в наступление не перешёл. Не появилась и его авиация. Наши наблюдатели отметили следующее: в 8.50 в центре и на левом фланге противник приступил к совершенствованию своей обороны. На правом фланге части Пятьдесят седьмого моторизованного корпуса тоже приступили к строительству оборонительных укреплений.

— Что сообщает разведка?

— Войсковая, армейская и авиационная разведка, а также командиры переднего края на 19.00 ещё раз подтвердили, что войска Девяносто восьмой и Тридцать четвёртой пехотных дивизий Двенадцатого армейского корпуса в течение суток создали оборону на всю глубину своих боевых порядков. Танковые подразделения второго эшелона Пятьдесят седьмого моторизованного корпуса от населённого пункта Воробы повернули направо в направлении посёлка Балабаново и двигаются дальше. Сегодня утром в полосе обороны нашей Пятьдесят третьей стрелковой дивизии её разведкой был захвачен офицер Двести восемьдесят девятого пехотного полка Девяносто восьмой пехотной дивизии. Он показал следующее: в пехотных ротах его полка

осталось по 15—10 человек, всё обмундирование летнее, оборванное, питание плохое. Лошади почти все убиты и съедены. Людской состав переносит боеприпасы и другие грузы на себе, таким же способом перетаскивает орудия и миномёты. Настроение солдат, да и младших офицеров, подавленное. Ключе обещал, сказал он, что у русских нет сил для обороны, что через день-два мы будем в Москве, но мы, солдаты, этому не поверили. Ещё сказал следующее: такого мощного сопротивления они не испытывали с начала кампании на Востоке.

— Какие вы делаете выводы из происходящего?

— На наш взгляд, противник измотан. Думаю, что немцы понимают, что дальнейшее наступление на Москву по Варшавскому шоссе через Подольск перспективы не имеет. Докладываю, что в районе Варшавского шоссе, включая Подольск и окрестности, создаётся Подольский боевой участок. Центральная ось боевого участка — шоссе и прилегающие населённые пункты. В настоящее время ведутся усиленные работы по совершенствованию обороны Подольского боевого участка и эшелонирования его в глубину. — И командарм показал на карту, на которую штабными работниками была нанесена схема боевого участка и обозначены линии обороны стрелковых частей, ПВО, противотанковые районы и ловушки, минные поля и проволочные заграждения.

В публикациях многих исследователей истории боёв 43-й армии период конца октября (после смены командующего армии и “расстрела” полковников) — начала ноября характеризуется как непродолжительная оперативная пауза, возникшая вследствие усталости наступавшей стороны и упорства оборонявшейся. Немцы проводили частичную перегруппировку для нового броска вперёд.

Действительно, под Малоярославцем и Тарутином наступило относительно затишье. Обе стороны готовились к новым боям.

Из отчёта, подготовленного офицерами Генштаба в ноябре 1941 года по итогам минувших боёв, которые уже тогда называли первым этапом Московской битвы: “Начатое 2 октября немцами наступление на Москву к концу октября выдохлось, и ослабленные в результате октябрьских боёв немецкие дивизии вынуждены были прервать своё наступление...”

Второй удар, ноябрьский, Западный фронт выдержал уже увереннее. Подошли резервы. В районе Серпухова произошла проба сил — 49-я армия генерала Захаркина, усиленная 2-м кавалерийским корпусом и 112-й танковой дивизией, своим правым крылом атаковала из района Серпухова в направлении Кремёнок и Высокиничей. Ударная группировка была подчинена командиру кавкорпуса генералу Белову.

Это был лихой конник, решительный командир и храбрый солдат. Его звезда ещё блеснёт в районе Юхнова и Вязьмы в 1942-м, под Жиздрой и Хотынцом во время битвы на Курской дуге в 1943-м, в операции по блокированию Курляндской группировки в 1944-м. Войска генерала Белова первыми из группировки 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Жукова в 1945-м форсируют Одер и захватят плацдармы, необходимые для атаки на Берлин.

Но до Берлина, и даже до Одера, было ещё далеко.

Из мемуаров генерала Белова: “9 ноября 1941 года корпус был включён в состав войск Западного фронта. В тот же день я был вызван к командующему фронтом генералу армии Г. К. Жукову.

Беседа в штабе фронта длилась недолго. Командующий сообщил мне, что создаётся группа войск под моим командованием; основой её будет 2-й кавалерийский корпус, придаются 415-я стрелковая и 112-я танковая дивизии, две танковые бригады, 15-й полк гвардейских миномётов — “катюш” — под командованием подполковника Дегтярёва и другие части.

Замысел предстоящей операции состоял в том, чтобы нанести контрудар по противнику в районе Серпухова в полосе 49-й армии совместно с нею, а потом прорваться в тыл немцев. Контрудар приходился на то время, когда немцы ещё наступали и держали в своих руках инициативу действий на советско-германском фронте.

Командующий показал мне на карте район намечаемой операции. Моя конно-механизированная группа, взаимодействуя с 49-й армией, должна была нанести главный удар в полосе шесть километров по фронту. Местность лесистая, с редкими населёнными пунктами. По данным штаба фронта, этот участок слабо прикрыт гитлеровцами, у них выявлено здесь всего два или три пехотных батальона, в позициях противника есть свободные промежутки, что облегчает прорыв вражеской обороны и позволяет направить в тыл к немцам диверсионные отряды наших войск.

Я попросил разрешения выехать на рекогносцировку. Но командующий запретил, сославшись на нехватку времени. В целях сохранения тайны он приказал никого, даже штабных командиров, не посвящать в замысел операции. План приказал разработать мне лично. Срок — один день.

Как бы там ни было, а к вечеру план был готов. В общих чертах он сводился к следующему. Под прикрытием обороняющейся 49-й армии моя группа сосредотачивается на левом берегу реки Нары в районе Булычево, Клейменово, Лопасня. Войска передвигаются скрытно, по лесам, и только в ночное время. Второй этап операции — занятие исходного положения на правом берегу реки Протвы. В 12 часов 13 ноября начинается наступление хорошо знакомая с местностью ударная группировка 49-й армии. Она сподобствует вводу в бой главных сил корпуса. После прорыва обороны противника корпусом войска 49-й армии расширяют прорыв вправо и влево и прикрывают фланги конно-механизированной группы. На третьем этапе группа развивает успех, выходит в тыл противника, совместно с войсками 49-й армии окружает 13-й армейский корпус немцев и уничтожает его.

Жуков ознакомился с моим планом и утвердил его.

— Завтра едем в Москву, к товарищу Сталину. Будьте готовы, — предупредил он на прощание.

В 15 часов 45 минут я подъехал к условленному месту на улице Фрунзе. Пасмурный холодный день близился к концу, наступали ранние осенние сумерки. Вскоре появилась машина Жукова, и я пересел в неё.

Въехали в Кремль через Боровицкие ворота. Небольшой отрезок пути прошли пешком. Шагали молча и быстро. Только в одном месте командующий чуть задержался, показал рукой на круглую яму:

— Авиабомба.

Воронка была большая. Я прикинул на глаз — не иначе как от полутонной бомбы.

Неподалеку от воронки — вход в подземное помещение.

Мы спустились по ступенькам и очутились в длинном коридоре. Справа двери, как в купированном вагоне. Много охраны.

Жуков оставил меня в одном из “купе”, а сам ушёл. Я снял шинель и фуражку. Разумеется, перед встречей с Верховным Главнокомандующим испытывал некоторое волнение и беспокойство. Осмотрел себя. Вид у меня был не совсем подходящий для такого приёма: красноармейская гимнастерка, охотничьи сапоги с отворотами. “Если спросят, почему не по форме одет, отвечу, что форма износилась, — успокаивал я себя. — Да и не очень-то повоюешь сейчас в хромовых сапогах...” Едва успел подумать об этом, как появился секретарь Сталина, поздоровался и повёл за собой.

В самом конце коридора — открытая дверь в просторную, ярко освещённую комнату. В дальнем левом углу её — большой письменный стол. Несколько телефонов. Жуков представил меня Сталину, стоявшему посреди кабинета.

Сейчас, воспроизводя в памяти прошлое, я невольно припоминаю мелкие, на первый взгляд не очень значительные детали, удивившие тогда меня, вызвавшие недоумение.

В те годы много писали о Сталине в газетах, называли его твёрдым, прозорливым, гениальным, — одним словом, на эпитеты не скупилась.

Я не видел его с 1933 года. С тех пор он сильно изменился: передо мной стоял человек невысокого роста с усталым, осунувшимся лицом. За восемь лет он постарел, казалось, лет на двадцать. В глазах его не было прежней твёрдости, в голосе не чувствовалось уверенности. Но ещё больше удивило меня поведение Жукова. Он говорил резко, в повелительном тоне. Впечат-

ление было такое, будто старший начальник здесь Жуков. И Сталин воспринимал это как должное. Иногда на лице его появлялась даже какая-то растерянность.

Верховный ознакомился с планом намечаемого контрудара, одобрил его. Выделил для участия в операции группу из трёх авиадивизий. Потом были уточнены сроки.

Верховный Главнокомандующий приказал отложить начало наступления на сутки. Оказывается, к контрудару готовилась также действовавшая значительно правее нас армия генерала К. К. Рокоссовского. Операция должна была начаться на обоих участках одновременно, чтобы помешать противнику маневрировать резервами”.

Наступление под Серпуховом не принесло успеха Западному фронту. Ударная группа, двигаясь по глубоким снегам и лесистой местности, пересечённой глубокими оврагами, к тому же плотно насыщенной войсками противника, которые успели хорошо укрепиться и насытить свою оборону огневыми средствами, быстро израсходовала свой наступательный ресурс и вскоре выдохлась. Немцы серией коротких контрударов быстро выправили положение и отбросили и кавалеристов, и танкистов, и пехоту 49-й армии на исходные.

Итак, донесения командармов и атака под Серпуховом показали, что противник ещё силён, укрепился на достигнутых рубежах основательно, но наступать уже не намерен. Стало понятно: немцы выдохлись, атаковать у них сил нет.

В эти дни Жуков, находясь на северном крыле в 16-й армии, захватил в расположение 78-й стрелковой дивизии, недавно прибывшей с Дальнего востока. Дивизией командовал полковник Белобородов. В штаб армии пришло сообщение, что захвачен пленный. Жуков решил допросить его лично.

На КП Белобородова он приехал вместе с Рокоссовским. Афанасий Павлантьевич устроился с сибирской основательностью: просторная землянка, сухая, хорошо натопленная, на две половины; в первой — связисты, во второй — штаб. Пока генералы, сидя у железной печки, отогревались с дороги крепким горячим чаем, привели пленного. Увидев немца, Белобородов замахал руками и сказал с укоризной конвоирам:

— Эх, вы... Ну, ладно, он не понимает. Ну, а вы-то? Хоть бы веником обмели...

Немец выглядел жалко: в летней шинели, в пилотке, нахлобученной на уши, плечи укутаны женской шалью; по пилотке и по плечам густыми ордами ползали вши.

Генералы переглянулись. Жуков засмеялся:

— Вшивая армия — факт знаменательный. Запишите его в журнал боевых действий. Опишите, какой он есть. Пригодится историкам.

По дороге в Перхушково, как рассказывал потом Бучин, Жуков несколько раз произнёс:

— Вшивая армия...

В те дни немецкие штабы получили любопытный документ:

“78-я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ.

Отдел разведки и контрразведки.

9.11.1941.

Генерал-армии Жуков, который, в соответствии с английскими радиоотчётами, заступил на место Тимошенко на центральном участке фронта, родился в 1896 г. Его отец был сапожником. Он рано вступил в ряды армии и к 1915 году дослужился до чина фельдфебеля. 1919 г. — вступил в большевистскую партию. Участвовал в гражданской войне и боролся против Белой армии, будучи унтер-офицером и младшим офицером. Затем дослужился до командира бригады на Кубани. 1939 г. — командующий Армейским корпусом на восточной границе (против Японии). Потом стал главнокомандующим и генералом армии в Киеве. 28.7.40 — прибыл в Бессарабию и с февраля 1941 г. является начальником Генерального штаба Красной армии и исполняющим обязанности народного комиссара обороны. Жуков является авторитетным командиром и считается способным офицером и хорошим организатором”.

Хотя сведения в этом документе грешат некоторыми неточностями, немцы уже тогда совершенно точно определили, кто из советского генералитета для них представляет наибольшую опасность.

Жуков продолжал действовать короткими контрударами, терроризируя противника, истощая его ресурсы, уничтожал в немецком солдате, сутками сидящем в мёрзлом окопе, веру в то, что хотя бы остаток зимы он проведёт в тёплых квартирах. Дикий холод в промёрзших на метровую глубину русских полях лишал германского солдата не только веры в победу, но и элементарного самообладания.

Из дневника фон Бока: “9/11/41. Положение Гудериана завидным никак не назовёшь. Противник подтянул свежие части и продолжает упорно атаковать южный фланг его танковой армии”.

“18/11/41. Гальдер хочет, чтобы 4-я армия атаковала всеми своими силами. Я против этого. В секторе XIII корпуса сложилось такое серьёзное положение, что армия даже подумывает об отходе с Протвы. XII корпус тоже основательно потрёпан атаками русских, а резерв, находившийся ранее во второй линии XX корпуса, передвинут в южном направлении, так что я не знаю, способен ли XX корпус атаковать при таких условиях. Атака силами всех остальных корпусов намечена на завтра. Гальдер сказал, что положение противника куда хуже нашего, и мы должны это понимать. По его мнению, последние сражения в секторе 4-й армии стратегического значения не имеют и направлены скорее на изматывание противника. Нельзя, однако, забывать, что русские после Смоленска перебросили из Сибири 34 свежие дивизии; из них 21 дивизия противостоит сейчас войскам группы армий”.

“20/11/41. Вечером пришло известие, что Гудериан хочет наступать главными силами через Михайлов в направлении Рязани. Я уже собрался было обсудить по телефону эту новость с Грейффенбергом, когда последний прервал мои рассуждения словами о том, что, согласно только что полученному рапорту от Гудериана, 2-я танковая армия выполнить поставленную перед ней задачу не в состоянии!”

“21/11/41. Поехал из Гжатска в расположение XII корпуса. Командир корпуса явно находится под впечатлением от имевших место ожесточённых сражений и самыми мрачными красками описывает состояние своих дивизий, чьи возможности, по его словам, полностью исчерпаны.

Потери, в особенности в офицерском составе, дают о себе знать. Многие лейтенанты командуют батальонами, один обер-лейтенант возглавляет полк. Численность некоторых полков сократилась до 250 человек. Личный состав страдает от холода и неадекватных условий размещения. Короче говоря, корпус, по мнению его командира, как боевая единица больше функционировать не в состоянии”.

“27/11/41. “Чёрный” день для 2-й танковой армии! Поначалу противник начал оказывать мягкое давление на её правый фланг. Потом он неожиданно нанёс удар большой силы с севера через Каширу против передовых частей танковой группы Эбербаха. Одновременно русские стали наступать из района Серпухова в южном направлении через Оку”.

“3/12/41. Около полудня позвонил Клюге и сказал, что вынужден настаивать на отводе передовых частей LVII и XX корпусов за Нарю из-за создавшегося тяжёлого положения на этом участке фронта. Я отложил решение по этому вопросу до 17.00, так как хотел дожидаться дневного рапорта о результатах атаки северной группы. Но в 16.00 Клюге доложил, что атака с северного направления против левого крыла XX корпуса до такой степени усложнила обстановку, что он был вынужден дать приказ об отходе на свой страх и риск”.

“7/12/41. Трудный день. В течение ночи правое крыло 3-й танковой группы начало отход. Дают о себе знать неприятные вклинивания противника на северном крыле танковой группы. Противник также значительно усилил давление на правом крыле 9-й армии. Я отослал всё, что мне удалось собрать на скорую руку, в распоряжение 3-й танковой группы; полк 255-й дивизии направлен на грузовиках — по батальону за один рейс — в сторону Клина, куда первый батальон прибыл этим утром. Единственный резерв,

какой только удалось наскрести 4-й танковой группе, представляет собой усиленную роту. Моторизованный инженерный батальон, который ранее предполагалось отправить в Германию, был остановлен и также направлен в распоряжение 3-й танковой группы. 9-й армии придётся полагаться исключительно на свои собственные силы.

2-я танковая армия получила по носу у Михайлова, в результате чего передовой батальон 10-й моторизованной дивизии, лишившись большей части своего снаряжения, вынужден был оставить город. Если не считать этого, отход 2-й танковой армии осуществляется в соответствии с планом.

2-я армия, которая, несмотря на все предупреждения, продолжает продвигаться в Восточном направлении, ввязалась в кровопролитные бои с крупными силами противника. Холод тоже становится причиной многих человеческих бедствий и жертв: один полк докладывал, что лишился 318 человек из-за обморожений. К нынешнему серьёзному кризису привели три обстоятельства:

1. Осенняя грязь. Передвижения частей и подвоз припасов были фактически парализованы жидкой грязью, затопившей дороги.

2. Провал с железными дорогами. Неадекватное обслуживание, нехватка вагонов, локомотивов и квалифицированного технического персонала. Неспособность локомотивов, оборудования и наскоро отремонтированных станционных сооружений функционировать в условиях русской зимы.

3. Недооценка способности противника к сопротивлению, а также его резервов в плане личного состава и материальной части.

В результате воспользоваться плодами победы под Вязьмой нам не удалось”.

Таким образом фон Бок признаёт, что удары советских войск практически свели на нет результаты всех предыдущих успехов, достигнутых в ходе операции “Тайфун”.

Немцы ещё в ноябре, перед вторым ударом почувствовали твёрдость русской обороны и поняли, что, возможно, не смогут её пробить и на этот раз. Гальдер записал в своём дневнике: “Если развёрнутое сейчас на Москву наступление не будет иметь успеха... то Москва станет вторым Верденом, т. е. сражение превратится в ожесточённую фронтальную бойню”.

Так и произошло. И эта фронтальная бойня, этот подмосковный Верден заставил фон Бока израсходовать последний мизерный резерв. А потом начались мощные контрудары русских. И для немцев ситуация стала малоуправляемой, при которой некоторые командиры отказывались выполнять приказы и самовольно отводили свои войска на более выгодные позиции.

Из “Воспоминаний и размышлений”: “29 ноября я позвонил Верховному Главнокомандующему и, доложив обстановку, просил его дать приказ о начале контрнаступления.

И. В. Сталин слушал внимательно, а затем спросил:

— А вы уверены, что противник подошёл к кризисному состоянию и не имеет возможности ввести в дело какую-нибудь новую крупную группировку?

— Противник истощён. Но если мы сейчас не ликвидируем опасные вражеские вклинения, немцы смогут подкрепить свои войска в районе Москвы крупными резервами за счёт северной и южной группировок своих войск, и тогда положение может серьёзно осложниться.

И. В. Сталин сказал, что он посоветуется с Генштабом.

Я попросил начальника штаба фронта В. Д. Соколовского, который также считал, что пора вводить в действие наши резервные армии, связаться с Генштабом и поддержать наше предложение о целесообразности начала незамедлительного контрнаступления.

Поздно вечером 29 ноября нам сообщили, что Ставка приняла решение о начале контрнаступления и предлагает представить наш план контрнаступательной операции. Утром 30 ноября мы представили Ставке соображения Военного совета фронта по плану контрнаступления, исполненному графически на карте с самыми необходимыми пояснениями. Подробностей от нас не требовалось, поскольку всё основное было заранее оговорено лично с И. В. Сталиным, Б. М. Шапошниковым и А. М. Василевским. Я направил с планом только коротенькую записку Александру Михайловичу Василев-

скому: “Прошу срочно доложить народному комиссару обороны т. Сталину план контрнаступления Западного фронта и дать директиву, чтобы можно было приступить к операции, иначе можно запоздать с подготовкой”.

Пятого декабря войска Калининского фронта генерала Конева, а 6 декабря резервные армии Западного фронта генерала Жукова и правифланговые Юго-Западного фронта маршала Тимошенко пошли в контрнаступление. Так началась грандиозная операция, продлившаяся до двадцатых чисел апреля 1942 года. О ней весьма точно сказал немецкий историк Блюментрит, в те дни генерал и начальник штаба группы армий “Центр”: “Это был поворотный пункт нашей восточной кампании — надежды вывести Россию из войны в 1941 г. провалились в самую последнюю минуту. Теперь политическим руководителям Германии важно было понять, что дни blitzkriegа канули в прошлое. Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя”.

О том, как начиналось контрнаступление и как оно задумывалось, маршал рассказал после войны в беседе с военными историками: “Контрнаступление под Москвой не было похоже на контрнаступление под Сталинградом или в другом районе. Под Москвой контрнаступление вылилось из контрударов. Его развитию, конечно, способствовал ввод новых соединений и удары авиацией по войскам противника. Были ли у нас в штабе фронта и в Ставке разговоры о контрнаступлении? Такие разговоры, конечно, велись. Например, заместитель начальника Генерального штаба Василевский вёл разговор с командующим войсками Калининского фронта с И. С. Коневым о том, что этому фронту надо тоже включиться в контрнаступление. Этот разговор, как видите, носит чисто агитационный характер и свидетельствует о том, что заблаговременного разработанного плана не было ни в штабе Калининского фронта, ни в Ставке Верховного Главнокомандования. Насколько мне помнится, Калининскому фронту никаких средств усиления не передавалось.

В первой половине декабря контрнаступление на флангах фронта развивалось весьма успешно. Например, на левом крыле фронта перед войсками 10-й и 50-й армий и группы Белова противник временами просто бежал. Поиному складывалась обстановка на центральном участке фронта. Здесь мы его медленно выталкивали. И это объяснялось тем, что в армии, действовавшие в центре фронта, при переходе от контрударов в контрнаступление, мы не дали ни одного солдата, ни одного пулемёта, ни одной пушки. Всё, что нам поступало из резерва Ставки Верховного Главнокомандования, мы передавали во фланговые группировки. Мы стремились в максимальной степени ослабить и обескровить танковые армии противника и выйти на фланги и в тылы группы армий “Центр”.

Когда под Москвой всё задвигалось, запыхало и загромыхало, когда армии правого и левого крыла, а потом и центра начали докладывать об освобождённых городах и захваченных трофеях, Жуков, в эти дни почти не смыкавший глаз, лёг на свою походную солдатскую кровать, укрылся шинелью и уснул так, что его не могли добудиться несколько суток. Даже когда позвонил Верховный, его не смогли поднять на ноги. Через несколько часов Сталин позвонил снова. Но и в этот раз мертвецки спящего комфронта растолкать не удалось. Так и доложили. Тогда Сталин сказал: “Пусть спит, пока сам не проснётся”.

В те дни в жизни Жукова появилась женщина.

Почти у всех старших офицеров на войне были фронтовые подруги. А уж у генералов, командующих армиями и фронтами — как правило. Некоторые на своих фронтовых любимых потом женились. И счастливо прожили жизнь, нарожали и вырастили детей, нянчили внуков. К примеру, маршал Конев. Другие своих подруг впоследствии устроили в жизни, позаботились о жилье и достатке, обеспечивали детей, если они рождались. Как, к примеру, маршал Рокоссовский.

У нашего героя всё вышло иначе.

Из воспоминаний Александра Бучина: “Лида Захарова появилась в нашей маленькой группе обслуживания Жукова в дни битвы под Москвой, осенью 41-го года. Георгий Константинович тогда расхворался, и к нему прикомандировали фельдшера — младшего лейтенанта медслужбы Захарову. Худенькая, стройная, она была для нас, как солнечный лучик. Более незлобивое существо трудно себе было представить. К ней быстро привязались мы все, в том числе и Жуков. Но она никогда не забывала, что прислана следить за здоровьем генерала армии. Поэтому не отходила от него ни на минуту. Застенчивая и стыдливая, она терпеть не могла грубостей и сильно терялась, когда занятый по горло Георгий Константинович отмахивался от её заботы. Иной раз уходила от него в слезах. Свой нрав Жуков не укорачивал даже с ней, хотя и любил Лиду, но как-то по-своему, сурово. И тиранил её, бывало, и по-солдатски поддеивался над ней, но от себя никуда не отпускал. Немало людей сменилось в группе обслуживания Жукова в те годы, но Лида оставалась. На людях Лида постоянно соблюдала дистанцию. В машине с нами не ездила. Только сзади, с охранниками. Жила, правда, в одном вагоне с Жуковым. Но там же жили и три генерал-лейтенанта. Однажды, в июле 43-го, в нашей маленькой группе был праздник: мы поздравляли Георгия Константиновича с награждением второй медалью “Золотая Звезда” Героя Советского Союза. И Лиде поручили вручать Жукову громадный букет. Видели бы вы это вручение! От смущения она была просто пунцовой, не смела даже поднять глаз на своего кумира. Как в тот момент Лида была трогательна в своём отглаженном форменном платьице с лейтенантскими погонами, орденом Красной Звезды и медалью “За отвагу”! Даже взгляд Жукова потеплел. Нам показалось, что в тот момент он был гораздо счастливей, чем когда-либо”.

Лидия Захарова была рядом с Жуковым всю войну. Затем последовала за ним в Одессу, после Одессы в Свердловск. Это тихое, кроткое существо сопровождало маршала и в годы его славы и великого триумфа, и в период опалы. Человек величайшей внутренней культуры и такта, она не переступала ту грань, за который её кумир мог бы увидеть претензию на что-то большее, чем то, что между ними произошло. И тем была счастлива.

Была ли любовь? Была. Долгая и мучительная. В середине 1950-х годов, когда Жуков вернулся в Москву и занял пост министра обороны СССР, он разыскал Лидию и выхлопотал ей новую квартиру. Лидия работала по специальности — фельдшером в сельском медпункте в том самом подмосковном Перхушкове, неподалёку от которого когда-то находился штаб Западного фронта. У Жукова тогда уже была Галина. Лидия к тому времени вышла замуж. Жила вполне счастливо. За квартиру была благодарна. А он в какой-то мере успокоил свою совесть.

Когда врага от Москвы отогнали, из эвакуации вернулась семья — Александра Диевна с дочерьми, мать Устинья Артемьевна и сестра Маша с детьми. Как вспоминает Эра Георгиевна, в один из дней по приезде из Куйбышева они отправились к отцу в Перхушково. По всей вероятности, Жуков прислал за ними машину. Пробыли они в Перхушкове недолго, день или два, и вернулись в Москву.

Когда началось наступление, штаб фронта тоже вслед за войсками переместился на запад к станции Обнинская. Это уже была родина. Сюда Жуков ходил пешком из Стрелковки. Отсюда шли поезда в Москву. Сюда же он приезжал из Москвы, сходил с поезда и шёл домой, буквально летел, как на крыльях, тащил тяжёлый чемодан с городскими подарками...

Деревни в округе были сожжены. Местные жители ютились в наспех отрытых землянках. Еду готовили в чудом уцелевших печах прямо на улице. Смотреть на страдания земляков было больно.

Река Протва протекала недалеко от штаба. Иногда он спускался к ней, чтобы подышать влажным воздухом родины.

(Продолжение следует)